

СИБИРЬ

2 • 2023

78 ЛЕТ СО ДНЯ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

9 МАЯ
1941 - 1945

*А. Костовский, портрет ветерана войны Егора Фролова.
1970. Х., м. 90×80*

А. Костовский. Разговор с философом Сириным А.Д. 2003. Х., м. 81×99

СИБИРЬ

397/2 2.2023

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Иркутская хрестоматия

120 лет со дня рождения известного сибирского поэта

Иван Молчанов-Сибирский. Шишкарки 3

Евгения Молчанова. «Передавая сердца трепет...» 12

125 лет со дня рождения

Леонид Соболев. Волшебный крысолов. Рассказ 36

110 лет со дня рождения

Алексей Зверев. Последние. Рассказ 42

85 лет со дня рождения

Вячеслав Шугаев. Однокурсница. Рассказ 48

Поэзия

Юрий Розовский. «Как коротко, как ёмко слово Русь...» 55

Садиг Мамедов. «Верьте и ждите! Я скоро вернусь...» 89

Анатолий Обьедков. «Крещеньем наш отмечен день...» 100

Яков Шафран. «Я душой нахожусь на донецкой аллее...» 132

Валерий Скрипко. «Спасителя я повторяю имя...» 178

Проза

Александр Семенов. Сокол ясный. Рассказ из повествования 61

Алена Шипицына. Мятный шоколад. #мамасашиикати. Отрывок из книги 93

Ольга Попова. Живите в радости. Рассказ 105

Владислав Огарков. Белая сирень. Рассказы 108

Очерки и публицистика

Владимир Скиф. Иван Молчанов-Сибирский 138

Валерий Скрипко. Проблемы социальной сплочённости 153

Тамара Бусаргина. «Себя каждый день — из себя доставать...» 164

Литературная хроника

Валентина Семенова. «Час мужества пробил на наших часах...».	
О «Сиянии России-2022»	185
Инна Коноплёва. «Услышь мелодию строки» — 2022	204
Игорь Шумейко. Сибирские дары в Библиотеке Администрации Президента	206

Книжная лавка

Маргарита Каранова. Их песни допоят байкальские метели.	
О книге Т.Г. Бусаргиной, <i>впечатления и рассуждения</i>	212
Эдуард Анашкин. Знамение и знамя. <i>Заметки на полях книги Василия Козлова</i>	
«Рядом с Распутиным...»	217

Вернисаж

Анатолий Байборodin. Русский реалист Анатолий Костовский	222
---	-----

Сулочка к ребру

Пародии	228
----------------------	-----

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**
Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**
Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru
Подписано в печать 24.04.2023 г. Выход в свет: 30.05.2023 г. Формат 70x108/16.
Усл-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»
Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

Иркутская хрестоматия

120 лет со дня рождения известного сибирского поэта

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ Иван Иванович (1 мая 1903, г. Владивосток, Российская империя — 1 апреля 1958, г. Иркутск, РСФСР, СССР) — поэт, прозаик, военный корреспондент, руководитель Иркутского отделения Союза писателей. Родился в семье военного моряка, баталера канонерской лодки «Кореец». В 1905 отец его переехал в Иркутск. В 1914 И.И. Молчанов поступил в гимназию. После гимназии в 1918 поступает в подготовительный класс Иркутского технического училища, где заканчивает 2 класса. В 1920 работал в Иркутском депо помощником слесаря. В 1921 поступил в Иркутский политехникум на химическое отделение, где обучался до 3-го курса, затем был переведён в Красноярский техникум путей сообщения. В 1922 было создано ИЛХО — Иркутское литературно-художественное объединение, в которое вошли Иосиф Уткин, Валерий Друзин, Джек Алтаузен, Иван Молчанов. Олег Имов — первый псевдоним Ивана Молчанова. С лета 1923 он стал зваться Иван Молчанов-Сибирский. С 1924 работал пропагандистом в Ленинско-Свердловском райкоме партии, инспектором профобразования на железной дороге. В 1925 был призван на службу в ряды Советской Армии. В 1927 вступил в ряды ВКП(б) и поступил в Иркутский государственный университет на факультет права и местного хозяйства, который окончил в 1930 как факультет советского строительства. С 1930 работал в газете «Советская Сибирь». В 1932 вышла первая книга стихов «Покоренный Согдиондон». В 1932-1933 работал в краевом издательстве и редакции журнала «За большевистские темпы». В 1933 был избран ответственным секретарем Иркутского отделения Союза советских писателей и руководил Иркутской писательской организацией, являясь ответственным секретарем отделения Союза советских писателей, до 1958. В 1933 началось сотрудничество Молчанова-Сибирского с пионерским литкружком. Ребята по совету Молчанова написали книгу о своей жизни «База курносых». Дети сами проиллюстрировали книгу, а затем, ког-

да она была напечатана, отправили её в Москву, Алексею Максимовичу Горькому. В августе 1934 года ребят премировали поездкой в Москву. И пригласили на открытие Первого съезда писателей СССР. 19 августа 1934 произошла встреча авторов «Базы курносых» и И.И. Молчанова-Сибирского с А.М. Горьким на его даче в Горках. По возвращении домой «курносые» рассказали обо всем этом в своей второй книжке «В гостях у Горького», которая вышла в Иркутске в 1936, а в 1962 переиздана вместе с «Базой курносых». В 1934 был принят в члены Союза писателей. В августе 1934 стал делегатом Первого съезда писателей СССР. В 1938 служил в рядах РККА (Монголия, Хасан), работал в газете «На боевом посту». С декабря 1938 по май 1939 работал в Иркутском отделении Союза писателей. С 1941 по 1946 нёс службу на Дальневосточном фронте в качестве военного корреспондента газет «На боевом посту», «Героическая красноармейская». С 1946 консультант в Иркутском отделении Союза советских писателей. С 1947 ответственный секретарь Иркутского отделения Союза советских писателей, депутат областного Совета депутатов трудящихся. В 1954 избран делегатом Второго съезда писателей СССР. Умер 1 апреля 1958 в Иркутске. Похоронен на кладбище в Свердловском районе Иркутска в районе улицы Четвёртая Железнодорожная. Награждён орденом Красной звезды (1945), монгольским орденом, медалью «За победу над Японией» (1945), орденом «Знак почета» (1953). Дважды был женат. В семье Молчановых 6 детей, три дочери и три сына. В феврале 1961 года имя Молчанова-Сибирского было присвоено одной из крупнейших библиотек Сибири — Иркутской областной государственной библиотеке. Имя писателя присвоено одной из улиц Иркутска. В память о писателе установлены мемориальные доски: в 1999 на доме (угол Б. Хмельницкого и К. Маркса), где с 1950 по 1958 И.И. Молчанов-Сибирский проживал со своей семьей; на фасаде здания Государственной областной универсальной научной библиотеки; на фасаде здания бывшей 6-й фабрично-заводской дружины (угол улиц К. Маркса и Володарского), где под руководством И.И. Молчанова-Сибирского пионеры написали книгу «База курносых. Пионеры о себе»; на здании музея локомотивного депо станции Иркутск-Пассажирский, где И.И. Молчанов-Сибирский работал в 1920-е.

Шишкари

1

Дует ветер по-над лесом,
Дед садится под навесом,
Набивает табаком
Трубку с чёрным чубуком.
Починяет дед олóчи¹,
Мишка около хлопочет:
— Не боюсь ходить в лесу,
Шишек много принесу.
— Ну, куда тебе по шишки?
Што ли бьют их ребятишки?
Там ведь реки-падуны.
Там ведь камни-валуны.
В буреломе нет дороги,
Обломаешь, паря, ноги.
На медведя попадешь —
И костей не соберёшь.

---

¹Олочи — зимняя обувь охотников-промысловиков.

2

Накрывает вечер горы,
 Начинает Мишка сборы,
 Взял поняшку² и мешок.
 Из берёзы посошок.
 Взял затейную ловушку
 На таёжную зверушку...
 Тут сестрёнка: — Все пойдём?
 — Мы девчонок не берём!
 Ну, куда тебе по шишки,
 Что ли бьют их ребятишки?
 Там ведь реки-падуны,
 Там ведь камни-валуны.
 Коли встретится медведь,
 Станешь громче всех реветь, —
 Вроде деда говорил
 Маше братец Михаил.

3

День прошёл, и ночь проходит.
 Вот и утро. Солнце всходит.
 Мрак растаял, наконец,
 Вспыхнул золотом голец.
 Ночи день летит на смену.
 Крепко Мишка спит под сеном.
 Внука дед будить пришёл,
 Да едва его нашёл.
 — Просыпайся, говорит, —
 Уж давно заря горит.
 Внук вскочил, схватил рубашку,
 Нацепил на пояс фляжку.
 Взял мешки и самоловы...
 В дальний путь — сестра готова.
 Смотрит Мишка сентябрём:
 — Мы девчонок не берём!
 От такой беды-угрозы
 Маша сразу чуть не в слёзы.
 Дед сказал: — Он это в шутку.
 Мы берём с собой Машутку.

4

Веет ветер, пахнет смолью.
 Тонет в золоте восход.
 По таёжному приволью

---

²Поняшка, поняга — устройство для переноса утвари, трофеев и припасов у охотников.

Дед с внучатами идёт.
По тайге тропинка вьётся:
То во мху она лежит,
То на гору заберётся,
То в долину убежит.
Далеко Байкал остался,
Близко синих гор гряда.
А Мишутка раз мечтался.
Расхрабрился, как всегда:
— Я сильнее всех на свете,
Даже пристанского Пети.
Он хвалился: — Валуны
Я б докинул до Луны.
Вырывал бы смело кедры,
Раздавал бы шишки щедро.
Я на лошади верхом
Ехал даже в бурелом.
Плавал по морю-Байкалу,
Забирался вверх на скалы,
Я, как будто снежный ком,
С гор спускался кувырком.
И не раз с разбитым носом
Прибегал домой с откоса.
В великаны Мишка метит:
Всех отважней, всех сильней.
Мол, не струсит, если встретит
Даже самых злых зверей.
Долго так бы он мечтал,
Только дед сказал: — Привал...
Мишка к речке вышел гордо:
— Ой, полна рыбёшкой морда³!
Он налима достаёт,
Никому не отдаёт.

5

— Отдыхайте, — молвил дед, —
Да готовьте-ка обед.
Отлучусь я на часок —
Оглядеть хочу лесок.
Близко ягода-малина,
Ты отдай сестре налима.
Ты, Машок, свари уху,
Да хорошу, не плоху.
С янтарём — густым наваром,
Я ж, не тратя время даром,
Навешу свои места,

---

³Морда, корчага — приспособление для ловли рыбы.

До кедровника — верста.
Ты, Мишутка, не форси,
Знай, валежник подноси.
Дед ушёл, за ним Купонка,
Хвост трубой и лаёт звонко.
Мишка дров сухих нашёл,
Золотой костёр развёл
И повесил котелок
На сосновый таганок.
А потом сказал сестрёнке:
— Пробегу вон в те сосёнки,
Посиди тут у огня,
Да не бойся без меня.

6

От костра неподалечку
Перебрёл он через речку,
Серых рябчиков спугнул
(Вот бы дед его ругнул).
Белку с шишкой увидал,
Громко белке закричал:
— Отдавай мне, белка, шишку!
Ты ещё не знаешь Мишку —
Силача и великана,
Он приехал с океана...
Белка с ветки прыг да прыг,
Мишка прыгать не привык.
Раззадорился парнишка,
Побежал её искать,
И забрался скоро Мишка
В тёмный лес. В глухую падь.
Оглянулся — нет костра.
Крикнул. Тихо. Где сестра?
Где приметный ручеёк?
А сердечко — ёк да ёк.
Как идти? Куда идти?
Где в тайге тропу найти?
Повернулся. Те же ели,
Те же сосны и пихтач.
Заблудился? В самом деле
Он один... один... хоть плачь.
Вдруг в чащобе затрещало,
Зашумело, зарычало...
Из кустов медведь выходит
И с парнишки глаз не сводит,
Засверкал зубов оскал...
Мишка думает: «Пропал...»

7

Убежать? Не тут-то было.
 С места стронуться не мог.
 Рубашонка зацепилась
 За надломленный сучок.
 А медведь через лесину
 Перелез и в чаще сгинул.
 Мураши бегут по коже,
 Не унять парнишке дрожи.
 Он кричит: — Ау! Ау!
 Откликается ему
 Только эхо, злое эхо...
 Знать Мишутке не до смеха.
 Скоро солнышко зайдёт,
 Может, дед его найдёт?

8

Потемнело небо вдруг,
 Опустились тучи ниже...
 Затаился мир вокрут,
 А гроза всё ближе, ближе.
 Осветился тёмный бор,
 Грянул гром раскатом рьяным,
 Эхо катится меж гор
 Над таёжным океаном.
 Покатился ливень шалый,
 И ещё темнее стало.
 Мишка спрятался в дупло.
 В нём и сухо, и тепло.
 Гром гремит — раскаты глуше,
 Тише хвойный океан...
 И напряг глаза и уши,
 Как бельчонок, мальчуган.

9

Дедка к табору выходит,
 Дед Мишутки не находит:
 — Мы пойдём его искать,
 За вихры его таскать.
 Не ходи один в тайгу!
 Посиди на берегу!
 А ушёл — какой ни хрупкий,
 Делай затеси — зарубки, —
 Чтоб отметить в пути
 И легко назад прийти.
 А без этих-то зарубок

Как тебя найти, голуба?
Ну, Купонка, шпась, беги,
Мишку вынюхать смоги.

10

Затаив пугливо вдох,
Мишка прыгнул в мягкий мох.
Из-за дерева зверюга
Разлетелась... И, как друга,
Облизала в тот же миг,
Мишка поднял жуткий крик.
А зверюга лает звонко,
Ой, да это же Купонка!
Мишка сел, захохотал,
Он продрог, охрип, устал.
Собачонку обнял Мишка,
Сверху в лоб упала шишка,
Как булыжник, тяжела —
Белка шишку отдала...

11

Вот и дед с ружьём идёт.
Мишку за ухо берёт:
— Это, паря, не годится,
Как же мог ты заблудиться,
Шишкойой и зверолов?
Покажи-ка свой улов!
Негодует дед и злится,
Ну а Мишка всё храбрится:
— Дед, на месте околеть,
Приходил ко мне медведь.
На брусничник дед выходит,
У ручья следы находит:
— Кабы ветер дул сюды,
Не уйти бы от беды!

12

От весёлого костра
По затёсам шла сестра.
Кедр ей ветвями кивал,
Словно шишки подавал.
К ней Купонка, как волчица,
Из тайги навстречу мчится,
А за нею Мишка важный —
Путешественник отважный.
Дальше тихо дед бредёт

И такую речь ведёт:
— Отыскался наш пострел,
Мишка Мишку чуть не съел,
Мишка Мишку напугал
И в чашобу зашагал.

13

— Эй, внучата, вот мы дома,
Вот таёжная хорома,
Зимовьё, навес, лабаз,
Чтоб хранить любой припас.
Скидавайте-ка поклажу.
Я к ночлегу всё налажу,
Михаил, тащи воды.
— Там медведевы следы.
— Эх ты, трус, — сказала Машка
И пошла с ведёрком, с фляжкой
К роднику — ну, где следы?
Принесла живой воды.
Пахнет чай смолой, душицей,
Внуков потчует ущицей,
Дедка сказку говорит,
Как звезда, костёр горит.

14

На рассвете дед проснулся,
Огляделся, встрепенулся,
Сделал колот пребольшой
И ещё один — меньшей.
Как ударил — гул пошёл.
Шишки градом. Хорошо.
Загляделся в небо Мишка,
В лоб опять влетела шишка.

15

Кедры рясные искали.
Бодро колоты таскали.
Раз ударили. Два ударили.
День и ночь почти не спали,
Под навесом насыпали
Шишки горками,
Тёрли тёрками.
Шишки били и сушили,
Ворошили и крошили.
Шишки веяли.
Шишки сеяли.

Научился Мишка ловко
Грызть орехи, как кедровка,
Быстро, здорово,
Быстро, здорово.

16

На мешках зашей прорехи,
На костре кали орехи
И послушай про Байкал,
Как он дочку потерял.
Дед Ермил — большой затейник —
Ноги сунул в муравейник.
Сил набрал от мурашей,
На реке поймал ершей.
Окунька, ещё плотвицу.
Мишка сбегал по водицу.
Будет славная уха —
И не надо петуха.
Крошит чай и варит кашу
Повариха, внучка Маша.
А «охотник» Михаил
То за чаем, то за кашей
Про медведя говорил
И подшучивал над Машей.
Маша спуску не давала,
Мишку мошкой называла,
А добрейший дед Ермил
Внукам сказки говорил.

17

Посреди тайги широкой,
Возле станции Глубокой
Я с друзьями отдыхал,
Про Ермила услышал.
За горушкою высокой,
Где река шумит осокой,
Я у деда гостевал.
Я орехи там шелкал,
Сказку эту услышал.
Сказку эту услышал,
На бумагу записал.

ЕВГЕНИЯ МОЛЧАНОВА

«Передавая сердца трепет...»

Мне было девять лет, когда умер мой папа. Я хорошо помню этот день...

В последнее время папа очень плохо себя чувствовал после очередного инфаркта. Сначала он лежал в больнице, затем дома. Ему было трудно дышать, поэтому обязанностью нас, младших детей, было ходить в аптеку за кислородными подушками. Папе становилось всё хуже и хуже. Надвигалось неотвратимое. Теперь я понимаю, что меня, самую маленькую, специально в последние дни марта отправили к нашим старым друзьям Лидии Афанасьевне и Августу Яновичу Кринбергу. Они жили недалеко от нас, в начале улицы К. Маркса. В доме, расположенном рядом с госуниверситетом, в коммунальной квартире (впоследствии всех жильцов переселили из этого дома, так как ожидался приезд в Иркутск Эйзенхауэра, и дом был переоборудован в «резиденцию Эйзенхауэра»).

...Утром я проснулась от каких-то странных звуков: в соседней комнате был слышен чей-то шепот, негромкие возгласы, потом послышались сдержанные всхлипывания. Я поднялась и вышла в комнату, где сидели тётя Лида, дядя Гутя и кто-то из моих старших братьев (кажется, Максим).

— Что случилось? — спросила я.

— Женечка, собирайся. У нас большое горе — умер твой папа, — сказали мне.

Это произошло первого апреля. О смерти папы сообщили по радио. Люди отказывались верить услышанному, для многих это было потрясением — ушёл из жизни чистый, честный, необыкновенно душевный и добрый человек.

Хоронили папу из здания Академии наук, расположенного на улице Ленина (сейчас там находится Художественный музей). У гроба сидела мама и мы, шестеро осиротевших детей. Мне было 9 лет, Володе — 11, Вите — 13, Максиму — 16, Светлане — 18, Нине — 23 года.

Звучала тихая, скорбная музыка, которая навсегда осталась в моей памяти и которую я не могу слушать спокойно до сих пор. Как потом узнала, это был Траурный марш Шопена из Сонаты № 2.

Провожать папу в последний путь пришёл весь город. Сохранились фотографии: множество людей пешком, через весь город, через Ангарский мост, через

папино любимое Глазковское предместье, где прошло его детство, юность, шли до самого кладбища, расположенного в Студгородке.

Папе было всего 54 года, он не дожил до 55-летия всего месяц. Несмотря на то, что значительную и большую часть жизни я прожила без него, остались детские воспоминания, как бы высвеченные ярким лучом света, исходящим от папы.

* * *

У нас дома была большая библиотека — читать любили все. Когда папа приезжал из Москвы, всегда привозил новые книги, и мы с нетерпением ждали, когда же он начнёт распаковывать чемоданы и вручать каждому долгожданные издания. Помню, как получила прекрасно иллюстрированную книжку Бажова «Серебряное копытце», изданную на вкусно пахнущей вощёной бумаге. Я и сейчас помню запах этой книжки, запах моего счастливого детства.

* * *

Я очень любила ходить с папой в магазин «Подписные издания», который находился на улице Горького, где потом было расположено Агентство Аэрофлота. Папу там всегда приветливо встречали, аккуратно заворачивали в бумагу новые книги, перевязывали их бечёвкой, и мы возвращались домой, где начинался «обратный процесс» — книги распаковывались, занимали место сначала на письменном столе, где лежали для первого знакомства с ними хозяина, и лишь потом вставали на почётные места в шкафах и книжных полках.

У нас были два книжных шкафа, которые сделал наш сосед по улице Кругобайкальской (ныне Терешковой) Степан Ячменёв (отец Елены Степановны Ячменёвой, ставшей впоследствии писательницей). Поразительно то, что у Степана Александровича была одна рука, но он умудрялся ею делать всё: и мастерить, и рыбачить, и огородом заниматься. У папы есть даже рассказ, который называется «Волшебная рука».

Шкафы эти долго стояли в нашем доме, а в 2013 году, когда в библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского было решено открыть музейную комнату, мы передали и эти шкафы, и папин письменный стол, и пианино, и многие предметы быта, и два портрета работы художника Алексея Жибинова: портрет папы и двух старших сестёр.

* * *

Первое мая — папин день рождения! Просыпаемся от еле слышных звуков барабанного боя и духового военного оркестра, звучащих всё громче и громче. Мы с братьями и сёстрами бежим к окнам, выходящим на Большую улицу, облепляем их и с восторгом ждём приближения оркестра.

В доме аппетитно пахнет стряпнёй: мама уже достала из печки пироги, булочки с корицей. (Она считалась непревзойдённой мастерицей — её сдобное тесто выходило пышным, нежным, а пироги с брусникой, с черёмухой, покрытые сверху взбитой с сахаром сметаной, были необычайно вкусны. Мама пекла ещё по старинным рецептам «царские кудри». Они казались чем-то сказочным: из сдобного теста катались колобочки, обмакивались во взбитое яйцо. Затем в корлицу с сахаром и укладывались в форму, смазанную маслом. Когда эти кудри вынимались из печки и сверху посыпались сахарной пудрой, то получалось очень нарядно).

Первого мая мы, младшие, шли с папой на площадь, чтобы смотреть парад. У нас был пропуск на трибуну. Как самая маленькая, я часто «ехала» у папы на плечах и с восторгом обозревала красочное празднество. Движение транспорта было прекращено, выставлено оцепление из солдат и милиционеров. Хорошо помню, как проходил отряд кавалеристов, как, чеканя шаг, шли военные. Затем наступала очередь празднично украшенных колонн школьников, студентов, рабочих.

Флаги, шары, звуки духового оркестра, первые кружевные нежные зелёные листочки создавали ощущение праздника. После демонстрации мы заходили к дяде Саше и тётё Лоре Гайдай (они жили тогда рядом со сквером, на улице Дорогина, ныне Российской) и вместе с ними шли к нам домой, где уже всё было готово к приёму гостей. А гостей у нас всегда было много: это соседи и друзья — дядя Кеша Луговской с женой тётёй Олей, дядя Костя Седых с женой тётёй Таней, дядя Юра Левитанский с женой тётёй Мариной, дядя Готя Марков и тётя Ага Кузнецова, тётя Лида Пуреховская и её муж дядя Гутя Кринберг, Александра Антоновна Петрова, семейство Дуловых — Анна Ивановна, Всеволод Иванович, дядя Паша Маляревский, возможно, что кого-то я не упомянула. Да ещё наша многочисленная семья — мама, папа, шестеро детей (иногда ещё у нас гостила баба Тоня — мамина мама из Красноярска).

В застолье непременно читались стихи — народ весь, как на подбор, собирался особенный, творческий, шутили, перебрасывались искромётными остротами, в этом особенно отличались, как мне помнится, дядя Кеша Луговской и дядя Саша Гайдай, пели раздольные русские песни.

* * *

Летом мы жили на даче, недалеко от того места, где теперь находится курорт «Ангара». Раньше мне казалось, что это очень далеко от города. Часто у нас гостила Александра Антоновна Петрова (жена писателя П.П. Петрова, чьё имя носит сейчас Иркутский дом литераторов).

Она была очень дружна с моими родителями. Александра Антоновна беззаветно любила своего мужа, всегда рассказывала о нём. Любовь её к мужу, к его памяти была деятельной — она добивалась издания его книг, добивалась, чтобы на доме, где П.П. Петров жил до ареста, была установлена мемориальная доска. У нас хранится пожелтевший тетрадный листочек, на котором рукой Александры Антоновны переписано письмо мужа: «Дорогому, верному другу и жене Саше.

Тюрьма. 1940 г.
Петров П.П.

*Надежды и мечты рассыпались, как зёрна.
Счастливых дней нам больше не видать.
Ах, Саша! Саша! Если жить позорно,
То тяжелей безвинно умирать.
Дышать я скоро, скоро перестану,
Забуду мир в покойном вечном сне.
Что ж делать?.. Сбереги Светлану,
Как нашу кровь, как память обо мне...
Светлана — крошка — чистый лебедёнок.
В большую жизнь отправится одна.
И чашу бед, почти что из пелёнок,
Бедняжка выпьет горькую до дна...
На плечи хрупкие грозой падут невзгоды.*

*Но есть всему начало и конец...
Внуши ты ей, что не врагом народа,
А лучшим другом был её отец...
Внуши ты ей, что не прибудным сыном
В поступках, помыслах и снах,
Он был певцом, бойцом и гражданином
В железных трудовых рядах.
Над нами тучи чёрные повисли,
Но и они когда-нибудь пройдут.
И может быть, певцу свободной мысли
Венки на прах наш с песней принесут».*

Эти стихи были написаны Петром Поликарповичем кровью на рубашке, которую ему чудом удалось отправить из тюрьмы.

Александра Антоновна выполнила завет мужа — вырастила дочь Светлану, которая стала врачом, вырастила внука Сашеньку, всегда была верна памяти «певца свободной мысли».

* * *

Возвращаюсь к своим воспоминаниям о жизни на даче. Соседями по нашему дачному домику была семья профессора-историка Всеволода Ивановича Дулова (жена Анна Ивановна, сын Саша и дочь Наташа), приезжала А.А. Петрова и друзья папиной юности Лидия Афанасьевна Пуреховская и Август Янович Кринберг.

Постоянной нашей обязанностью, причём приятной, была заготовка хвороста. Как только смеркалось, у дома разжигался костёр, и все обитатели нашего дома собирались к нему. Мы, ребяташки, заранее готовили «дымовушки», чтобы отгонять комаров. (Мальчишки делали «дымовушки» сами, мне же помогал папа. Мы с ним брали жестяную банку из-под консервов, с помощью гвоздя и молотка в ней проделывали дырочки, прикручивали из проволоки длинную ручку, банку набивали шишками, соломой или бумагой и всё это зажигали. Мы крутили свои «дымовушки», чтобы сильнее разгорелось, а затем сверху добавляли пучки сырой травы, лучше всего мокреца, огонь исчезал и оставался только густой белый дым, который очень хорошо помогал отпугивать комаров).

Все уютно устраивались у костра, вели неспешные беседы и, конечно же, пели песни. Особенно хорошо пели Анна Ивановна, Александра Антоновна, из мужчин — папа. Любимыми песнями были: «Вечер на рейде», «Славное море — священный Байкал», «Вечерний звон», «Катюша», «Заветный камень».

Мы сначала бесились, бегали со своими «дымовушками», а позже, нарезавшись вволю, пригревались возле своих родителей, как котятка. Хорошо было устроиться на руках у папы, смотреть, как искры летят в небо и тают в вышине, как мерцают в небе звёзды, а позже — глядеть на догорающий костёр, на тлеющие угли и, борясь со сном, вслушиваться сквозь дрему в разговоры взрослых.

* * *

В нашем доме сохранилось несколько работ известного иркутского художника Алексея Петровича Жибинова. Это портрет брата Максима, портрет старших сестёр Нины и Светланы, два написанных в разное время портрета папы, два неоконченных групповых портрета, где на одном изображена я с братьями Витей и Володей, на другом — мама с младшими детьми, и ещё два чудесных жибиновских пейзажа.

Мне нравилось смотреть, как работает дядя Алёша. Он был очень весёлый и интересный человек. Мы с ним дружили. Дядя Алёша делал мне самолётики из бумаги. Он не просто их складывал, а как-то по-особому, фигурно вырезал хвост, возможно, поэтому и полёт был особенно долгим и необычным.

Когда дядя Алёша писал папин портрет, я постоянно находилась рядом. Как зачарованная глядела я на холст, где постепенно появлялось знакомое лицо. Мне было очень интересно смотреть, как из тюбиков червячками выдавливаются краски, блестящие, так вкусно пахнущие, как наливается в баночку масло, как дядя Алёша начинает смешивать на палитре краски, как добавляет белила, чтобы получить нужный оттенок. Смотреть на это можно было часами. Но позировать нелегко, да и писать портрет тоже. Вот мы и занимались для отдыха изготовлением самолётов.

(Жена дяди Алёши — Вера Константиновна Заорская — дочь известного в Иркутске детского врача Константина Адамовича Заорского — была у меня учительницей русского языка и литературы в 11-й школе, где училась вся наша молчановская гвардия.

Каждый год, когда мы всей семьёй ходим прибираться на кладбище к папе, мы приходим и к могиле Алексея Петровича Жибинова, и к его тестю Константину Адамовичу Заорскому и к Павлу Григорьевичу Маляревскому, и к маме Лидии Афанасьевны Пуреховской — Иулиании Григорьевне: все они похоронены на Глазковском кладбище. Наши дети, а теперь уже и внуки, стараются навести порядок на этих могилах, выметают листья, моют надгробные плиты, с любовью украшают их цветами и пихтой. Я думаю, что так будет всегда, даже когда не станет нас, родителей...)

* * *

Папа очень любил детей. Как жаль, что не сбылась его мечта: увидеть внуков и обязательно ходить с длинной белой бородой, читать им стихи и рассказывать сказки. Сейчас у него восемь внуков и девять правнуков, семь праправнуков. Самый маленький, Лёничка, когда ему было полтора года, глядя на портрет А.П. Жибинова, говорил нежно, растягивая первый слог: «Ва-а-ня, — а потом, помолчав немного, — деда». Он тоже очень любит книжки, как и все в нашей большой семье.

* * *

Я храню словарь, заведённый мною, когда я училась в первом классе 11-й школы им. В.В. Маяковского. Мы должны были записывать слова, которые нужно запомнить, так как проверить их нельзя. В школе дали задание: к этим словам сделать иллюстрации. Кто-то вырезал подходящую картинку и приклеивал её, кто-то с помощью копирки переводил нужный рисунок и затем раскрашивал его, некоторые рисовали сами. Мне же повезло: моя мама очень хорошо рисовала (это у неё фамильное качество — её родной брат Станислав Прушинский был художником и даже оформлял в Иркутске некоторые книги, в том числе и книгу моего папы «Милая картошка», изданную в 1933 году), поэтому большее количество рисунков было сделано её рукой (Москва, колхоз, завод, собака, ящерица, корова, петух и т.д.). Папа тоже не отказывался мне помогать, он очень старался, но рисунки у него получались очень смешными (пионер, пионерка, ребята, дежурный, товарищи). «Ребята» довольно неуклюже пытались идти на лыжах, «товарищи» были ужасно лопоухими, а «дежурный», стоящий у дверей класса, скорее напоминал Щелкунчика.

Я же старательно выводила нужные слова. Скажу без ложной скромности, что это получалось у меня довольно прилично. В ходу тогда были обычные перовые ручки и чернила. Верхние и нижние соединения букв, нажим и волосяная линия — писать было интересно, и я очень старалась. Позже в этом словаре появились и мои рисунки — под чутким родительским руководством я обретала самостоятельность.

* * *

Сколько себя помню, у нас в доме всегда было много народа. Кроме нас, шестерых детей и родителей, часто и подолгу жил мамин племянник и наш двоюродный брат Эрик из Красноярска (отец у него погиб на фронте, а мама, Софья Станиславовна, или тётя Зося, как мы её звали, была спортсменкой, поэтому была вынуждена ездить на соревнования по всей стране).

Это про него наш сосед дядя Юра Левитанский написал такие шуточные строчки: «Мальчик Эрик-пионерик показал друзьям примерик». Эрик был одарённым человеком: всю жизнь он разрывался между любовью к музыке и точным наукам (позднее он стал главным инженером одного из закрытых заводов Красноярска). А первые уроки музыки он брал у жены иркутского художника Николая Шабалина — Деборы Ильиничны.

(Разбирая папин архив, читая письма, я выписала такие строки: «Заглядывая в будущее, рисую себе картину дружной семьи, сохраняющую прочную связь наперекор расстояниям».)

Так получилось, что Эрик рано ушёл из жизни, а его сын Миша с мамой уехал на её родину — в Москву. Шло время, Миша вырос и каждый год в свой отпуск он приезжает к нам, и мы, конечно же, отправляемся на дачу, в порт Байкал. Думаю, что не только красота и величественность Байкала очаровала его, но и общение с нашим шумным и многочисленным семейством.

Да, прав был папа — расстояние для дружной семьи — не помеха.

* * *

В нашем доме часто кто-нибудь гостил. Ума не приложу, как мама справлялась с таким наплывом гостей, ведь в ту пору не было ни горячей воды, ни холодильника, ни газовой плиты. На кухне у нас стояла большая печка, отделанная коричневым кафелем, которую нужно было топить дровами, да обычная электрическая плитка.

А сколько стирки приходилось ей делать! (Помню, что мне очень хотелось поскорее стать школьницей, и я просила маму пришивать мне белый воротничок к шерстяной кофточке).

Запомнился проезд писателя Аполлона Тороева с женой и детьми — дочкой Октябриной и сыном Евгением. Они жили в Бохане и непременно приезжали с гостинцами: привозили круглый деревенский хлеб, домашнее, с кислинкой, сливочное масло, сбитое своими руками, солёное, с прослойками, сало.

(Почему-то мне было удивительно смотреть, как жена Аполлона Тороева отрезала от неочищенной луковицы кружочек, затем снимала с него тонкую полоску шелухи, подсаливала и очень аппетитно ела с хлебом. Глядя на неё, казалось, что вкуснее ничего на свете быть не может).

Приходили начинающие и уже известные поэты и писатели, забегали редакторы из нашего издательства, расположенного неподалёку, к нам, детям приходили друзья — одноклассники или же соседские ребяташки, — и никто не уходил, не отведав вкусного, свежесваренного чая.

* * *

Папа в свои молодые годы был заядлым лыжником и обладал отменным здоровьем, которое значительно пошатнулось в военные годы. Он нёс свою службу на Восточном фронте, был корреспондентом газеты «На боевом посту», позже работал в газете «Героическая красноармейская». Папа не был ранен во время боевых действий в буквальном смысле этого слова, но два инфаркта, которые он перенёс во время войны, оставили свои роковые отметины на его сердце. Едва оправившись от болезни, он снова возвращался из госпиталя в строй. Климат Монголии, горные перевалы Маньчжурии были губительны для его сердца. Хочу привести стихотворение, повествующее об этом.

Русская гармошка на Хингане

*Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.*

*Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.*

*Спутница солдатская — баклажка
Больше суток без воды гремит.*

*Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.*

1945

И ещё одно:

О чём ты думаешь?..

*О чём ты думаешь, солдат,
Взойдя на гребень перевала?
Кругом, куда не кинешь взгляд,
Лишь только пропасти да скалы.*

*Кругом маньчжурская земля,
Хребты её непроходимы...
Как далеко сейчас поля
И рощи родины любимой.*

*Шагаем день за днём подряд,
И зной палит нас неустанно.
Куда же ты глядишь, солдат,
С заоблачных высот Хингана?*

*— Мне даль таёжная видна,
Волна песчаный берег лижет.
Там родина лежит, она,
Чем дальше я, тем сердцу ближе.*

1945 г.

Жара, тяжёлые военные переходы подтачивали его здоровье. Но, несмотря на это, он, в составе редакции газеты, всегда был рядом с бойцами. В письмах к маме он рассказывал, как пешком, в любую погоду, проходил несколько километров, чтобы добраться до воинской части, своевременно написать очерк и дать его в свежий номер газеты.

Забота о семье, о жене, о детях не оставляла его. В письмах к маме, своей «родной и любимой Витеньке» (полное имя мамы — Виктория), он настойчиво просил сообщать о каждом достижении своих малышей, о каждом новом слове, о первой улыбке, позже — об успехах в учёбе. Его интересовали бытовые условия жизни: будь то посадка или уборка картошки, заготовка дров, получение продуктовых карточек. Особенно папу волновало состояние маминого здоровья — ведь рождение и воспитание детей в военное время — занятие не из лёгких.

Разлуку переносить было тяжело, и в 1944 году мама с тремя детьми получает разрешение на поездку в Чойбалсан, чтобы хоть какое-то время побыть рядом. Думаю, что после прощания и родились такие строки:

*Минуты бешено летят,
Пора и нам поторопиться.
Перед разлукой невпопад,
Не то, что надо, говорится.*

*На ум приходят пустяки,
Порой нелеп и жалок лепет,
Но помогает дрожь руки,
Передавая сердца трепет.*

1944 г.

* * *

В нашем семейном архиве сохранилось очень много писем от папы. Читая их, я всё больше и больше осознаю, сколько сил и времени, сколько здоровья отдавал он и своей семье, и многим, многим людям. Даже находясь на лечении в подмосковном санатории после тяжёлой болезни сердца, он умудрялся «сбежать» в Москву, чтобы выполнить указы наших иркутских литераторов: кто-то просил побывать в издательстве и узнать, как обстоят дела с рукописью; кто-то просил получить гонорар; чьи-то рукописи были по каким-то причинам выброшены из издательского плана, и папа отправлялся в издательство, чтобы попытаться их отстоять.

Материальные трудности, которые испытывала наша семья, очень волновали папу. Он всегда старался помочь своим товарищам по литературному цеху, но просить и добиваться каких-либо благ для себя и своей семьи ему не позволяли необычайная скромность и деликатность. Кто-то может сказать, что не надо было обзаводиться таким большим семейством. Отвечу просто: та большая любовь, которую испытывали на протяжении всей жизни мои родители, способствовала нашему рождению. И о том, чтобы воспрепятствовать появлению на свет зародившегося росточка, не могло быть и речи. Папа любил всех своих детей беззаветно. Мамину дочку от первого брака Ниночку он считал своей дочерью. Будучи в столице, искал для неё необходимые учебники (она была студенткой медицинского института). Во всех письмах он интересуется её успехами в учёбе, её проблемами. Он всегда говорил, что у него три дочки и три сына.

Хочу привести несколько писем, которые в разное время папа отправлял домой с фронта, из командировок, из санатория.

Вот письмо из Читы. 1944 г., адресованное сыну Максиму, которому всего три года:

Макулёк, милый мой сынок!

Письмо твоё получил и очень обрадовался. Надеюсь, что скоро смогу исполнить своё обещание. Кораблик твой всё гостит у меня, и я с ним часто разговариваю о тебе. Ему надоело лежать в чемодане и хочется поскорее играть с тобой. Он всё такой же маленький, как и был. Я слышал, что Дед Мороз уже нашёл в лесу ёлку, которую скоро вам принесёт, а будет она вот такая пушистая и большая (рисунок). Мама писала, что помогал ей, когда болела баба Аня, так и надо, молодчинка, моя сынка. Целую тебя. А ты поцелуй за меня маму, Светочку, лялечку и бабу Аню.

Твой папа.

(В этом письме к Максиму первый раз упоминается о кораблике. Видимо, уже в этом возрасте мой старший брат почувствовал непреодолимую тягу к морю. Возможно, это объясняется тем, что наш дедушка Иван Николаевич Молчанов, был военным моряком, баталером легендарной канонерской лодки «Кореец». Прошли годы, и заветная мечта Максима сбылась: он стал капитаном дальнего плавания. Ходил по многим морям и океанам, повидал разные страны: Японию, Новую Зеландию, Америку, Германию. Жил он в Находке. В последнее время работал капитаном-наставником, передавал свой опыт молодым морякам.

Письмо маме, написанное 28 декабря 1944 г.

Здравствуй, дорогая Витенька!

Наконец-то я дождался письма...

...Особенно мне понравились все подробности насчёт маленького сыночка. Нужно только сделать так, чтобы он не испытывал недостатка в молоке. Ося (Медведев — сослуживец по редакции — Е.М.) не приезжал, так что, как они обходятся с молоком, не знаю. Здесь же никто на недостаток молока не жалуется. Ты должна сделать всё возможное, чтобы ни в чём не испытывать недостатка. Прошу превратить в молоко моё пальто кожаное и костюм чёрный. Когда вернусь домой, могу обойтись шинелью и своим обычным обмундированием. Мне важнее всего, чтобы сын рос здоровым, а не хилым, чтобы у тебя тоже не отразилось на здоровье и чтобы молока ему хватало с избытком.

Письмо прочёл два раза, затем в течение дня ещё перечитывал четыре. Мне очень понравилось описание купанья малыша. Представляю себе, что зрелище было весьма знаменательным и чудесным. Когда-то я смогу любоваться вместе с вами. Расцелуй мою нежную и ласковую доченьку (Светлану — Е.М.), которая так скучает без папочки. Я попрошу нашего фотографа, чтобы он снял меня, и pošлю вам карточку. Сегодня очень много ходил — беседовал с бойцами для нового очерка. Сейчас 11. Писать уже не могу. Устал. Сегодня почему-то сильно промёрз. Несколько километров пришлось идти против сильного и острого ветра. Пришёл в баню — погреться, там оказалось много народу. Сходил в столовую и вот сижу над письмом к тебе, моя родная и любимая Витенька.

Сегодня устал настолько, что даже поругать тебя за долгое молчание нет возможности. Я заметил, что когда намёрзнешься днём и не отдохнёшь минут 10-20 (не больше), вечером работа не клеится. Сегодня тем более, натоплена печь, и даже сидя у стола, я чувствую, как от неё идёт тепло. Я уже писал тебе, как я благодарен Капе и Оле (Ольга — жена поэта Иннокентия Луговского, Капитолина — её сестра, врач. — Е.М.), а как отметить это — особо нужно подумать. Во всяком случае, в долгу не останемся. Впрочем, мы большие мастера благодарить, пока не забудем, как нам было бы трудно без помощи друзей. На этот раз я думаю, что так всё-таки не будет.

Как чувствуют себя ребяташики после болезни? О сынке маленьком пиши тоже всё. Когда он начнёт улыбаться, когда начнёт узнавать вас. Хочется, очень хочется поскорее увидеть и расцеловать вас.

Малышам моим

*Ёлочку кудрявую украшайте, детки,
Лампочки, игрушки вешайте на ветки.
Наряжайте ёлочку, ребяташики, сами.
Помогайте бабушке. Помогайте маме.*

*Пусть под ёлкой сядут Дед Мороз и Мишка.
Пусть на всё посмотрит маленький братишка.
Он ещё ни разу не бывал на ёлке,
У которой колкие, острые иголки.*

*Он ещё не видел разные игрушки:
Покажите мальчику пёстрые хлопушки.
Пусть поярче вспыхнут, засияют лампочки...
Расскажите братику о родимом папочке.*

Светочке

*Вот война окончится,   Ласковая ласточка —
Отбушуют грозы.   Улыбнись, засмейся.
На глазах у доченьки   Песенка о доченьке,
Высушу все слёзы.   В поднебесье взвейся.*

Маке

*Сынка, сына мой родной!
Пароходик твой со мной.
Многотрубный, многопушечный,
Только жалко, что игрушечный.
Хоть на нём нельзя уплыть,
Не даёт он мне грустить.*

Малышу

*Говорят, что ты горластый
И обжористый притом...
Не встречались мы.
Всё ж — здравствуй!
Познакомимся потом.*

*Ты ручонки тянешь к маме,
Смотришь долго на свечу.
Скоро я тебя усами,
Мой сынок, пощекочу.*

*Я уже знаю, ты хороший.
Всей душой к тебе лечу.
И в огромные ладони
Сына скоро подхвачу.*

*Прежде, чем поставить точку
(Уж пора — полночный час...)
Сына два... Ещё бы... дочку...
Чтобы две и... в самый раз.*

*За такие пожеланья
Ты готова разнести.
Обнимаю. До свиданья.
Не брани меня, прости.*

Трижды папа.

Целую снова. Спокойной ночи, мои хорошие. Сейчас уже малыши сладко посапывают, щёчки покраснелись, попки вылезают из-под одеяла. Вот они заулыбались. Может быть, это меня во сне увидали?

Целую. Ваня.

31 января 1953 года. Москва, гостиница «Москва»

Дорогой сын Максимка!

Очень меня порадовало твоё письмо своим правильным и хорошим отношением к учёбе. Так и надо, сын! Не довольствуйся достигнутыми успехами, старайся ещё лучше учиться и как можно больше приобретать знаний. Поступая так, уже теперь ты выполняешь свой патриотический долг.

Приветы твои ещё никому не передавал, потому что все дни был занят на совещании и никуда не ходил.

В Москве очень тепло. Часто идёт снег и сразу тает, а к вечеру подмерзает. По улицам друг за другом ходят автомашины, счищающие снег, за ними автотранспортёры, которые механическими «руками» загребают снег и подают его в грузовики.

Я тоже очень соскучился и думаю, как бы скорее возвратиться домой и обнять вас всех. Поцелуй за меня мамочку, всех братьев и сестёр.

Крепко целую.

Твой папа.

4 февраля 1953 года. Москва, гостиница «Москва»

Дорогой мой сын Володя!

Очень радостно было говорить с тобой по телефону. Казалось, что ты, мама и все братья и сёстры находятся где-то рядом, но посмотрел в окно, увидел очертания кремлёвских башен и снова оказался в Москве. Желание у меня одно: поскорее возвратиться домой.

В Москве сегодня тоже очень холодно. Вчера я с дядей Готей (Г. Марков — Е.М.) смотрел пьесу «Конёк-Горбунок». Больше всех понравился мне Иванушка и Конёк-Горбунок. Они были очень хорошими друзьями и взлетали на небо, опускались на дно морское, встречались с Месяцем Месяцовичем и увидели Чудо-Юдо Рыбу-Кит. Кругом нас сидели маленькие москвичи и москвички, и я очень жалел, что вас всех нет среди них.

Целую крепко тебя. Поцелуй за меня маму, Нину, Свету, Маку, Эрика, Витю и Женю.

Твой папа.

5 февраля 1953 года. Москва, гостиница «Москва».

Здравствуй, моя самая малюсенькая доченька Женечка!

Очень хорошо было разговаривать с тобой по телефону. Ты, наверное, сидела на коленях у мамочки, а может быть на качалке. Через десять дней я буду уже дома, и ты мне расскажешь, как вы домовничали без меня.

Ходишь ли ты гулять, моя малютка? За это время, наверно, подросла и стала совсем большой девочкой? Я рад, что вы хорошо играете с Володей и помогаете маме. Сейчас пойду искать по магазинам новые книжки для вас.

Крепко целую тебя, моя дочурка. Обними и поцелуй за меня маму дорогую и всех братишек, и всех старших сестёр.

Василию Котовичу скажи, чтобы он не прыгал по столам и не мешал ребятам готовить уроки.

Папа.

13 ноября 1954 года. Санаторий «Сосновый бор», Болшево

Дорогие мои!

Ещё нет и пяти суток, как мы расстались, а мне кажется, что прошло очень много времени. Я погостил у бабы Тони (в Красноярске, где папа был проездом, — Е.М.), беседовал в гостинице с тётей Зосей и франтом Эриком, с болью должен был отказаться от радужного приглашения в гости от Адолика (мамин брат. — Е.М.). Из Новосибирска успел поговорить с тобой, дорогая Витенька.

Первый день в Москве, 12-го, был такой суматошный и трудный, что я обливался потом, сидя на центральном телеграфе, где написал тебе очень грустное письмо. Потом еле успел на электричку. Доехал до Болиево уже в сумерках. Какая-то сердобольная пара объяснила дорогу и даже помогла нести чемодан. На трёхкилометровое расстояние, да ещё в шубе и в шапке, — вес его оказался внушительным. Я им сначала не давал нести, чем их очень обидел.

— Что мы, не советские, что ли, — сказала женщина, — мы обязаны помогать друг другу.

Пришлось согласиться. В санаторий явился в сумерках. (Последнюю часть пути чемодан находился на голове. На этот раз шапка была кстати.)

Когда обратился к регистраторше, вид у меня был довольно мрачноватый. Ещё и сегодня изрядно попало за этот пеший переход. Поместили меня в комнату с научным работником Степаном Ивановичем. Человек он в меру молчаливый и поглощённый своей работой.

Санаторий называется «Сосновый бор» и оправдывает своё название. Вчера и сегодня меня в столовую не пускали — приносили всё питание, на завтра разрешено движение по территории санатория, но не дальше. Снова будут делать электрокардиограмму, рентгеноскопию и всё прочее. Питание мне определено по норме 10 А (молочно-растительное и мясо варёное, ничего жареного и мучного). Кормят так: Сегодня: на завтрак — два яблока, порция творога со сметаной, капуста с яблоками, кусок варёного мяса с тушёной свёклой, стакан кофе с молоком. Обед: рассольник, котлеты куриные паровые с картофельным пюре, стаканчик фруктового сока. Паужин: стакан чаю с сухариками. Ужин: отварная осетрина с пюре, пудинг морковный со сметаной, стакан чаю с вареньем из клубники. Перед сном — стакан простокваши. На следующие дни я уже сам заказывал всё, что можно по столу 10 А.

Сегодня был на приёме у врача. Рекомендует немного ходить и ежедневно, при открытых окнах, лежать или спать по 2-3 часа на веранде.

Спал сегодня как убитый, видел всех вас, но только как во сне, проснулся рано. Прежде всего слышался тоненький голосок: «Папочка» (Женя. — Е.М.), потом протяжный: «Палься» (Володя. — Е.М.), затем спокойный: «Туна» (Витя. — Е.М.), следующим в хор голосов ворвался краткий: «Пуп» (Максим. — Е.М.), строго и ласково прозвучал: «Папа» (Света. — Е.М.) и «Дядя Ваня» — Нина. — Е.М.), и наконец, все эти возгласы соединились в одно нежное обращение мамы. Я так хорошо вас всех представил, и мне стало ещё более грустно оттого, что нас разделяет такое большое расстояние, что даже нельзя поговорить по телефону. Я здесь изобретаю меню, а у вас наверно на столе довольно пусто. Пишите обо всём. Жду с нетерпением весточки от всех вас.

Крепко обнимаю и целую очень горячо.

Ваш папочка.

В Москве был только в Союзе и Литфонде. Позвонить никому не успел.

16 ноября 1954 г.

Дорогие мои!

Когда же я получу от вас весточку? Сегодня в 7 утра исполнилось семь дней, как мы расстались. По сравнению с тем, что осталось до встречи, — это очень мало, а кажется — прошла уже целая вечность. Санаторные дни потекли размеренно и ровно. Встаю в 7 или 8 часов, в 8 ч. 30 мин. — лечебная физкультура, в 9 часов — завтрак, потом процедуры, прогулка, в 2 часа — обед, в 5 — чай (не хожу), в 7 — ужин.

Вчера был на приёме у невропатолога — он же директор санатория. Занятый дядька: ростом чуть повыше, в плечах пошире, чем я. По своей линии он остался доволен. Заставил закрыть глаза и пытался пошатнуть меня. Не тут-то было. Мне было смешно смотреть, как он надо мной «шаманил». Заставлял закрыть глаза и приподнять брови, потом гладил по голове: «Теперь вам будет хорошо и легко». Обменялись основательным рукопожатием, и он сказал: «Ого!» Когда я вышел из кабинета, мне действительно было легко, и я чувствовал себя вполне здоровым.

Он рекомендовал заниматься лечебной физкультурой, побольше ходить и беречь себя от простуды, особенно ноги.

Сегодня постигал премудрости лечебной физкультуры. Я теперь овладел искусством легко подниматься на любой этаж, правильно дышать.

Соблюдая всё это, проживу ещё лет 50, не менее, и дождусь не только внуков, но и правнуков.

В промежутках между лечебными делами читаю, не много. В день по полкниги. Мне колют миоль под кожу. Пью заменитель валидола и кордиамин.

Ванн пока не дают. Сегодня снова иду на приём к терапевту (женщина строгая, седая и высокая, зовут Лариса Николаевна).

Сосед мой Степан Иванович сидит за какими-то расчётами. По специальности он ихтиолог, так как в Иркутске знает рыбного хозяина С. В. Пухова, с которым я летел вместе в Москву. Хотя я и интересуюсь рыбными делами, с расспросами ему не докучаю. Вот и всё, что со мной произошло. Боюсь, что съезд ещё отложат. Куда же я тогда денусь в Москве? Шапка моя привлекает всеобщее внимание, пожалуй, она одна во всей Москве. Зря я не взял шляпу. Да ехать-то лучше было в демисезонном пальто. Ходить в такой шубище тяжесть невероятная.

Пора идти на приём. Скорей бы получить весточку от вас, узнать, как вы живёте, как идёт учёба, появились ли откуда-нибудь переводы?

Зичка (Женя. — Е.М.) наверно хорошо помогает маме вести хозяйство, а старшие — то на занятиях, то уроки учат. Как идут у Максимки лыжные занятия, на земле или уже снег выпал? Что нового в Союзе и у наших товарищей, как здоровье Кости? (Константин Седых. — Е.М.) Что с ним хотят делать? Как мои книжки в издательстве? Что пишут иркутские газеты? Вопросов так много, что нет смысла ими занимать целый лист бумаги. Вы и сами знаете, что меня интересует.

Целую крепко-крепко.

Ваш Палыся — Туна — Пуп — Тона и обладатель множества других не менее звучных и тёплых наименований.

С нетерпением жду всяческих вестей по почте, по телеграфу и т.д.

Ещё и ещё целую.

17 ноября 1954 г.

Дорогие мои!

Вот сегодня и день хороший: ясный, солнечный, морозный, а я не нахожу себе места. Всё думаю и беспокоюсь о том, как вы живёте, как здоровье Светочки, не случилось ли каких-нибудь осложнений у Буленьки (Вити. — Е.М.), не заболели ли младшенькие. А вы молчите. Вы ещё не послали ни одной телеграммы и наверно не написали ни одного письма. Хотя лечение подвигается как будто и неплохо, у меня нет самого главного — вас. Отсрочка съезда окончательно выбила меня из колеи и нарушила все мои планы. Конечно, вынужденное пребывание в Москве нужно с возможной полнотой использовать для работы, но я отчётливо представляю себе, что в предсъездовский период вряд ли кто-либо станет заниматься моими делами. Сложно будет и с жильём. В это время будет проходить большое всесоюзное совещание по строительству.

Днём я выполняю все назначения врачей, даже физкультурой занимаюсь. Вечером читаю. Иногда в столовой бывает кино (по ценам, соответствующим моему бюджету — 2 рубля за картину). Ночью вижу во сне всех вас и почти ежедневно занимаюсь делами Союза: провожу пятницы, одним словом, то, что делал наяву, повторяется во сне. Строю всякие замечательные планы насчёт приезда в Иркутск. Жаль только, денег нет. Кеше (Луговскому. — Е.М.) скажите, что я был в Москве несколько часов и в Гослитиздат зайти не смог. А то сегодня он во сне спрашивал: «Ну, как, паря, деньги получил, нет ли?» Я ответил, что не получил, но ведь это было во сне, и он моего ответа не знает.

Витенька, напечатай и заверь несколько справок о составе семьи, одну отдай Н. О. (Надежда Осиповна — секретарь в Союзе писателей — Е.М.), штуки две пошли мне. Может быть удастся получить гонорар в Гослитиздате. Хоть он весьма невелик, всё же пригодится.

Сегодня моё обмундирование было как раз по сезону. Даже шапка не удручала (правда во сне кто-то принёс мне другую, тоже поношенную).

Как успехи в учёбе у наших ребятишек (от дошкольного до студенческого возраста)?

Как ты себя чувствуешь, мама дорогая и хорошая? Помогают ли тебе дети вести большое хозяйство и сложное, особенно, когда нет денег?

18 ноября 1954 г.

Начался ещё один день разлуки. Сегодня морозно. Ясно. Все деревья посеребрены инеем, и теперь не отличишь, какие ёлки серебристые, а какие простые. С утра принял ванну, дал руку для укола миоля, скоро получу порошки теофиллина.

С каждым днём становится всё труднее без ваших писем. Что же вы молчите? Столько в семье грамотных... Эх, вы, Молчановы.

Ваш изождавшийся Пап.

Целую крепко-прекрепко, а если будете писать, то и ещё крепче.

29 ноября 1954 г. Санаторий «Сосновый бор» в Болшево

Витенька, родная!

Что же ты так выдержанно молчишь? Несколько дней от тебя нет писем, молчат и все остальные. Вчера получил обстоятельное письмо от Г.М. (Георгий Марков. — Е.М.), в котором он говорит, что у вас всё в порядке. Но мне этого мало. Тем более, что два дня попытки позвонить окончились неудачей. Не работала линия. Сегодня снова нет писем.

Утром предпринял дальнюю прогулку — территория «Соснового бора» вся обойдена. Мороз подкрепил лыжни, и я, шаркая калошами, двигался, вспоминая

свою лыжную молодость. Забрался далеко в ельник, но там мне показалось темно, и я вышел на поле, где всюду сверкал снег, освещённый солнцем. После обеда снова прошёлся и потом направился на приём к врачу, заменяющему заболевшую докторшу. Говорит, что всё в порядке. Мне даже кажется, что я снова смогу бегать на лыжах, поднимать сырые берёзовые брёвна и без усталости колоть дрова.

Пока ещё неясно, что я буду делать в Москве. Жаль, что не успел застать Аллу (Канишина — одна из «Базы курносых» — Е.М.), можно было поместиться у ней на время командировки. Приглашала Шура (Ростовщикова — тоже «курносая» — Е.М.) — тоже отправляясь в дальний путь. Есть ещё в запасе Касьяновы и родня. Но у одних тесно, а у других, хотя и просторно, но тоже негде расположиться. Сегодня должны обсуждать вопрос о путёвке в Голицыно, но для этого потребуются какие-то деньги. Завтра всё выясню и снова напишу.

После обеда принял сеанс вымораживания на террасе. За последнюю неделю я убавился в весе на 400 граммов. Так что угроза потолстеть от меня удаляется. Чувствую себя легко, так как пью чаю так мало, что самому удивительно. Пусть мой главный последователь по чайным делам подсократит употребление «чаючки». Ведь я выпиваю всего три стакана жидкости, из них один — чаю. Зато нагрузка на сердце меньше.

Ну, вот и все новости. Скоро начнётся московская суэта, и, может быть, смогу ещё немного поработать в Доме творчества.

Приближение съезда вызывает у меня чувство обостряющегося критического отношения ко всему, что написано. Как мало и как плохо написано всё то, что можно предъявить на всенародный смотр. Подрастают и дома люди, могущие перечитать страницы немногочисленных и бледных произведений. Иногда я нахожу себе оправдание в том, что много лет работал для выявления других, которые меня далеко обогнали.

Ну вот, разговорился, а вы всё молчите.

Целую крепко и таких молчащих. Я сам тоже не особенно разговариваю. У меня появился новый сосед, вместо профессора-рыбника, главный инженер Пулковской обсерватории Митин Александр Захарович. Занятный дядька. Много интересного рассказал про Ленинград.

Ещё и ещё целую. Ваш Па.

Съезд пока ещё предполагают начать 15-го.

4 декабря 1954 г. Санаторий в Болшево

Мамуся-милуся и все остальные такие же дорогие!

Сегодня у меня праздник. В одном конверте получил сразу два письма, и оба доставили мне огромное удовольствие. Я рад успехам МаксYNки (папа звал своего старшего сына Максима или Мак, или сына. — Е.М.) во всех направлениях. А до чего хорошо письмо Зички-дочечки! Сейчас вот сидит папа-гусиная лапа и рвётся домой. До чего же трудная работа лечиться и жить в санатории. Конечно, я не удержусь и завтра утром отправлюсь в Болшево за талоном на переговоры по телефону и потом начну вас снова будить ночью.

Доживаю здесь последние дни. В понедельник, после завтрака, отвезут меня на автобусе в Болшево, потом сяду на электричку и доеду до Ярославского вокзала. Мама, Мака и Света помнят его, он издали похож на Кремль, особенно Казанский. Потом зайду в Союз, оттуда отправлюсь в Литфонд за путёвкой в какой-то Дом отдыха. Там, если позволят условия, попробую поработать, а то мне

кажется, что я начинаю походить на склеенную гитару, писать совершенно не могу. А вдруг я совсем онемел, и не появится из-под моего пера ни одной строки?

Ежедневно перечитываю ваши письма, тем более, что их всё-таки маловато.

Когда приеду в Москву уже на съезд, буду пытаться звонить по телефону. Вот этими-то звонками я вас и избаловал.

Состоялась заключительная беседа с врачом. Наставления: поменьше работать, побольше отдыхать, чаще бывать на воздухе; пища молочно-растительная, фрукты, соки, капуста, морковь и т.п.; ничего мучного, жареного, жидкости — не более 1,5 литров в сутки; ходить тихо, но не мало; заниматься специальной лечебной гимнастикой; не волноваться, изредка сухие вина; совсем редко — немного коньяку; спать — 7-8 часов в сутки, в том числе днём 1,5 часа.

Вот сколько наставлений, выполнить которые вряд ли я смогу.

Самое главное: не поддаваться болезням и помнить, что мне нужно многое ещё успеть сделать на земле. Последнее это уже от себя.

Снабдили меня свежим валидолом и велят не избегать пользоваться им, если появятся боли. Вот, кажется, и всё, что связано с лечением. Чувствую себя значительно лучше и крепче. Так что надеюсь, что ваши пожелания смогу выполнить.

Целую крепко всех-всех и по сто раз.

Ваш папа-гусиная лапа, Тона, Тука и т.п. и т.д.

Спокойной ночи, мои милые.

Письмо из Дома творчества ССП в Голицыно. 7 декабря 1954 г.

Ненаглядные мои!

Когда-то я услышу ваши голоса или хотя бы получу письмо. Наверно, не скоро. Пишу после совершения первой прогулки по Голицыно. Место здесь очень хорошее, и мне хочется приниматься за работу. Много я в жизни видел того, мимо прошли другие. А вот написать об этом не удаётся: почти месяц я не прикасался к рукописям. В комнате санатория, где я жил (в ноябре папа жил в санатории «Сосновый бор» в Болшево. — Е. М.), за столом сидел учёный и нанизывал огромные колонки цифр. От уважения к его работе я уходил в лес — наблюдал за полётом снежинок, за тем, как почти вертикально уходили в небо самолёты, оставляя за собой на некоторое время нетающий след. Я дышал так глубоко, что даже лёгкие трещали от напора этого свежего воздуха. Я любовался всем этим, а стихи не получались. Нашла какая-то творческая немота, а вот сейчас охота снова взяться за чтение своих рукописей, а для этого нужно совершить довольно дальнее путешествие за чемоданом. Как всегда, в разлуке с вами, у меня расцветает только один жанр — эпистолярный. Кроме писем больше ничего не пишется. Да, пока не забыл, шлите ваш список заказов. Кроме того, пусть Нина напишет, какие учебники ей нужно. На одной станции метро я видел «Биологическую химию», «Общую и неорганическую химию», «Детские болезни раннего возраста». Если они нужны, даже и после сдачи экзамена, я могу купить. Буду искать и «несчастную кислоту», которая нужна Максимке для его морского строительства. Тельняшки ищут повсюду, но пока безрезультатно. Нужно спросить у Касьяновского зятя (Касьянов — папин друг детства и юности. — Е.М.), вернее у брата Марии Петровны, он, кажется, работает в Морском министерстве. Сегодня придётся ехать в Москву за деньгами в Гослитиздат, Кеша (Иннокентий Луговской. — Е.М.) наверно ждёт не дожждётся.

Интересно, когда принесут телеграмму Буле (Булёди-зайчик — так называ-

ли сына Виктора, у которого 9 декабря был день рождения. — Е.М.) и письмо с открытками. Я его сегодня отправил авиазаказным из Голицыно. За окном понемногу посыпает снежок. Скоро обед, а я ещё после завтрака не проголодался. Было на столе: простокваша, просто каша, масло, глазунья и чай крепкий по моему вкусу. Но я удержался от соблазна повторить. Надо беречь своё сердце и стабилизировать вес. После обеда, может быть, двинусь в Москву, а пока крепко вас всех целую и шлю свой голицынский привет.

Папа.

Московское собрание всё ещё продолжается. Живущие в доме ещё не приехали. Среди них один знакомый — А. Борщаговский, известный по книгам: М. Светлов, Маяковский, Кнорре. Остальных не знаю.

Обедать пока не позвали, и я решил ещё немного поговорить с вами.

Отобедал. Закуска — пластик фаршированного баклажана, суп протёртый, шницель с капустой, картошкой и маринованной грушей. На третье — печёные яблоки.

Пока ходил, захлопнулась форточка, и стало душно. Отправляюсь на прогулку, может быть, проеду в Москву. Это вы узнаете по штампу по конверту.

Целую крепко.

Папа.

8 декабря 1954 г. Голицыно, Дом творчества ССП

Мамбун и все остальные!

Крепко вас всех обнимаю и с грустью принимаюсь за письмо, потому что на несколько дней прекращён приём заказов на междугородные переговоры. Не удалось собственным голосом поздравить новорожденного и вас всех с этим радостным событием. Вспоминаю всё, что было связано с появлением Виктора-победителя на свет. Сначала пришла поздравительная телеграмма, потом меня вызвали по телефону из Читы. С каким нетерпением я ожидал увидеть новорожденного... А вот он уже орёт, сидя голый попкой у меня на ладошке. Прошло два года... Его кроватка стоит у печки. Перед укладыванием спать — краснощёкий, голубоглазый («вылитый Пушкин») требует сказку. Бабушка начинает: «Зайчик-булодик...» Витяча начинает плакать и кричать: «А-а-а зайчик». Глаза полны слёз. Постепенно под ласковый рокот бабушкиного ласкового голоса буян утихомиривается. Ещё из гула тех лет доносится спор двух малышей:

— Я вылитый папа, — говорит один.

— Нет, я вылитый, — возражает другой, и губы и него начинают дергаться.

А вот он... и так много событий, вплоть до последней болезни, сменяют одно другое, и уже во весь рост появляется нынешний Буля, он же ласковый, во всей его красе, в белой рубашке и с алым пионерским галстуком. Вот он позвал малышей и сказал, что сейчас будет читать новый номер «Мурзилки». А что тут удивительного, ведь так и обещал Витя, когда он болел и Женя с Володей перевёртывали страницы.

Когда же у вас будет бал в честь новорожденных (у Вити день рождения 9 декабря, а у Володи — 13-го. — Е.М.), наверно, в воскресенье?

Вчера я решил съездить в Москву. Я так отвык от суматохи, что был рад, когда за окнами засветились огни Голицыно. Поездка прошла неудачно. Я не смог получить Кешин гонорар, не смог заказать очки для Н.И. Ольхон. А главное — не смог поговорить с вами по телефону.

Здесь хорошо. Тяготит только необходимость вести обций разговор за сто-

лом. Вчера получил истинное наслаждение. На столе стоял огромный пыхтящий самовар и большущий электрический чайник. Я не вытерпел и выпил один стакан с четвертью. Скоро это чайное блаженство прекратится до возвращения домой. В московских ресторанах такого чая не бывает. Я подумал, вот бы вас всех за этот стол. Ежедневно здесь бывает печенье собственного изготовления.

Я ещё ничего не написал, но всё время занят обдумыванием. Этот предшествующий период всегда похож на рытьё котлована для дома, который строится. Со стороны не видно, что там происходит. А вот когда начнётся кладка стен, сразу будет заметно, как растёт это сооружение. И в Иркутске, и здесь всё никак не получается рассказ под названием «Завтрак». Но я не отступлюсь от него, пока не напишу.

Вчера шёл по улице, задумался, и вдруг над самым ухом как гавкнет огромная собачица. Я ей сказал: «Ошибаетесь, я в ваш двор заходить не собираюсь». Она об этом передала своим соседкам, и по всей улице пронёсся этот удаляющийся перелай. Дошёл до леса. Надо мной пролетали самолёты. Может, некоторые были с моими письмами.

Целую крепко-прекрепко. Папа.

11 декабря 1954 г. Голицыно — Москва

Дорогие мои!

Сегодня проснулся очень рано, хотелось встретить наших делегатов. Позавтракав, ещё в темноте пошёл на электричку, потом пересел на метро и успел как раз вовремя. Первым увидел Г.М., потом Г. Ф. (Георгия Мокеевича Маркова и Гавриила Филипповича Кунгурова. — Е.М.). Вскоре подошли Алигер и Осин. Потом поехали в гостиницу «Гранд-отель». Я в одном номере с Г.М. Наш номер 453, телефон К-2-24-53. В газете объявление, что открытие съезда будет в Зале заседаний Большого Кремлёвского дворца. После заселения в гостиницу пошли завтракать, вернее, обедать с хабаровчанами. Г.М. проговорился, что Володя заболел. Почему же ты мне не сказала об этом? Я ведь недаром чувствовал, что у вас что-то неладно. Как же всё это случилось с нашей чудесной сыной? Приходится верить Г.М., что болеет Володя в лёгкой форме. Несколько раз пытался позвонить, но всё безрезультатно. Отвечают, что по техническим причинам Иркутск не работает. Очень жаль, я даже не мог уехать в Голицыно, не поговорив с вами. С 4-х часов мы были на заседании в Союзе, где докладывала бригада, ездившая в Иркутск. Прошло хорошо. Единодушно отмечено, что иркутское отделение одно из лучших.

В Москве мне не нравится. С неба моросит какая-то водяная мелочь. Сделаю ещё одну попытку позвонить и лягу спать. Завтра опять нужно съездить в Голицыно, забрать мелкие вещи и поблагодарить за хорошее обслуживание персонал. Съезд продлится 10-11 дней. Г.М. и Г.Ф. уговаривают остаться для устройства всяких дел ещё дней на 10. Мне не хочется, но и приезжать одному тоже не так-то легко. Представляю, сколько будет желающих послушать доклад об итогах съезда. Пишу всё это, а перед глазами наш маленький сынок у окна душной больницы. Бедная Витенька, как тебе трудно со всем справляться. Если у меня ничего не наметится с издательствами, тогда, наверное, всё-таки вылечу.

Окна нашей комнаты выходят на площадь Свердлова. В самом сумраке ночи алеет звезда на кремлёвской башне, и светятся цифры на часах.

Скорей бы удалось узнать, как здоровье Володеньки, не заболела ли крошка Женечка. Скорей бы, скорей бы кончилась разлука, а когда мы вместе, легче переносятся любые испытания.

Жду хороших вестей. Целую крепко-прекрепко тебя, родная Витенька, и всех ребятишек. Можете сейчас писать в адрес гостиницы. Ещё и ещё целую.

15 декабря 1954 г. Москва

Родные мои!

Нет слов передать, что мы пережили сегодня. Ровно в час перед нами распахнули ворота Кремля. Шли вместе: дальневосточники и сибиряки. Древний Кремль не мог не видеть волнения, тем более, что с его именем теперь связано всё передовое в жизни человечества. Впервые за много дней над Москвой было голубое небо и ярко сияло солнце. Мы остановились у знаменитой Царь-пушки, потом перед нашими взорами возникла Колокольня Ивана Великого и Царь-колокол у её подножья. Мы были в древних соборах, созданных несколько сот лет назад старинными русскими зодчими. Мы ходили по залам Оружейной и Грановитой палат, были в Георгиевском зале, все стены которого испещрены фамилиями русских героев — Георгиевских кавалеров. В 4 часа мы пришли в Зал заседаний Большого Кремлёвского дворца, где мы прослушали прекрасное и глубокое по своему содержанию приветствие Центрального Комитета съезду.

После доклада Суркова в Георгиевском зале состоялся большой концерт. Всё было так хорошо и красиво, что хотелось как можно скорее приняться за работу.

Сегодня в прениях, в числе первых пяти, выступает Г.М. (Георгий Марков — Е.М.). Мы уже не раз обсуждали всё, что он приготовил, а сегодня он сидел всю ночь, а я встал рано утром и тоже кое-что сделал.

Посылаю сегодня всем вам поздравительные открытки, малышам по две. Вчера отправил открытку с книгами и две бандероли, сегодня pošлю сладости нашим «милым гавлилым».

Очень жаль, что не смогу вернуться к первому, но всё равно, где бы ни находился, мы будем вместе.

Крепко целую и обнимаю вас всех.

Папа

20 декабря 1954 г. Москва

Очень тревожат последние разговоры по телефону, родная моя Витенька! Мне кажется, что ты скрываешь от меня какие-то серьёзные неприятности. Поражает также настоятельная просьба П.Г. (Малыревский — Е.М.) приезжать скорее. Наверно, заболела Женечка? Или ты сама очень плохо себя чувствуешь? В дополнение ко всему я оставил вас без денег, а посылка запоздала в пути, и праздник получится у вас весьма скудный и горестный. Мне тоже хочется как можно скорее попасть домой. Но все дела в Москве продвигаются крайне медленно. Завтра пойду в Главиздат для окончательных разговоров о книгах А. Кузнецовой и Ю. Левитанского, исключённых из плана. Затем нужно побывать в Детгизе. «Смена» заказала написать статью о «Базе курносых» и очень просила сделать это до отъезда. Ни разу не удалось поговорить о моих стихах со Стюарт (Елизавета Стюарт — новосибирская поэтесса. — Е.М.) (она занята подготовкой своей книги для Детгиза) и о рассказах с Шестаковой.

Позавчера я был в доме Горького. Н.А. Пешкова нашла экземпляр нашей книги с пометками Алексея Максимовича. Я их все переписал. Она мне подарила две фотографии (Горький и «База курносых») и рекомендует написать повесть на этом материале.

Вчера был день грустный. Мы ездили на кладбище и возложили венок на мо-

гилу Л.Н. Сейфуллиной. Очень горестно приходиться с таким изъявлением чувства к человеку, которого нет.

Оттуда поехали обедать на дачу к Соболеву. Он и его жена Ольга Ивановна встретили нас очень радушно. Из-за задержки с машиной опоздали к З.Н. Сейфуллиной (сестра писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной — Е.М.), первым пришёл Смердов и застал её в слезах. Позднее приехали мы с Ганей Кунгуровым и Шестакова. Готя Марков выступал на вечере в ЦК.

Зоя Николаевна немного повеселела и сказала:

— Если бы вы не приехали, я бы забыла вас.

В этот момент она очень походила на Лидию Николаевну. Одно слово — «забыла» — звучало почти приговором. Потом она сказала, что из всех писателей она больше всего верит мне, и снова напомнила, как Лидия Николаевна любила нашу семью. Ещё она рассказала один случай, произошедший незадолго до смерти сестры. Они пошли покупать какую-то игрушку внуку. Лидия Николаевна задумалась, а потом сказала:

— Как много на свете хороших людей, которым хотелось бы сделать доброе. Как жаль, что нет возможности купить эту красивую куклу Женечке — маленькой дочке Молчановых.

У них тогда было плохо с деньгами. З.Н. говорит:

— Гослитиздат сделал ей венок за 3000 рублей. Как бы они пригодились ей при жизни.

Потом З.Н. прочитала воспоминания Лидии Николаевны о Маяковском и замечательное, озорное письмо М. Горького к ней.

Так закончился вечер её памяти.

Вернувшись в гостиницу, заказал разговор и стал ждать Иркутска, а получив его, долго сидел в горестном раздумье. Мне хотелось скорей помчаться по небу, укрытому чёрными тучами, и прижать тебя к груди, чтобы развеять все мрачные мысли. Я очень соскучился и рад, что на календаре разлуки остаётся ещё только пять дней, не считая сегодня и дня отъезда (поезд уходит рано). Обидно, что в эти пять дней входят два выходных. Если бы была гарантийная скорость полёта, я бы не выдержал и полетел. Но всё время наблюдаются длительные перебои.

Составляю план посещения (самый минимальный). Думаю побывать по одному разу: у Касьяновых, у родни, у Медведевых (звонили уже сколько раз и Ося, и Клара, и Саша, и Эля) и у «курносых» (думаю, что они соберутся все вместе). На большее не хватит ни времени, ни сил.

В дни съезда мало свободного времени, и мы все очень устаём. Я тщетно пытаюсь найти в зале место, где бы было немного попрохладнее. Да и на этот раз московская суматоха меня утомляет особенно сильно, видимо я не вполне ещё окреп после болезни, несмотря на отдых в санатории.

Как я тебе писал, Г.М. (Георгий Марков — Е.М.) избран членом президиума правления Союза писателей СССР наряду с другими выдающимися. Немалую роль сыграло в этом, помимо его творческой деятельности, и то, какое отделение он представляет. Снова возникает вопрос о переезде в Москву. Смирнов предлагал избрать его секретарём Союза вместо себя. А теперь выдвигает его на пост председателя Комиссии по русской литературе. На днях этот вопрос будет решаться, сам он для себя пока не решил, как быть.

Сейчас он ушёл на встречу с библиотекарями, Г.Ф. (Кунгуров — Е.М.) гото-

вится выступать в Институте мировой литературы на защите диссертации новосибирского научного работника Соколовой о творчестве А. Коптелова.

Я же занялся письменным делом. Односторонняя «переписка» весьма затрудняет автора. Надеюсь, что скоро мы уже будем вместе, и тогда можно будет поговорить вдосталь. Очень рад, что ребята учатся хорошо. Жаль только, что маленький сын остался неаттестованным из-за болезни. Ну да это ничего. Во втором полугодии он догонит своих товарищей, и тоже будет хорошо учиться.

Как жаль, что задержались посылки, они доставили бы немало радости.

Целую крепко и желаю быть здоровыми и счастливыми в новом году. Ещё и ещё целую маму Витю, дочек Женечку, Светочку и Ниночку, сынов-богатырей Володю, Макушку, и Витячика. С ним больше всех я говорю по телефону. Как всегда, он спокоен и ласково улыбается.

До самой скорой встречи, мои родные!

Папа

28 декабря 1954 г. Москва

Родная моя и любимая Витенька!

Вчера закончилось совещание секретарей, но это не значит, к сожалению, что я уже освободился. Предстоит ещё много беготни, бесцельных хлопот, и только потом я смогу сесть в поезд и приехать. Сегодня утром с особенной силой захотелось помчаться домой и именно на самолёте, но пока этого сделать нельзя. Тем более, что многое ещё не сделано. Вчера я снова разбудил тебя, и от этого трёхминутного пребывания в нашей комнате (я же слышал не только твоё дыхание), как будто ощутил и тепло пробуждения. В субботу освободились поздно. В правление выбрали из числа живущих на периферии: Г. Маркова, С. Сартакова и М. Соколова (Ростов-на-Дону). В Ревизионную комиссию Н. Роголя (Хабаровск) и Н. Рыленкова (Смоленск).

В воскресенье на автобусах поехали к Белорусскому вокзалу и возложили венки к подножью памятника М. Горькому. К четырём пошли в Кремль на заключительное заседание. Снова, как и открытие, оно было в Большом Кремлёвском дворце. Продолжалось оно недолго, и мы снова направились в гостиницу. На 8 вечера был назначен приём в честь иностранных писателей — гостей нашего съезда. Ровно в 8 началось торжество. Было очень красиво и торжественно. Мы все сидели в разных местах. Но потом встретились под сводами старинных дворцов исторического Кремля. Около двенадцати отправились домой. Шли медленно мимо Царь-колокола, Царь-пушки, мимо ёлок, покрытых снегом, по направлению к Спасской башне. Когда мы вышли на Красную площадь, часы пробили полночь. Мы немного постояли с С. Сартаковым и Журбой — автором повести о Матросове. Было очень красиво и строго-торжественно. Медленно пошли в гостиницу. Сразу же хотел позвонить, но связи не было. Немного погодя позвонил С.Н. Щетинин (секретарь Иркутского обкома КПСС — Е.М.) и пришёл вместе с С.И. Ломоносовым. Под впечатлением пребывания в Кремле проговорили до 3 часов утра. Когда они ушли, я снова заказал Иркутск. Прождал полчаса, и мне снова сказали, что связи нет.

Вчера целый день с Г.М. (Георгий Марков — Е.М.) пробыли на совещании в Союзе, сегодня он ушёл на организационный пленум правления. А я сижу и жду, когда мне позвонят из Союза, чтобы идти в Главиздат хлопотать о книгах наших писателей, исключённых из издательского плана.

Я уже тебе писал, что мы чуть не опоздали на экскурсию в дом Горького.

(Мы задержались, когда вручали международную Сталинскую премию Николасу Гильену.) Потом взяли такси и поехали на Малую Никитскую. Мы там захватили наших экскурсантов. Знакомила с домом невестка М. Горького Надежда Алексеевна Пешкова. Она показала много снимков, в том числе большую фотографию — М. Горький с «Базой курносых» (такую, как у нас, но только значительно лучшего качества). Когда ей сказали, что я тоже был с этим коллективом, она сравнила с фотографией и заметила, что я мало изменился и только поплотнее стал. Она сказала, что в библиотеке сохранилась книга «База курносых» с пометками Алексея Максимовича. Тут же она пообещала найти эту книгу. Если это удастся, то нужно будет всё тщательно переписать.

Надежда Алексеевна предложила побывать и в доме, где жил последние годы Ал. Толстой. Сама и проводила нас, и познакомила с его женой Людмилой Ильиничной. Когда беседа закончилась, и она пригласила нас к столу (где были фрукты и грузинское вино), Ю. Шестакова сказала мне, что Толстая ей напоминает тебя («Такая же живая, энергичная, весёлая и простая»).

Толстая просила прислать ей книги всех тех, кто был на этой встрече. (Поехали на экскурсию, а попали в гости.) Хочется поскорее попасть домой, чтобы рассказать о московских впечатлениях.

Не знаю, что делать со встречей Нового года. Мне бы хотелось сидеть у телефона и разговаривать с вами, да боюсь, что линия будет занята. Очень усиленно приглашают Касьяновы (я у них всё ещё не был, как и нигде, почти) и Алла с Шурой (Алла Канишина и Шура Ростовщикова — бывшие «курносые», живущие в то время в Москве. — Е.М.).

Чем ближе к первому, тем сильнее меня обуревают желание быть дома. Я не люблю быть в разлуке с вами, особенно в дни, когда все ликуют и веселятся.

Витенька, зачем ты меня уговариваешь купить костюм? (Опять занимать? Не могу.) Валенки Светке буду искать, но только в первые дни января, сейчас в магазинах наплыв предновогодний. Поцелуй за меня всех ребят. Сделай так, чтобы маленькой ябединочке не пришлось жаловаться на Витячу, забывшего свои обещания.

У нас чудесный номер. Из окна видны собор Василия Блаженного, Красная площадь. Ночью отчётливо слышен бой часов на Спасской башне.

По-доброму нужно бы заняться издательскими делами, но я так устал, что не хочется выходить на улицу. Очень суматошливо, а главное, дни не похожи на зимние.

30-го Готя (Г. Марков — Е.М.) отправляется в Горький встречать Новый год. 2-го утром возвратится. Отъезд наметили на 4-е. Передай А.А. Самсонии, что его «Чёрная тень» переведена на немецкий язык и издана в Берлине. То же самое и «Канун грозы» П.Г. Маляревского.

Мне нужно после того, как я отчитаюсь о съезде и проведу пленум Комитета защиты мира, уходить в длительный творческий отпуск. Урывками не работается. А всё, что сделано для создания литературной организации, в конечном-то счёте, попадает в другие адреса. Самое главное — книги. А для этого нужно время, которого у меня не имеется. Г.М. (Георгий Марков. — Е.М.) собирается в марте лечиться вместе с А.А. (Агния Александровна Кузнецова — жена Г. Маркова, писательница — Е.М.). Что-то делается в нашем городе? П.Г. (Павел Маляревский — Е.М.) просил рассказать по телефону о съезде. Как будто он не знает, насколько это нелегко.

Завидую делегатам, отправляющимся домой, которым всего 9 часов езды. Скорей бы начались полёты на реактивных самолётах. Тогда всё-таки Иркутск будет поближе к Москве.

Что-то вы мне ничего не пишете. Может быть, письма где-то лежат? П.Г. сказал, что сейчас полётов нет. В адрес гостиницы я получил только телеграмму от Самсоныи и сегодня бандероль из издательства с книгой «Писатели Советской Сибири».

Я уже писал тебе, что твоё письмо попало ко мне не сразу. И я с величайшим наслаждением читал и перечитывал его. Этим приходится заниматься ежедневно, так как больше от вас ничего нет. За время съезда я почти не писал, едва успевая подписывать адреса на бандеролях и заполнять бланки на посылки. Бандеролей я отправил 7 заказных и 1 простую, посылок — три (одна очень вкусная). Скорей бы их доставили. Я представляю, сколько будет восторга при их распечатывании. Чемоданчик Нешке (Нине — моей старшей сестре. — Е.М.) в посылку не поместился, и я его привезу самолично. Боюсь, не понравится (великоват), но зато кожаный. Подошли ли тебе туфли? Носочки послал только малышам, больших не было. Грибы пойду искать на центральном рынке. Ещё нужно идти в Дом детской книги, в Детгиз, в «Молодую гвардию». Дел-то у меня хватит больше, чем на неделю, а вот денег-то маловато. Нескончаем перечень приглашений в гости (Л. Соболев, Н. Замышкин, Сейфуллины, П. Нилин и др.). Первые трое передают тебе наисердечнейший привет. Почти ежедневно звонят Медведевы. Нельзя миновать и родных. На этот раз я буду дарить только детские книжки. От окна дует, и у меня даже ноги замёрзли. Заканчиваю. Целую крепко вас всех. Телеграмм, наверно, посылать не буду. Поздравляйте так.

Ваш па-ту-то-ни-пуп

* * *

Я очень сожалею, что не начала работать с папиным архивом раньше. Когда жива была мама, он как бы принадлежал ей, и в свободное от домашних забот время она старалась упорядочить этот богатейший материал, разложить письма по годам, отделить папины письма от писем к нему, но... теперь я понимаю, почему сделать это было непросто. Заниматься такой работой механически невозможно, хочется прочитать, а что же написано в этом письме, что в следующем, какие-то слова трудно разобрать, пытаешься понять их по смыслу написанного прежде, и читаешь, читаешь, читаешь...

А перед глазами проносится жизнь. Жизнь, полная любви. Вот стихи, написанные маме в день её рождения, 14 апреля 1954 года.

Моей Виктории любимой

*«Года идут, но не бледнеет
Неукротимая любовь.
И всё ещё не леденеет
Бунтующая в жилах кровь.*

*Она становится моложе
И вспыхивает вновь огнём,
А ты, любимая, дороже
И ближе сердцу с каждым днём».*

*Так написал тебе когда-то,
Свершая дальний путь солдата.
Под этим подпишусь я вновь —
Не блекнет ясная любовь.*

Любящий Иван.

Я всегда знала, что самыми главными чертами папиного характера были честность, порядочность, самокритичность и верность. Верность в любви к детям, к жене, своей семье; верность своему делу, которому посвятил всю жизнь; верность своему родному городу — Иркутску (а ведь многие литераторы — Г. Марков, Ю. Левитанский, М. Скуратов, А. Преловский и другие — по разным причинам, но покинули свой город).

Не случайно, что именно его имя, имя военного корреспондента, прошедшего войну с 1941 по 1946 год, награждённого орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почёта», несколькими медалями; имя человека, в течение 25 лет руководившего Иркутским отделением Союза писателей; имя известного сибирского поэта в 1961 году было присвоено Иркутской областной библиотеке.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Волшебный крысолов

РАССКАЗ

К вечеру секретарь парткомиссии полковой комиссар Дорохов закончил вручение партийных билетов на командном пункте бригады морской пехоты. В сумерки он надел каску, взял автомат и пошел в третий батальон: моряки сидели там в сотне метров от немцев, и попадать туда можно было только с темнотой.

Вечер ложился прохладный и ясный. Небо над горами еще сияло бледным зеленоватым светом, но скоро черное сухое кружево голых зимних сучьев утратило

СОБОЛЕВ Леонид Сергеевич — русский советский писатель и журналист, военный корреспондент. Капитан 1 ранга, родился 9 (21) июля в Иркутске. Учился в 3-м Александровском кадетском корпусе, в 1916 г. зачислен в Морской кадетский корпус. Участвовал в Моонзундском сражении и в Ледовом походе Балтийского флота. В 1918–1931 годах служил в Красном Флоте в качестве штурмана линейного корабля «Андрей Первозванный» и эскадренного миноносца «Орфей». С 1931 года — оргсекретарь Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ и секретарь журнала «Залп». В 1934 становится членом правления СП СССР. С 1938 г. живет в Москве. В годы Великой Отечественной войны служил корреспондентом газеты «Правда», Совинформбюро и газеты «Красный флот». Участник обороны Одессы, обороны Севастополя. Главное место в творчестве писателя заняла морская тематика. Автор книг: «Морская душа» (1943), за которую получил Сталинскую премию (1943); «Капитальный ремонт» (1932–1962); «Зелёный луч» (1954) и др., а также литературно-критических и публицистических книг «На главном курсе» (1969), «Ветер времени» (1970), киносценариев. Герой Социалистического Труда (1968), награжден тремя орденами Ленина (1958, 1967, 1968), двумя орденами Отечественной войны I степени. Скончался в 1971 г. в Москве.

отчетливость своего узора, и на тропинке стало почти темно. В дубняке стояла тишина — если можно назвать тишиной тяжкое шуршанье своих снарядов, предвзятое глухим ударом залпа, и быстрый свист немецких, кончающийся плотным разрывом неподалеку. Но это и была тишина переднего края: винтовки и пулеметы молчали, и чавканье, сапог связного казалось слишком громким.

Дорохов шел за ним быстро и сноровисто, сторожко ожидая того нарастающего свиста, который может быть последним, что услышишь в жизни, если не сумеешь отличить этот звук от других, безопасных, и не успеешь до разрыва снаряда упасть ничком. Это стало привычкой: сколько уже раз ходил он так под мины и снаряды, чтобы своими руками передать бойцу или командиру признание партии и высокий знак ее доверия — новенький партийный билет. Нынче он нес их пять, и один из них капитану Митякову, командиру третьего батальона.

Связной остановился и, пошептавшись в кустах с кем-то невидимым, доложил Дорохову, что капитан выставил на ночь заслон с тыла, ожидая нынче немецких автоматчиков, и что теперь придется обождать краснофлотца, который ушел проведи новым проходом обогнавшего их почтаря.

Дорохов присел на камень.

Артиллерийская дуэль прекратилась, и в дубняке стало удивительно тихо. Обе ночи Дорохов провел в других батальонах, а днем довелось поспать часа полтора. Он шепнул связному: «Буди, коли что», прислонился к скале и тотчас уснул.

Хорошо, что война иногда разрешает нам сон — короткий, военный сон в оружии, на коне или в машине, на штормующем корабле, под грохот снарядов или в ожидании атаки, — скупой, суровый, но полный отдых. Короткий и плотный, этот военный сон подкрепляет, как глоток свежей воды. Глубокое, совершенное забвение гасит для тебя бушующую по всей земле войну, и ты впитываешь в нем новые силы для души и тела.

Но помни, товарищ: если мелькнет перед тобой в коротком этом сне дорогое лицо ребенка, или дальняя тихость забытого дома наплывет на тебя нежно и коварно, если плечо, затянутое боевыми ремнями, стынувшее у стенки окопа или мокрое от волны, одинокое твое плечо почувствует милую тяжесть сонной родной головы, — проснувшись, не следи отлетающего виденья. Вокруг тебя — бой. Мечтать не время. Спокойствие, любовь и счастье — все, о чем тоскует в войне человеческое сердце, — все это сведено войной к одному понятию: победа. Ты отдохнул: улыбнись благодарно милым виденьям, собери всю волю и всю ненависть; будь быстрее, отважнее, хитрей и осторожней, чем враг, чтобы вырвать у него победу, без которой (ты сам это знаешь!) никогда не будет для тебя ни покоя, ни счастья, ни жизни.

Дорохову приснилась почему-то песня, которую пел глубокий женский голос. И в невыразимом волшебстве сна встало перед ним чье-то лицо, прекрасное и небывалое, но знакомое и дорогое, а за ним — жаркий простор родных, забытых полей юности и в них — ленивый покой и долгая тишина. Но рядом хрустнула ветка, и он проснулся, так же как заснул: внезапно и без движения, только раскрыв глаза.

Перед ним была неясная тьма дубняка. Он тотчас вспомнил, где он, какой драгоценный груз лежит в кармане у сердца, и, прогнав обманы сна, приподнял автомат и прислушался. Но странное дело: привыкший сразу же возвращаться от сна к действительности, на этот раз он, вероятно, продолжал грезить с открытыми глазами: песня звучала в лесу вольно и властно.

Ее пел голос необыкновенной чистоты и силы. Он пел свободно и просто, тем

богатым и глубоким звуком, который умеет найти в старинной скрипке настоящий артист. Над передним краем, над винтовками и минометами, готовыми к стрельбе, над темным дубняком, где, может быть, уже кралась немецкие автоматчики, песня плыла величаво и спокойно, как полная светлая луна, и ни один выстрел не нарушал ее плавного хода. Песня была незнакомая, но слов ее Дорохов и не старался разобрать. Он просто слушал чудесный этот звук, и хотелось одного: чтобы он не замолк.

Песня томила и колдовала, она затягивала в себя, как теплое и сильное течение, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поддаться желанию забыть обо всем и только следить за мягкими и плавными волнами удивительного этого голоса. Он с раздражением подумал, что такая песня на войне ни к чему: можно так заслушаться, что прозеваешь то, что делается вокруг тебя во тьме. И тут же он решил сказать военному батальона, что если уж затаскивать к себе в окопы артистов, то музыку надо давать пободрее, а то, гляди, такой концерт и боком выйдет... Но голос звучал — и он снова заставил себя думать о другом, чтобы освободиться от коварного его обаяния.

Вернулся провожатый. Связой тронул Дорохова за рукав, и они молча пошли навстречу песне. Она закончилась, но тотчас же голос начал другую.

Скоро, пригнувшись, они вышли узким ходом сообщения в глубокий окоп, и Дорохов понял, что поют совсем рядом. Он заглянул за скалистый траверз окопа и увидел того, кто пел.

Это был мальчик лет двенадцати-тринадцати. Рядом с ним стоял старший политрук Галкин, военком батальона, светя на планшет карманным фонариком.

Блики света падали на лицо певца. Оно было совсем детским, и когда он подымал глаза в темноту, взгляд его сиял всей безмятежной чистотой начала жизни. Он пел с видимым удовольствием, склонив голову набок и как бы сам прислушиваясь к тому богатому звуку, который вырывался из его губ. Порой губы эти улыбались, и он хитро подмигивал Галкину, который также хитро отвечал ему ободряющей улыбкой, отрываясь от карты. Дорохов тронул его плечо, и Галкин погасил фонарик.

— Неудачный концерт, товарищ старший политрук, — сказал недовольно Дорохов, здороваясь. — Никуда такая музыка не годится, совсем не военные мысли под нее идут.

— Точно, — ответил Галкин. — Приметил — ни одного выстрела: слушают гансы... А у меня матросики тем временем выспятся, что надо... Третий вечер так припухаем, красота!

— Вот и заслон у тебя на тропинке заслушается... Этакий голос, всю мечту из души подымает. Прямо — сирена...

Галкин обиделся.

— Сказал! Сирена!.. У сирены звук подлый. Воеет, душу тянет. А у него...

— Я не про ту, — усмехнулся Дорохов. — Про ту, что в море поет, память и волю отнимает... Слышал, были такие морские певицы, которые древних штурманов на камни заманивали?... Русалки...

Галкин неожиданно засмеялся.

— Это голые, с рыбьими хвостами... — Сравнение, видимо, ему понравилось, и он опять засмеялся. — Это точно, сирена... Черноморская сирена. Только насчет заслона ты не беспокойся: у моряков против этой сирены слово есть. Они песню не слушают, они другого ждут.

— А что?

— Обожди, увидишь. Чего раньше времени хвастать. Думка у нас с комбатом одна есть. Как вот выйдет...

Песня кончилась на глубокой замирающей ноте. Галкин посветил на часы и озабоченно нахмурился.

— Не устал, Павлик? — спросил он ласково. — Давай еще. Пожалостнее какую. Самое время.

— Я лучше веселую, товарищ старший политрук, — ответил Павлик, — про мельничиху. Они слушать лучше будут. Можно?

— Это которой вчера хлопали? Добро, — сказал Галкин, и Павлик свободно и сильно начал шубертовскую песню.

Дорохов поинтересовался, откуда появился у них этот мальчик, и Галкин рассказал, что его нашел у соседей слева, моряков-минометчиков, связной Потапов. Послушав, как он поет, Потапов подумал, что у минометчиков есть уже хороший баянист, и что две музыки на одно подразделение будет, пожалуй, жирно, — и подсел к Павлику. Оказалось, что сестра у него — артистка, он учился в музтехникуме и шел отличником, но ребят вывезли на Кавказ, а он спрятался, потому что не мог же он бросить Севастополь, если умеет стрелять (тут он вынул из кармана значок ворошиловского стрелка). Однако на фронт ему удалось попасть только тогда, когда увезли на пароходе и сестру, и он опять спрятался и остался сам себе хозяином. Но войны тут мало, и минометчики не дают ему даже винтовки.

Тогда Потапов коварно объяснил ему, что минометчики только издали швыряются в Гансов, а настоящая война идет в бригаде и главным образом у них, в третьем батальоне, где, кстати говоря, каждому добровольцу сразу дают две гранаты и трофейную винтовку. Павлик пришел в гости, спел «Цусиму», и Галкин, не колеблясь, снял с пояса две гранаты и тут же провел его приказом как воспитанника батальона, чего минометчики сделать не догадались. Галкин рассказал еще, что парнишку трудно удержать в блиндаже, когда начинается какой-либо переплет, и что пришлось специально поручить это дело связистам на компункте батальона.

Но тут песня кончилась, и Галкин, оборвав себя, прислушался к темноте. Над окопом некоторое время стояла тишина. Потом у немцев сухо и одиноко щелкнул выстрел.

Павлик встревожился;

— Стреляют, — шепнул он, чуть не плача. — Товарищ старший политрук, что же это — стреляют?

— Ясно, стреляют, раз ты замолчал, — сказал вдруг голос сверху.

В темноте зашуршал щебень, и в окоп спрыгнул капитан Митяков.

— Ну, как там? — спросил его Галкин.

— Как будто в порядке, — ответил он и тотчас повернулся к мальчику. — Только пой, Павлик... Пой лучше... Вся надежда на тебя, — сказал он умоляюще, и Павлик опять запел.

Он запел серенаду Шуберта, и капитан облегченно вздохнул.

Песня, плавная и пленительная, торжествующе полетела в ночь, и казалось, что ее поет спокойный и счастливый человек. Но когда капитан посветил фонариком на часы, Дорохов увидел, что глаза Павлика были полны тревоги. Он пел и вопросительно смотрел на капитана, а тот всматривался в темноту, угадывая в ней что-то ожидаемое, волнующее и важное.

Потом, видимо, что-то решив, он погасил фонарь и негромко сказал:

— К бою!

Команда молнией пробежала по дозорным, нырнула в блиндажи, и окоп стал быстро наполняться моряками. Они пробежали мимо Дорохова, поправляя снаряжение и каски, некоторые, несмотря на темноту, надевали вместо касок бескозырки — гордость моряка, и скоро присутствие многих сильных, горячих тел почувствовалось в этой живой темноте.

Песня продолжала звучать, подчиняя себе сердце и завораживая ум. Любовное томление, ожидание встречи, страстный и медленный призыв звучали над тихим передним краем, а моряки на приступках окопа стояли сурово и грозно. Они ждали — и Дорохов понял, чего: сигнала к атаке.

Он подошел к капитану Митякову и просто, без лишних слов передал ему маленькую твердую книжечку.

— Возьмите в бой, товарищ Митяков.

— Спасибо. Оправдаю, — так же коротко ответил тот.

Сильный взрыв впереди заглушил песню. Небо перед окопом справа осветилось высоким пламенем, и окоп ответил громким «ура». Капитан сунул книжечку в левый карман кителя, под орден, и вспрыгнул на бруствер. Моряки лавиной ринулись за ним. На склоне впереди забили автоматы, заработали с флангов пулеметы, поддерживая атаку. Тени моряков мелькнули на миг на фоне перебежавших огоньков стрельбы и пропали во тьме.

— Ну, Павлик, тикай... война пошла... — сказал торопливо Галкин, выхватывая гранату. — Товарищ полковой комиссар, давайте тоже в блиндаж, сейчас мины посыплются... Второй взвод за мной!

Павлик повел Дорохова в блиндаж компункта. Три-четыре мины с треском разорвались у бруствера, пока они добрались до укрытия. Блиндаж сотрясался, а Павлик, сев за стол, стал жадно пить чай.

— Охрип, — сказал он деловито. — Всю тетрадку пропел, покуда они доползли.

— Кто они?

— Кандыба, Баймуратов и Вася Петров, — точно ответил Павлик, и Дорохов попросил его объяснить.

Павлик, вкусно прихлебывая чай и прерывая себя, чтобы ответить восторженным «вот это да!» на особо близкий взрыв мины или снаряда, рассказал, что нынче комбат и старший политрук раскрыли ему военную тайну: ночью сегодня пойдут к фашистам добровольцы-саперы, чтобы доползти до того дзота, что справа, и постараться его подорвать. Комбат просил припомнить все, что пела сестра, — а она целыми днями бубнила этого Шуберта, даже навязло в ушах. Комбат сказал еще, чтобы он пел нынче как можно лучше: надо, чтобы фрицы заслушались и прохлопали саперов, которые поползут мимо них в темноте.

Павлик засмеялся: наверное, он пел хорошо, — вон как ахнул фашистский дзот... Теперь, конечно, к утру, моряки будут сидеть в немецких окопах, и Галкин подберет для него парабеллум.

В углу запищал телефон. Связист ответил, что Фиалка слушает. Потом он вызвал Незабудку и попросил передать Резеде, что Фиалка требует огоньку по северному склону высоты 127,5, куда отступили выбитые из окопов немцы.

Мины закончили уже свою трескотню, и в блиндаже стало тихо. Павлик вдруг зевнул и откинулся на нары. Он прикрыл глаза, подложил ладонь под щеку и заснул. Он спал спокойно и уютно, как спят набегавшиеся за день дети. Дорохов смотрел на него и думал о том, что придется выдержать большой бой с Галкиным:

мальчика нужно было отправить на Большую землю, — чтобы сберечь этот чудесный голос.

Павлик пошевелился. Дорохов заботливо накинул на него брошенный кем-то перед атакой полушубок. Мальчик сонно открыл глаза.

— Спи, спи, ты... сирена... — сказал Дорохов негромко. — Спи.

— Крысы, — ответил Павлик и улыбнулся. — Крыски поганые... Я их... погоди... в самое море...

Он пробормотал что-то еще сонное, свое, и опять уснул.

Дорохов, ожидая, когда в блиндаж придет кто-нибудь, кто мог бы провести его на компункт, подсел к столу и потянул к себе потрепанную книжку.

Книжка, очевидно, принадлежала Павлику. На обложке ее был нарисован бородатый человек в странном, цветистом, фантастическом костюме, идущий по колону в воде. Он играл на флейте, и за ним черной отвратительной лавиной ползли в воду крысы.

Они ползли, оскалив мерзкие пасти и блестя злобными глазами, кусаясь и отпихивая друг друга в стремлении быть ближе к чудесной флейте, заморозившей их тупые умы, а быстрая вода относила их от колен музыканта, и множество крыс плыло вниз по реке брюхом вверх.

Дорохов раскрыл книжку и, усмехаясь, начал читать старую сказку о волшебном крысолове. На полях книжки стояли птички, что, как ему было известно, очень любил делать старший политрук Галкин, когда чтение его увлекало.

АЛЕКСЕЙ ЗВЕРЕВ

Последние

РАССКАЗ

После зимней страшной истории рос Куцка слабой рыбой. Из большого табуна их тогда осталось с десятков, и укрылись они на дне глубокого залива. Если сидели бы в нем дальше, ничего бы с ними не случилось. Но кто-то из них, измученный голодом, погнался за бормашом, другие бросились вслед и попали в окружение острых ледяных кристалликов. Они им резали и кровянили жабры, и скоро несколько таймешат, вздрагивая, вознеслись вверх и опрокинулись. Остальные испугались и бросились вглубь, и тут случилась беда, после которой остались единственный брат Красавец да он, Куцка. Огромная льдина и рыхлая каша затмили весь простор до грани, за которой пустота, и смерть. Таймешата бросились на малый простор и поняли, что пришла гибель: две синие стены сходились и

ЗВЕРЕВ Алексей Васильевич — прозаик, педагог. Родился в 1913 г., в с. Усть-Куда Иркутского р-на. Участник Великой Отечественной войны. В 1942—1945 годах воевал на Первом украинском фронте, был тяжело ранен, около года провёл в госпитале. Был награждён орденом Красной Звезды. Окончил Иркутский педагогический институт, работал преподавателем русского языка и литературы в школе. Член Союза писателей СССР с 1968 года. Автор книг: *Далеко в стране Иркутской*: роман (Иркутск, 1962); *Дом и поле*: роман (Иркутск, 1970); *На Ангаре*: рассказы (Иркутск, 1972); *Последняя огневая*: повести (Иркутск, 1977); *Лыковцы и лыковские гости*: повести (Иркутск, 1980; *Современная сибирская повесть*); *Выздоровление*: повести и рассказы (М., 1982); *Раны*: повести и рассказы (М., 1983); *Жили-были учителя*: повести и рассказы (Иркутск, 1990); *Как по синему морю*: повести, рассказы (Иркутск, 1984). Именем А. Зверева названа литературная премия журнала «Сибирь», учреждённая в 1998 г. Умер в 1992 г. в Иркутске.

сходились. Куцка сунул голову в ледяную кашицу и почувствовал ужасную боль. Ещё хватило сил вырваться из синего плена, но убежать не смог: хвост беспомощно волочился за ним, влекло опрокинуться, и он едва держался.

Куцка сидел в ледяном склепе много дней, пока не промыло щель. Едва он выволок больное и тощее тело, его встретил единственный брат — Красавец. Они нашли ямку на всю тёмную зимнюю пору и в соседстве ельцов и карасей дождались весны. Куцка рос хилой, но разумной рыбой, потому что долго болел и много думал, останется ли в живых. Зима казалась долгой и трудной. Дно всё пустело. Последние травинки поедались вместе с корешками. Рачки попрятались так далеко, что под камешками, которые братья едва сдвигали, их не оказывалось.

В одно утро стало необычно светло. Как облака, поверху плыли громадные льдины. Красавец насмелился подняться за опасную грань и потом извинительно бегал вокруг Куцки, которого почитал за старшего. Вольному тоже хотелось поиграть, но он боялся, потому лишь поднялся к грани и поглядел сквозь плёнку на неведомый и опасный мир. Куцка увидел горы и яркое солнце, у него закружилась голова, и он опустился на дно. И тут увидел, как с камня свалился червяк. Долгие месяцы он не пробовал червяка, но фиолетово-розовый блеск его напомнил о прошлом. Это был первый лакомый кусочек за всю зиму, и червяк растаял во рту. Брат был смелее, стремительней кидался за поживкой, и камень, за которым стоял, выбрал ближе к берегу, хотя умный Куцка предупредил его, что берег опасен и рисковать не следует.

Камень, за которым стоял Куцка, был хорош тем, что давал надёжную тень, в которую он прятался утром и в обед, и лишь вечером оказывался открытым всяким случайностям. В этот час он плотно прижимался сизым боком к сизому камню и боялся взмыть за личинкой или червяком. Красавец затемно подплывал к Куцке, становился рядом и счастливо помахивал хвостом, косясь агатовым глазом. За день он много видел и пережил, боялся и радовался, и верхний плавник у него трепетал и вздрагивал.

Раз на заре их встревожила большая рыба. Это был ленок. Сильным хвостом он колыхнул воду и разбудил таймешат. Брат метнулся вниз по воде, а Куцка ещё плотнее прижался к камню. Ленок мощнее ворохнул хвостом и отмыл малыша. Хорошо, что рядом лежала коряга. Куцка стриганул под неё и спасся. Он едва отдышался, распяливая жабры и тревожно встряхивая грудными плавниками. Но скоро успокоился и удивился: боли он не испытывал. Он изогнулся как мог и разглядел на своём хвосте, позади жирового плавника, синий рубец, но всё остальное было полно и кругло, как у брата. В этот день Куцка много ел, резвился счастливым выздоровлением, гонял надоедливых и любопытных ельцов, толкал носом брата и сманил его бежать наперегонки, на первых порах держался впереди, но скоро убедился, что против сильного и длинного Красавца он устоять не может. Но он был умнее, приучил брата считать себя старшим, капризно наказывал его за оплошки, хоть и смирился с кличкой Куцка.

Новое лето дарило много пищи, и таймешата вытянулись и покруглели. Старый дом, камень, стал им не нужен. Они не боялись, что снесёт их сильный поток или проглотит большая рыба. Однажды старый окунь метнул на них злой взгляд, ворохнул хвостом и отвернулся. Правда, был ещё один случай, который остался в памяти. В довольно большой выбоине они остались на ночлег и уже заснули, как вдруг по спинам ударило чем-то тяжёлым. Они выскочили из ямы и тут поняли: над ними поползла стена мелких клеток и унесла много рыб. Они ещё не знали того суковатого существа, от которого зависит и стена, и многое другое.

Суетливый Красавец обежал весь околоток и вернулся с новостью, отчего они оба трижды выгнали над поверхностью, полосами разрезали её и опустили на дно. Стена унесла ненавистного ленка. Но радость длилась недолго. В этот день братья разгадали новую опасность. Они были сыты и подошли к берегу, чтобы подышать сладкой водой притока. Ельцы хватали со дна лакомые крошки. То и дело из стада вырывалась какая-нибудь оплошавшая рыбёшка, крутясь и извиваясь, вздымалась вверх, стремясь оторваться от розового червячка. Осмелев, братья ещё ближе придвинулись к берегу и тут увидели чёрную тень, махавшую длинным суком и бившую по воде трубным звуком. Братья в ужасе попятнулись. С тех пор они испытывали опасение к суковатым, лениво шевелящимся существам на берегу, которые страшнее ленка, окуня и щуки.

Скоро им стал знаком обширный край реки от берега до берега. С игривой резвостью они пересекали стрежень и попадали в воду тёплую, тихую и мутноватую. Там у рачков вкус иной, бычки ленивее, и растёт трава мягкая, ворсистая и сладкая. Братья поедали и её, и вкусные орешковые корешки. Но жить долго там не могли. Томила тёплая вода, жабры забивались колючим илом. В нос ударял терпкий запах, а по грани воды скользили сизые облачка.

Свежая вода сняла головокружение, и они направились к родному берегу. Здесь то и дело встречается лучшее лакомство. Не так легко подрываться под плитняк, но ради бычковой икры и нос можно содрать. Усердный брат сдвинул камень, но опрокинуть не смог. Минуту они кружились, и Куцка принялся выгребать песок, подрываясь под плиту и размётывая серую муть. Добыл наконец розовую лепёху и бросился наутёк. Брат догнал его и попытался отнять ароматную добычу, Куцка крепко хватил брата за бок, но и лакомство опустил. С минуту они толкались мордами и не заметили, как подошёл матёрый окунь. По тому, как зловеще сверкали его глаза, можно было догадаться, что он смеялся над ними и вызывал на драку. Ещё в том году небольшой окунёк царапнул Куцку, смял чешую и продрал кожу. С тех пор знал он, какое пламя горит на спине окуня.

«Не связывайся», — приказал брату Куцка, и они отступили, провожаемые насмешливым взглядом сильного.

Страшного суковатого существа братья боялись суеверно. Но ещё сильнее боялись длинной широкой посуды — пузатого дива, не похожего ни на одну из рыб. Диво тихо передвигалось, размахивая длинными плавниками, поэтому к нему можно привыкнуть и в жаркий день даже отдохнуть в его тени. То и дело это тихое диво опускает в воду длинный ус. Старые рыбы смотрят на диво с опаской, но молодость беспечна. Братья были смелые, ловкие и сытые, и им хотелось резвиться. Они с удовольствием наблюдали, как то и дело на дно опускалась яркая оранжевая куколка, очень похожая на бокоплава. Ножки куколки мёртво торчали в стороны. Она волочилась среди трав и камней, раздражая глаз необыкновенной нарядностью. Красавец не вытерпел и тронул куколку кончиком хвоста, и та ожила, стремительно уносясь вверх. От удивления Красавец всплеснулся. Куколка не переставала падать на дно и уплывать. Красавец шёл за ней, шая и волнуя воду.

«Перестань баловаться», — сказал ему Куцка.

Красавец замирал, и куколка переползала ему через спину, катилась дальше и казалась совершенно безвредной. Красавец шевелил куколку грудными плавниками, кружился, как вихрь, и даром это не прошло. Куколка рванулась, как испугалась чего, и обожгла ему лоб, так что Красавец ударился было бежать.

«Доигрался», — сердито сказал ему Куцка.

Наступала зима с тёмными и длинными ночами. Братья отыскивали в реке глубокую яму, тихую и просторную. С их приходом вся рыба мелкота исчезла, но они не нуждались в пище. Они были налиты силой и сытостью на многие дни. Их плотные овальные тела, казалось, были обтянуты зелёным и белым шёлком и осыпаны тёмными цветами. Как банты, на груди красовались синие плавники. Алые пятна по бокам убегали к хвосту и там вспыхивали кострами. Их было не отличить, разве только Куцка был малость покорооче Красавца, посуровей и посolidнее станом. Скоро река покрылась льдом, и стало вовсе сумрачно и покойно, и таймени забылись в дрёме.

Когда проснулись по весне, с ними в яме стояла щука. Она зевала, просыпаясь, потягивалась и, когда вошла в память, щёлкнула несколько раз зубами, увидев перед собой молодых и сильных соперников.

За несколько дней братья наполнили свои желудки пищей, и их поманила к себе сладкая вода. Сладкой она была потому, что несла в себе всё, что накопилось за зиму на берегах: кусочки мяса, корочки хлеба и разное зерно, вымытых личинок и червячков. В мутной и ароматной воде нетрудно разбрестись, и братья напоминали о себе мягкими толчками воды.

Они шли вперёд, мнимые густотой запахов и в надежде, что там, в неведомых краях, будет привольно. Им встречались затопленные луга и ивы, стоящие по колёно в воде, затонувшие прясла и грязные скользкие берега. С ними шли табуны разной рыбы, шли доверчиво, и таймени не трогали их, словно они и племена эти были озабочены единой заботой, опечалены одной печалью. Даже налимам, этим ленивцам, надо было искать свою истину. У деревянной плотины толклась уйма разной рыбы. Никто не на смелился одолеть крутую гору воды. Братья встали в затишке, отступили шаг назад и один за другим бросились вверх, пробивая упругую толщу. Казалось, ослабь они натиск на мгновение, и вода бросит их назад на улюлюканье и насмешки рыбьей мелкоты. Но там, на горе, они едва отдышались, встряхнулись и весело поплыли в разные стороны, словно не было позади доброй братской жизни.

Они теряли друг друга на целые сутки, а сходясь, оставались вместе недолго, для того лишь, чтобы вздремнуть на заре. Пошумев, покружившись на перекатах, отпраздновав свой праздник, плотички и ельцы, харюзки и окуни разбрелись кто куда и стали бойкими и осторожными. Красавец заметался, стал зол и раза два укусил брата. Куцка царапнул того по щеке и пугнул с глаз долой. И началась для него покойная жизнь с длинными снами, с долгими стоянками на дне, с сознанием превосходства над всеми другими рыбами. Когда в омут зашёл ленок, Куцка порвал ему хвост на ленты. Старый горбатый окунь, завидев Куцку, взъерошился весь, попятился и покачал головой, словно сказал: «Ай-ай, как вырос». И тихо скрылся в зарослях. «Хозяин я тут и есть», — подумал Куцка. Он вспомнил соседний омут и ощерил пасть: там жил ненавистный ему брат. Пусть живёт, пусть хозяйничает, пока не мешает.

За лето Куцка потяжелел, подался в длину и стал чаще любоваться своим огненно-красным хвостом. Ему хотелось поиграть, погоняться, вспоминался брат, но думалось, что теперь нужен был не он. Тоска и ярость гнали его из омута. Он бил хвостом и давал знать о себе, и в пяти шагах от него замирал сизогрудый Красавец. Живая радуга играла на всём его теле, и хоть и Куцка не уступал в красоте, но глядел в глаза брату с завистью и недоверием. Стояли братья друг против друга чужие, стояли боком, устрашающе, и чуялись живые посторонние толчки, и кто-

то в омуте брата был третий. Куцка пошёл вдоль берега, но и там встретил его Красавец. Куцка шумно, поднимая за собой пену и брызги, взмыл над водой. Ещё звонче шлёпнулся Красавец и, как флагом, помахал перед братом загребистым хвостом. Они опускались на дно, и замирали, и вновь взлетали в воздух, рассыпая в скалах гулкое эхо, но не пускали в ход острые зубы, пока не выросла перед глазами юная круглогрудая таймешиха. Куцка на миг оторопел и попятился, и вдруг сильная пощёчина затмила ему разум. Пока он собирался с силой, рыжее пламя полыхало у глаз, опалило нос, а острые зубы скребанули по хребту.

Куцка пятился и пятился, пока не оказался в своём омуте.

Тайменный всплеск привлёк к омуту суковатое существо. Осенняя вода светлая, и Куцка видел, как упала на дно светлая вертучая широколобка. Она сверкала, делала зигзаги, и кинь ещё раз, не вытерпел бы Куцка, схватил бы её. Но чёрное существо, гремя камнями, пошло дальше, и скоро сильные толчки воды ударили Куцку в бок. Он кинулся в соседний омут и тотчас увидел Красавца, мечущегося над поверхностью. Куцка никогда и никого не видел в такой ярости. Брат то уходил на дно и замирал там, то стрелой летел вверх, свечой вздымался над водой, пытаясь хвостом сбить с губ яркую широколобку. Существо на берегу махало суком и гремело камнями. Брат яростно сопротивлялся, но неумолимо близился к берегу, а там взмыл высоко и что есть сил рванулся вглубь, услышав за собой треск и счастливое послабление. На берегу металось и бубукало существо, а Красавец, едва переводя дыхание, потянулся в тёмную бочагу. Он мог только шевелить плавниками, чтобы не опрокинуться вверх брюхом. Когда минула утомлённость, Красавец почуял во рту предмет и лёгкую боль. Он потёрся губой о топляк, но только усилил боль. Он долго прилавчивался взять предмет на зуб и, когда удалось, медленно свёл челюсти. Предмет щёлкнул, как орех, колючие остатки Красавец вымыл водой. Но что-то сидело в жабрах и грозило гибелью.

Куцка стоял на дне своего омута и боялся взглянуть на солнечный и опасный мир, пьянящий голову от малого с ним прикосновения. Юная таймешиха раз и другой прошла мимо него, принохиваясь и потряхивая головой, с любопытством оглядывая его. Затем уходила обиженная в соседнюю бочагу и глядела на неподвижного, будто умершего Красавца, обдавала его волной и тёрлась боком о его бок — тот вздрагивал и едва шевелил плавниками, пугая переменами. Не обласканная, она вернулась к Куцке и стала перед ним нос к носу, привыкая к ароматам его дыхания. Долго глядели они друг другу в глаза, пока мгла не сравняла вокруг всё. Так они провели ночь и успокоились. Утром Куцка поднялся к свету и наткнулся на холодную твёрдую пленку. К обеду они были далеко от опасного омута. Куцка шёл поперёд и гордо топырил плавники. Подруга покорно следовала за его пышным огненным хвостом.

После многих дней новое солнце широкой плоскостью упало на реку и просветило её до дна. Молодая таймешиха стала подвижной и беспокойной, и теперь Куцка шёл за ней, пока не нашла она родное место. То было старое древнее нерестилище. Из века в век хранилось оно новыми поколениями. Но оберегать его становилось всё труднее и труднее. Люди стали забрасывать нерестилище стеклом и железом, проволокой и кирпичом. Но было время: приходили взрослые таймени и таймешата-подсадки и дружно расчищали завал. Но нынче никто не придёт — это хорошо знал Куцка, и принялся один чистить место. Он сметал хвостом, что поддавалось. Что не брал хвост, отталкивал носом, но надёжно очистить не мог. И тут вспомнил он о Красавце. Как ни прислушивался Куцка, как ни искал дыхания

и какие ни подавал знаки сам — река была пуста. Он выпросил у таймешихи три дня терпения и отправился в поиски. Скоро остались позади большие пространства, много ям, заливов, бочаг и проток. Едва закусив, Куцка отправлялся дальше, пока в хвосте острова не наткнулся на скелет большой рыбы, в черепе которой торчал ржавый якорёк. В тоске и печали вернулся он к таймешихе. Она раздалась ещё больше и едва держала силу, которую они могут сбересть вместе. Он был слаб и очень хотел есть, но надо было играть, будить и тревожить её силу. Он поднялся к поверхности и сделал сильный щёлк хвостом, опустившись, потёрся ласково о бок таймешихи. Та просила играть дальше, ждала от него дерзости и отваги. Он пронзил воду, вознёсся в воздухе и шлёпнулся.

В лодке спал рыболов. Его разбудил гулкий всплеск рыбы. Такой большой рыбы он много лет не видал. К лодке потянулась серая нить — она настораживала Куцку. Но дерзость и сила в нём прибавлялись. Верхним плавником он резал поверхность воды и хлестал по ней красным огнём. Серая мохнатая мышь то и дело тащилась к лодке, и Куцка раз и другой хлопнул по ней хвостом. Она мешала играть, и Куцка схватил её, желая порвать нить, но нить оказалась мягкой и податливой, тугой и упрямой и лишь позволила опуститься ему на дно, стать рядом с таймешихой и сказать об опасности. Затем он упрямо поволок лодку за собой, прижимаясь ко дну, минуя ямы, коряги, камни, не покидая быструю стрежневую полосу, испуганно оглядывая привычные и родные урочища, но силы уже уходили, не позволяя ему удержаться на дне. Отчаяние охватило его, он свечой взмыл над водой — в глаза ему ударил гром, и он забылся.

Встревоженная таймешиха покинула нерестилище и, теряя розовые бусинки, пошла искать Куцку — его нигде не было. Она не могла больше терпеть и сопротивляться и выпустила сильную розовую струю. Когда икра упала на дно, она зарыла её, мёртвую и последнюю.

ВЯЧЕСЛАВ ШУГАЕВ

Однокурсница

РАССКАЗ

— Сюда баул швой штавь, вот тебе штол, вот лежанка. Живи на здоровье. — Высокая, плоская старуха с широким коричневым лицом подошла к окну, раздёрнула занавески. — Кормиться-то ждешь будешь или в штоловой? — Она по-чалдонски путала свистящие с шипящими. — До тебя доктора жили, дак все у меня кормились. В штоловой-то молодые девки поварят. Им все быштрей, быштрей надо — набухают чо попало, а ты и есть не штанешь.

— В столовой не буду, встаю на довольствие к вам, — он был полон еще новосельной бодрости и покладистости.

— Жовут меня Елена Ивановна, а тебя, жначит, как?

ШУГАЕВ Вячеслав Максимович — журналист, сценарист. Родился 10 февраля 1938 года в Мензелинске Татарской АССР. В 1961 году окончил факультет журналистики Уральского университета. Работал в газетах «Уральский рабочий», «Восточно-Сибирская правда». С 1961 года проживал в Иркутске. В 1965 году обратил внимание на своё творчество после участия во Всесоюзном литературном семинаре в Чите, вошёл в так называемую «Иркутскую стенку». Член Союза писателей СССР (с 1966). В 1978 году переехал в Москву, работал заведующим отдела прозы в редакции журнала «Молодая гвардия», преподавал в Литературном институте. В 1990-е годы был главным редактором литературного альманаха Чеховского общества «Дядя Ваня». С 1987 по 1992 гг. был ведущим информационно-развлекательной программы «Добрый вечер, Москва!». Автор книг: Бегу и возвращаюсь (1966); Забытый сон (1973); Арифметика любви (1979) и др. Награжден орденом Дружбы народов (1988); орденом «Знак Почёта» (1984); Лауреат премии Иркутского комсомола имени Иосифа Уткина (1971) — за повести «Проводины» и «Караульная заимка». Скончался 3 марта 1997 года. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

— Константин Николаевич. — Он чуть не сказал «Конштантин» — так заразителен был чалдонский выговор. Засмеялся. — А у вас хорошо. Чисто, солнечно. Мне нравится. — Он решительно раскрыл баул: немедленно обжиться, расставить книги, повесить платье, купить настольную лампу, и вот он — свой угол, где так сладко, наверное, погрузиться в деятельное, серьезное одиночество.

— Вечером, Елена Ивановна, прошу на новоселье.

— Ну, поживи, поживи.

Присел у окна, смотревшего на реку. Голубые торосы; санный след, бежавший вдоль правого берега, искристо, желто выблискивал на раскатах, и вдалеке, у розовых береговых сугробов, сворачивал в синюю мглу ельника. «Обязательно узнаю, куда это ездят. На лошадях век не катался. И даль какая, даль! В серебре, в дымках легоньких. Охотничьи избушки, наверное? Эвенкийские чумы». Константин Николаевич снова засмеялся: так солнечно, морозно, полозья где-то скрипят, от лучины на печке густой смолевой дух. А еще пять часов назад он был в пыльном, ветреном октябре, солнце, красное от ветра, уже не грело, и съездившаяся жестяная листва на асфальте шуршала пусто и горько. «Но что это я расселся? Ничего не достал, не разложил, полку не сделал — ах, Конштантин, Конштантин!»

Пошел представиться главному врачу. На улице, в желтовато-синих, рассыпчатых сугробах у каждого дома лежали лайки. Не вынимая носов из теплых пазух, они провожали Константина Николаевича умными, настороженно-сизыми взглядами: кто, мол, тут еще появился? Чернявенький и рот до ушей?

Больничный приговор топорщился корявыми, низкими соснами с ярко-желтой чешуйчатой корой и засахарившимися потеками смолы — такие обычно растут на песчаных, продуваемых косогорах.

— Привет, привет, — сказал главный врач, почти ровесник Константину Николаевичу, розово и благодушно располневший. — Алексей, — сунул распаренную, вялую руку. — Устроился? Не торопись — о деле успеем! Приходи в гости. Молодость вспомним под грибочки. У меня жена тоже медик, в аптеке провизором. Ну, осматривайся. Я — в райтоп ругаться. С дровами, черти, тянут и тянут. Ох, на подъем тут тяжелы, поживешь — увидишь.

Через месяц он знал в лицо всех жителей райцентра, а их собак, пожалуй, и поближе — собачья жизнь, с драками, ссорами, мгновенными примирениями и откровенными любовными хороводами, невольно занимала свежий взгляд. Он спрашивал у Елены Ивановны:

— А чей это рыжий вислоухий кобель? Ласкается, ласкается, а только отвернешься, так и норовит то за полу, то за штанину?

— Фарковский. Весь в хозяев. Школько помню, все шобаки у них такие. Лыбятся, лыбятся, а потом где-нибудь оконфузят. Ты вот жамечай, Конштантин Николаевич: какой пес, такой и хозяин.

— Н-да, — улыбнулся он. — С собачьей меркой, Елена Ивановна, я еще как-то к людям не подступался.

— Все ишшо впереди. Не горюй...

В больнице у него был один только больной — эвенк Монго, лежавший с радикулитом. По утрам в окнах его палаты маячили плоские, ветвистые ухваты оленьих рогов — кто-то из многочисленной родни приезжал навестить. По вечерам он, перевязав поясицу собачьим чулком, сидел у печки, курил; бегущие от пламени тени делали загадочно-тревожным его бесстрастное, одутловато-желтое лицо. При очередном осмотре Монго сказал ему:

— На два дня отпускаяй меня, доктор.

— Как?! — не понял Константин Николаевич. — Ты и половину положенного не пролежал.

— Брат женится, поеду. Через два дня вернусь.

— И не выдумывай. Запрещаю. — Не мог же при всем при том объяснить Константин Николаевич, что больница лишится единственного больного — анекдот чистой воды, что ему тогда здесь делать?

— Надо ехать, доктор. Брат обидится.

— И я обижусь.

— Ты не брат, маленько меньше обидишься...

Вот так разрушались в этом богатом на здоровых людей районе все мечты Константина Николаевича о деятельной, серьезной жизни. Он взял ночные дежурства на «скорой помощи», но вызовы были так редки, что, ошалева от теплой, дремной тишины дежурки, выскакивал на больничный двор и долго ходил под низкими, крупными звездами. Слушал, как на реке с тихими стопами и резкими гулками вскриками ломался лед — при этих стопах и криках рождались голубоватые, нежно-искрящиеся торосы. С шелестящим, далеким вздохом срывался снег с какой-нибудь ели; лениво, как и подобает ночным сторожам, перекликались собаки; тревожно скрипели его шаги — невероятно, что у него была другая жизнь, наполненная, как казалось ему теперь, ежедневной праздничной суматохой.

Он записался в драмкружок и сам себя ненавидел, когда деревянным, неуверенным голосом говорил: «Не образумлюсь, виноват...» — но из кружка решил не уходить, пока не выгонят, все-таки два вечера в неделю заняты. Но руководительница кружка, учительница литературы Галина Алексеевна, и не думала прогонять его: страдая и бледнея от его бездарности, она тем не менее ухитрялась говорить ему какие-то туманно-доброжелательные слова. Константин Николаевич не обольщался: какая же старая дева прогонит молодого холостяка?

В комнате Елены Ивановны на стене, на белой атласной тесемочке, висела мандолина, темно-вишневая, с перламутровой инкрустацией.

— Елена Ивановна, дайте поучусь. Всю жизнь мечтал на мандолине играть.

— Не дам. Испортишь, разобьешь, а мне о штарики память.

— И правильно сделаете. Слуху у меня все равно ни-ка-кого.

— Томишься, Константин Николаевич. Дурью маешься. Взял бы да женился. Вон школька девок понаехало. И в школу, и на метеостанцию.

— Разве со скуки женятся, Елена Ивановна?

— Почему шо скуки? Пришмотрись, выбери — не на три года, на всю жизнь. Так и быть, на квартиру пуцу.

— Нет, несерьезно, Елена Ивановна. Вся жизнь — слишком сурово. Ну! Путешествие без возврата. Я пока с духом не собрался. — Константин Николаевич свободу свою собирался ревностно беречь: впереди могли быть аспирантура и длительное, подвижническое служение медицине.

Его нашел пилот Красноштанов, золотозубый, плотный, быстрый, в облезлых, стоптанных унтах.

— Ну, ты тихий, тихий, а девушки из-за тебя под самолет бросаются. Держи. — Протянул записку. — Теперь лечи вне очереди. Пока.

«Село Каженка. Больница, Веронике Смирновой». «Интересно!» — прочитал Константин Николаевич обратный адрес и распечатал записку.

«Роднуля, здравствуй! — Он несколько отвык от институтского жаргона и те-

перь поежился от этого «роднули», тем более никакой Вероники Смирновой он не припоминал. — Что же ты не навестишь всеми брошенную и богом забытую свою однокурсницу? Костенька, как услышала, что ты рядом, честное слово, легче жить стало. Прилетай, родной мой. Хоть наговоримся, нахочемся — душу отведем. По пятницам я свободна и в первую же пятницу, Костенька, жду. Уж, пожалуйста, соберись. Вероника».

Курс у них был людный, и лицо некой Вероники Смирновой сразу же слилось с другими девичьими лицами, которые попытался сейчас разглядеть Константин Николаевич. Он вспомнил ее ночью, на дежурстве, когда воспаленно-сосредоточенный мозг, измучившись мгновенными находками и мгновенными же их потерями, вдруг вырвался в большое светлое помещение — нашел наконец. Да, Константин Николаевич увидел себя в институтской раздевалке, услышал вскрик: «Костенька, держи!» — на него с разбегу летела, то ли запнувшись, то ли поскользнувшись, чернокосяя, с испуганно-радостными глазницами Вероника. Да, да, это была Вероника Смирнова. Он подхватил ее тогда и хорошо сейчас вспомнил, как с невольною силой и мягкостью прижалась она грудью в тонкой, кажется, шелковой блузке.

В пятницу, отпросившись, он полетел с пилотом Красноштановым в Каженку. Перед посадкой, уже над Каженкой, Константин Николаевич нетерпеливо припал к окну, точно мог кого-то разглядеть среди редких, одинаково черных фигур встречающих у рубленой избушки аэровокзала. На саму же Каженку и смотреть нечего было: те же темные, крепкие избы, как и в его райцентре, своры собак на улицах, в окрестностях те же ельники, заснеженные озерца-калтусы меж ними, редкие заплатки пропарин на белой спине реки.

Встретила его курносыя, не закрывавшая веселого, набитого зубами рта женщина, в белом полушубке, в расшитых бисером оленьих камусах, в белом пуховом платке, туго стянувшем крепкие румяные щеки. Встретила, подхватила под руку:

— Родной мой, ты просто чудо, что собрался!

Такую Веронику он все же не знал, но теперь было совестно признаваться, и Константин Николаевич с излишне твердою веселостью выговаривал:

— А долго ли нам собраться? Голому собраться — только подпоясаться... Рад тебе, очень. Сельская жизнь тебя не сломила. Ты все так же весела и открыта. — Про себя между тем растерянно соображал: «Лицо, несомненно, знакомое. Но нигде и ничто нас не сводило. Девчонок же добрая сотня на курсе была. Теперь что ж, буду выкручиваться. Поменьше прошлого, побольше настоящего».

Занимала прируб к больничному пятистеннику — комнатка, кухня, сени с чуланом. И без полушубка оказалась крепка и широка статью, выскакивала просто-волосой, с голыми руками в чулан за пельменями, за мороженой брусничкой, за дровами к поленице под окном, не давая ему встать на помощь:

— Ради бога, сиди, родной мой. У меня вообще-то все готово, только вот занесу. Сиди рассказывай. Я так соскучилась по городу, по всем нашим.

Но рассказывать ему ничего не пришлось. Хлопая дверьми, подтапливая печку, перетирая тарелки, Вероника только спрашивала, не дожидаясь ответа.

— Помнишь, как мы хохотали до упаду, когда профессор Зуев читал о простудных заболеваниях? Только сказал: «Простуда любит вялых и ленивых» — и сам так расчихался, что мы прямо попадали все. Ты в третьем ряду сидел, и так уж тебе смешно было, что ты хлопал соседа по плечу — я думала, оно у него отвалится... А последний колхоз наш помнишь? Так весело жили, по-особому дружно —

прощально, что ли... у тебя тогда был красный шарф, длинный-длинный... Ребята еще шутили: «Костя, тебе бы быков дразнить, а не турнепс дергать».

Константину Николаевичу было неловко: «Ну надо же. В самом деле, был у меня такой шарф. Все помнит, а! Как же я-то ее не видел? Где глаза-то были?» Неловкость вытеснялась виноватой растроганностью: «Вот был человек, который видел, где я сижу, какой шарф ношу. Влюблена, наверное, была. А я даже не помню, в какой группе училась. Вот так так. А вроде только тем и занимался, что по сторонам глазел».

Когда сели за стол, Константин Николаевич сказал, потянувшись рюмкой к Веронике:

— Спасибо тебе за хлопоты душевные, за воспоминания твои — от самого, самого — спасибо. — Чокнулись. — И позволь уж по старинному обычаю. — Наклонился, поцеловал в плечо. Губы прищипались на срез блузки, и он одновременно почувствовал тепло и бархатистость ткани, и прохладу, упругость кожи.

— По-моему, ты была в такой же кофточке? Помнишь, когда ты чуть не упала в раздевалке? И я тебя подхватил?

— Родной мой. Ты все перепутал. Это была Алка Семенова.

— Какая Алка Семенова? Совершенно ее не помню. Ты просто забыла. Неужели не помнишь? Ты еще крикнула тогда: «Костенька, держи!»

— Нет, Костенька, это ты забыл. Мы с Алкой немного походили друг на друга. И немного дружили. Я тогда впереди тебя стояла и все помню.

— Странно, очень странно. — Константин Николаевич опять потянулся с рюмкой. — Давай за наши лучшие воспоминания.

Отпила, закрыв глаза, отвернувшись, встала, ушла на кухню.

— Ой, что-то печка моя еле дышит. Сейчас, Костенька, сейчас. Вот я ей задам.

Побренчала рукойником, вернулась и с какою-то обновленною напористостью из нее посыпалось: «А помнишь, а ты не забыл?» Константин Николаевич ничего не помнил, но утвердительно кивал, с грустной рассеянностью говорил: «Да, да. А как же! У тебя удивительная память».

— Вероника, у тебя что это, патефон из-за печки выглядывает? Откуда?

— Наследственный. Вернее, постоянный житель этой квартиры. Переходит от хозяина к хозяину. Да, и работает.

Достала патефон, завела пружинно-сопротивляющейся ручкой, выбрала из стопки на тумбочке пластинку. Чуть дребезжащий, как бы спрятанный в ящике голос запел:

*Помнишь годы юные —
Встречали ночи лунные
Мы в нашем парке старом...*

— Ух ты! Как по заказу! — Константин Николаевич встал, склонил голову. — Вероника, позволь. Уж тогда не подхватил, позволь сейчас. Подхвачу, закричу. — Он чувствовал, что говорит неладно, пошло, хмель подталкивал его к этим словам, хотел извиниться, переправить, но Вероника уже поднималась, тянула руки к его плечам.

— Конечно, родной мой.

Она преданно, с обещающей покорностью прижалась к нему. Не останавливая шага, он длительно поцеловал ее, придерживая ладонью ее крепкий, горячий, коротко стриженный затылок.

За окном проскрипели шаги, и вроде бы кто-то тихонько поскребся-постучал.

— Кажется, постучали, — замедлился он, не выпуская, однако, ее плеч.

— Послышалось. — Лицо ее темно пылало и было непривычно серьезно. — Нет, нет, родной мой. — Она чуть надвинулась грудью, слабо подтолкнула — они снова танцевали.

Но вот постучали уже явственно, твердо.

— Да ну его к черту! — Вероника вырвалась, будто бы — слышалось Константину Николаевичу — зло всхлипнув или всхрапнув, и пошла к двери.

— Подожди, кого к черту?!

— Да фельдшер наш! Опять притащился. Просила я его!

Услышал, как в сенях что-то раздраженно и резко говорила Вероника, голос ее наткнулся на бубнящий упрасивающе-ласковый басок и вяз в нем.

Тяжело протиснулся в дверь большой, высокий человек в черной собачьей дохе, с широким ясным лицом, большегубый, с туманно-добрыми глазами.

— Здрасьте. Вот Вероника Александровна ругается, гонит меня, незваного, а вы знаете... Давайте знакомиться, — протянул теплую широкую ладонь. — Петро. А вы знаете, Константин Николаевич, такая звериная тоска одолела, думаю, загляну на огонек. — Он кивнул на окна, плотно закрытые тяжелыми шторами.

— Это я понимаю, — Константин Николаевич приглашающе показал на стол. — Проходите. Я хоть и не хозяин, но, думаю, и ты, Вероника, сжалишься над тоскующим человеком.

Она молча первой прошла и села, немного боком, к столу, обняв себя за плечи.

Петро быстро пьянел.

— Хоть Вероника Александровна и ругала меня, а вообще-то она очень добрая. Поверьте, добрее женщины уж, наверное, и не бывает. Уж такая добрая...

— Помолчал бы ты, Петр Григорьевич. А лучше всего восвояси тебе отправиться. — Она побледнела, осунулась и тяжело, пристально смотрела на Петра.

— Все, все, больше не буду. — Но молчал недолго и уже звал Веронику Никушкой.

— Никушка, ну зачем же так-то. Ты же знаешь, как я к тебе... Ну, Никушка, я же со всей душой... — И обиженно топырил большие свои телячьи губы и смотрел на нее неотрывно полными бессмысленной, телячьей доброты глазами. Она уже ничего не говорила, только дергала головой, как замученная путами лошадь.

Потом принялся долго, ласково заплетающимся языком рассказывать, как шел он однажды в эвенкийский чум принимать роды и встретил медведя. Объяснял, почему пешим отправился — сломалась моторка; объяснял, какой инструмент с собой взял, и что до этого роды он никогда не принимал и потому взял еще с собой учебник... До медведя он добраться никак не мог. И Константин Николаевич, уже не слушая его, засыпал; сквозь красноватый туман с удовольствием видел, как удаляется, удаляется от него Петро и вот-вот растворится, исчезнет.

Константин Николаевич встряхнулся, извинился и решительно пошел к кровати. Скинув ботинки, прилег поверх покрывала.

Вероника сразу же погнала Петра:

— Уходи, хватит! Видишь, замучил человека. Я со стыда не знаю, куда деться. Распустил тут свои... Уходи! Быстро.

Петро с пьяным простодушием отвечал:

— Да, я уйду, а вы тут без меня начнете что-нибудь.

— Пошел вон! Дурак! Не смей мне больше на глаза показываться!

Константин Николаевич уже не слышал, как она притащила из чулана раскладушку, как приготавлила постель и как долго сидела на раскладушке и плакала, не чувствуя босыми ногами настывшего к утру пола...

Утром по дороге к самолету опять спросила, видимо, не в силах выбраться из вчерашней колеи:

— А ты помнишь майскую вечеринку? На четвертом курсе? Ну, еще мы за город поехали, на дачу? Как раз к Алке Семеновой. Еще Дашенька Кравцова пела тогда, а у гитары струны порвались. Ты тогда все плоскогубцы искал поправить. Неужели не помнишь?

— Нет, не помню, — ответил Константин Николаевич.

Он увидел, как из-за угла аэропортовской избушки выглянул Петро и снова спрятался. Константин Николаевич покричал его. Петро виновато, ласково косясь на Веронику, подошел.

— Счастливо, Константин Николаевич. Как самочувствие, нормальное?

— Вероника, я тебя очень прошу не сердиться на Петра. А то и я вроде виноват перед ним.

— Да ну его.

Петро сдвинул шапку на затылок, подмигнул Константину Николаевичу.

— Помиримся. Не сердись, Вероника Александровна. Так сказать, перед лицом отлетающего товарища.

Константин Николаевич помахал им еще в окно, отвернулся, нахохлился, поднял воротник.

Конечно, он помнил эту майскую вечеринку. Он провожал тогда Дашеньку Кравцову. Шли по утренним, розовеющим улицам, Дашенька несла на плече огромную яблоневую ветку, которую он обломал в каком-то саду, разодрав, залезая на забор, новый пиджак. Смотрела на него сквозь белые, диковато вздрагивающие цветы своими серыми, горячо-серыми глазами и спрашивала:

— Что же ты молчишь, Костик? Хочешь, я тебе счастливый найду? — и перебирала цветы тонкими длинными пальцами, а он отворачивался, чуть не до слез мучаясь нежностью к этим пальцам. Он все пересиливал горькую сухоту в горле, наконец смог, сказал Дашеньке, что любит ее и что только этим и жив. Дашенька промолчала, перекинула ветку на другое плечо, взяла его за руку, значительно, крепко сжала.

А на крыльце, уже позвонив, не отводя горячих, счастливых глаз, простилась:

— Нет, Костик. Пусть сразу будет больно, но нет. Нет, нет.

Он так старательно забывал ее. А теперь опять, наверное, будет сниться и махать яблоневой веткой из темного, сонного проема окна.

ЮРИЙ РОЗОВСКИЙ

«Как коротко, как ёмко слово Русь...»

РОЗОВСКИЙ Юрий Витальевич родился 12 февраля 1963 года в сибирском селе Чистоозерное (Новосибирская область). В школу пошел уже в Братске. Первая проба пера состоялась у Юрия в школьные годы. Однажды он, учась в старших классах, решил написать сочинение в стихотворной форме. Сдав на проверку тетрадь, надеялся (в глубине души) на похвалу учителя. Но получив проверенную работу, обнаружил тройку... и подпись: «Надо писать самому, а не списывать у поэтов!». Сразу после окончания школы № 34 в 1980 году поступил на энергетический факультет в Братский индустриальный институт. На третьем курсе института женился, родился сын. В 1985 году, после окончания обучения в институте его призвали в армию. С 1987 по 1990 год работал в Управлении главного энергетика (УГЭ) Братскгэстроя. Здесь же работали его дед — А.В. Розовский, — начальником отдела труда и заработной платы и мама — Зоя Николаевна, — лаборанткой. Находясь еще в армии, начал посылать свои стихи в центральные журналы, но его не печатали. Несмотря на это писать не перестал, но стал относиться к себе более самокритично. В 1994 году его постигла беда — из-за болезни он стал инвалидом I группы, передвигается на коляске. Но это не сломило его дух. В конце 90-х годов стал печататься в местных газетах. Наконец, увидела свет его первая книга («Не опаздывайте жить» — Иркутск, 2000), затем вторая («Совсем немного до рассвета» — Иркутск, 2001). В 2005 году стал членом Союза писателей России. В 2006 году в Иркутске вышла его третья книга — «Медовый ветер». Критики отметили возросшее поэтическое мастерство поэта, его тонкий лиризм, отточенную технику. В 2009 году увидела свет четвёртая книга — «Царь-бобль и волшебные грибы». 2012 год стал для Юрия Витальевича богатым на награды: он стал лауреатом премии журнала «Сибирь», а также лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо России». В новую книгу стихов «С любовью...» (Иркутск, 2013) вошли поражающие своей пронзительностью стихи последних лет. Его поэзия, посвященная истории России, православной вере, размышления о ценностях человеческой души, стихи о любви, лирические зарисовки природы пробуждают в душах читателей самые добрые чувства. Член Союза писателей России. Живёт в городе Братске.

Не верьте

Не верьте! Умоляю вас, не верьте
Кликушам либерального формата.
Не мерьте Русь Европами, не мерьте
Её заокеанских меркой Штатов.

Она в масштабах их неизмерима,
Она для них какая-то другая.
От Дальнего Востока и до Крыма
Россия их волнует и пугает.

Хотя бы потому, что не боится
Ни санкций, ни угроз, ни чуждой воли.
И зло следит за ней через бойницы
Окон своих надменных «Капитолий»¹.

И думает о том, как он накажет
Россию непокорную построже.
На каждый шаг её и вздох на каждый
Какие снова санкции наложит.

Как снова оболжёт и одурочит.
И, пробуя поставить на колени,
Историю её переиначит
Чредою не побед, но преступлений.

Как скажет: — Путь, что пройден был Россией
До звёзд Кремля от шапки Мономаха,
Не мужеством и правдой был осилен,
Не верой, а всего лишь чувством страха

Народа перед русскими царями.
И тут же завизжат западнофилы,
Что все мы были скованы цепями
В России, от рожденья до могилы.

И что мировоззрение холопа
У нас, у русских, словно вера в Бога.
И только СэШэА или Европа
Нам эти цепи разорвать помогут.

Но враки их презренья лишь достойны,
Им есть опровержение простое.
От страха не выигрывают войны,
От страха покидают поле боя.

---

¹Капитолий — конгресс США.

Идёт война

Идёт война, она не прекращалась.
И как ни тяжело её вести,
Россия слишком долго защищалась,
Чтоб взять и просто руки опустить,

Чтоб меч держать и обращаться к Богу
Была Россия больше не вольна.
И это ей враги простить не могут.
И снова продолжается война.

Идёт война и всё живое душит.
И не исчислен бед кровавых счёт.
Идёт война за проданные души
И души, что не проданы ещё.

Идёт война, брат брата убивает.
Непонимания встаёт стена.

И полыхает третья мировая —
Великая «Последняя» война.

И сколько будет их ещё — убитых?
И их ли безусловная вина,
Что заповеди Божьи позабыты,
И ложью истина подменена?

И радуются западные боссы
И те, кто им за деньги отдались,
Что, не решив славянские вопросы,
Славяне друг на друга поднялись.

Идёт война — в телах и душах дыры.
В стихах и песнях кровоточит слог.
Идёт война за сотворенье мира
Таким, каким его и создал Бог.

Кредо любви

Поэт, конечно если он от Бога,
Не тешит словоблудьем сатану.
Способен он, таких теперь не много,
Как женщину любить свою страну.

Любить, а не бесчестить как девицу,
И повторять на дню по десять раз:
— Была бы ты такой как заграница,
Тогда бы всё и сладилось у нас.

Нет, если он хоть малою толикой
В ней женское увидит естество,
Он будет называть её великой,
Поскольку эта женщина его.

И это кредо русского поэта —
Как женщину любить свою страну,
И ничего не требовать за это,
И ничего не ставить ей в вину.

Что такое Родина?

Что такое Родина?
На реке туман,
На кустах смородина,
На душе дурман

От росистой свежести
В травах поутру,
От любви и нежности
Ко всему вокруг.

Только тут, на Родине,
Слышно за версту,
Как бичом в поскотине
Щёлкает пастух.

Клевером и донником
Пахнет молоко,
Брызжет по подойникам
Звонко и легко,

Чтоб остаться млечною
Краской на губах,
Чтобы снова вечером
Пляски и гульба.

А на огороде нам
Завтра быть резон.
Что такое Родина?
То, во что влюблён!

Какая красота!

Какая красота! Туман окутал дом.
И мокрые листья рассыпаны по крыше.
И где-то вдалеке, как в контроктаве «до»,
Грозы далёкой гром осенним эхом слышен.

И кланяется лес сентябрьским ветрам,
И сосны на бору, и тальник у болота.
Какая красота! Сияет сельский храм,
И роща рядом с ним сусальной позолотой.

И колокола звон тревожит Русь мою,
Тревожит грусть мою осенним листопадом.
Но мы вдвоём с тобой, и я осознаю,
Какая красота, что ты со мною рядом!

Да, я люблю её!

Да, я люблю её! Люблю такой,
Какая она есть, каких немного,
Глаза её, в которых то покой,
То вдруг необъяснимая тревога.

Ведь я люблю её! Люблю черты,
И чувства, и неловкие касанья.
Да, я робею говорить ей ты,
Когда она приходит на свиданья.

В парчу она одета, иль в рваньё,
Довольна мне она или не рада,
Я всё равно люблю одну её,
Мне никакой другой уже не надо.

Но я люблю! И, дерзостью объят,
Когда-нибудь, сомненья пересила,
Скажу ей смело: — Я люблю тебя,
Моя неповторимая Россия!

Холодное лето семнадцатого

Холодное лето, семнадцатый год,
И снова «эсеры» бунтуют народ.
И вновь либералы измену творят,
В безумном желании свергнуть царя.

История крутит Россию мою.
Ведь всё это было, я всё узнаю.
Я знаю чем кончилось это,
Такое же зябкое лето

— Мол, выжил уже он совсем из ума.
Зачем нам война? Расходись по домам!
Европа нас любит, Антанта спасёт!
И день изо дня говорят это всё.

В семнадцатом, только столетье назад,
Хотя предпочёл бы об этом не знать.
Не знать, как Россию бесчестил тогда
Всяк тот, кто и нынче, совсем без стыда,

Но только ни слова за так, ни строки,
Заморские банки их кормят с руки,
Чтоб «черти» талантливей ввали.
И кажется, что по спирали

Кричит, что о благе печётся её,
А сам лишь бесстыдно её продаёт.
И душу вопрос, словно рану, саднит:
— Когда же Россия «Иуд» не родит?

Цена

«В могилу ничего не заберёшь» —
Банальная, но правильная фраза.
Ни миллион, ни даже медный грош,
Ему на небо тоже путь заказан.

А значит жизнь не стоит и гроша,
Когда при жизни ценник к ней приложен.
На небе лишь одно в цене — душа.
И чем она безгрешней, тем дороже.

Русь

Как коротко, как ёмко слово Русь!
Как радостно легко-произносимо.
Как будто заплутавшее в бору
Девичье еле слышное «Ау!»,
Призывно пролетающее мимо.

Мило мне православие твоё
И многое твоё долготерпенье.
Погосты, над крестами вороньё,
В мышинных норах жёлтое жнивьё,
И жаворонка радостное пенье.

Как движимые ветром ковыли.
Как небо над родимыми местами,
В котором горько плачут журавли.
Как хлебный дух, идущий от земли,
И церкви с золочёными крестами.

Живу тобой, дышу тобой, горжусь,
Другой уже себе не выбирая.
Твоей землёй когда-то уберусь.
Как коротко, как ёмко слово Русь.
И как в восторге сердце замирает!

Байкал

Дело омулем спорится,
Веселя рыбака.
Словно в зеркало смотрится
Небо утром в Байкал,

Кинет рыжее солнышко
В воду света пучок.
Вспыхнет берег у донышка,
Как тарелки бочок

Глядя светлые волосы
Кучевых облаков
Над Иркутскою волостью
Высоко-высоко.

С голубой окаёмкою,
Полной рыбной ухи.
Волны прописью тонкою
Сочиняют стихи.

* * *

Как страшно умирать без Бога,
Без покаянья — одному.
Как страшно, выйдя, у порога
Увидеть тьму

И коридор чернее сажи,
Где смрадом копоти несёт.
Как страшно! Вдруг там кто-то скажет:
— Ну, вот и всё.

И за спиной не станет двери,
А лишь обрыва крутизна!
Как страшно ни во что не верить.
И вдруг узнать,

Что есть всего лишь две дороги
И ни одной из них назад,
Что есть и райские чертоги,
И жаркий ад.

И дверь, что эту жизнь итожит,
Крепка как траурная весть.
И Страшный Божий суд, он тоже
За дверью есть.

И там когда-то спросят строго,
Когда придёт тому пора.
Страшней всего не жить без Бога,
А умирать.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВ

Сокол ясный

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь!

И. Елагин

Глава I

Над осенней Тажеранской степью истлевал закат. Вылинявшее за лето небо еще отцветало блеклыми акварельными красками, а уже там, вдали, за восточным берегом Байкала, отвердела иссиня-черная окалина ночи, и резко холодно ломано очертились оснеженные вершины гор.

СЕМЕНОВ Александр Михайлович — прозаик. Родился 10 октября 1954 года в селе Булум Оловянинского района Читинской области. Окончил факультет журналистики Иркутского государственного университета (1974). Работал в газете «Советская молодежь» корреспондентом, заведующим отделом, заместителем редактора. С 1994 г. — старшим помощником прокурора Иркутской области по взаимодействию со СМИ. Почетный работник прокуратуры Российской Федерации. Член Союза писателей России с 1993 г. Автор книг: Вольные кони (1991); Поминай как звали (1999); Кара небесная (2004) и др. Лауреат премий А. Зверева, И.А. Бунина и В.Г. Распутина (2018), премии губернатора Иркутской области (2000) за книгу «Поминай как звали». В 2007 г. избран действительным членом Академии Российской словесности. В 2018 г. удостоен звания Почетного профессора Пекинского университета иностранных языков. Живет в Иркутске.

Пронзающий тревожащий холодок потянул с той стороны — предвестник наступающей тьмы. Степан потуже запахнул полы куртки, краешком глаза отмечая, как с крутого заросшего редкими сосенками склона потекли легкие воздуха. Шелковые полотнища медленно, вкрадчиво колыхались в лучах вечернего солнца. И от этого зыбкого веяния окружающий мир казался призрачно-причудливым, послушным обманчивым движениям. Каков он на самом деле и есть. Там знобит, тут греет, все это рядом, и все это вместе. Сквозные порывистые ветра летали по Байкалу, нагоняли студёные волны на разомлевший под сентябрьским солнцем берег. Здесь же: тишь и гладь да Божья благодать.

Подернутая ковыльной сединой земля все еще источала слабое тепло, и ладонь, которой он касался каменистой поверхности, вбирала его легко и просто. Так напиться теплом человек, прижавшись спиной к печке, готовясь вскоре окунуться в обжигающий стужей заиндевевший мир. Или просто смотрит на дверь, над которой тонкой обжигающей острой струйкой пробивается ледяное дыхание неизведанного дня, набирается мужества и терпения, чтобы все же шагнуть за порог.

Неспешно, тихо, как однажды и навсегда было заведено, текла жизнь. Здесь, в затерянной, отгороженной от всего света горами глухомани Степан пытался вернуть себе разрушенный душевный покой. Но давалось это невероятно трудно, не растопить было оковавшую грудь наледь. Не хватало сердечного огня. И он невольно сопротивлялся желаемому, понимая, что легче все оставить так, как оно есть, чем вернуться в прежнее, полузабытое состояние умиротворенности. Да и был ли он, покой, искал ли он его или выдумал?

Жухлые побитые заморозками травы вяло никли к скудной каменистой поверхности, тревожа невысказанной тщетой и безысходностью существования. Тоскливо щемило сердце.

Степан сидел на низком берегу небольшого круглого озерца близ обочины дороги, устало смотрел на тусклые сонные неживые воды, в свинцовом зеркале которых отражалось одиноко странствующее облако. Влекомое верховым ветром, оно неспешно утягивалось за солнцем, упавшим за горный гребень. И на то, как жадно и неудержимо от подножия хребта ползут вверх по отлогим склонам мрачные тени, вытесняя свет. Подсвеченное снизу облако покорно следовало за уходящим днем, все более и более растворяясь в фиолетовом мраке угасающего пространства. Тихо и печально было округ, так щемяще грустно бывает в миг расставания с дорогим и близким человеком, в предчувствии чего-то неведомо неизбежного.

Тонкий голубой дымок оставленного неведомо кем костра стлался по руслу высохшей речушки, и запах сгоревшего в костре ивняка отзывался слабыми воспоминаниями. И как бы было ему хорошо, если бы не это неотступное чувство потерянности и безысходности.

Ближе к сорока годам Степан понял, что жить ему нечем. Прошлым — так это все равно что ящерку за хвост уцепить: с малым останешься, а целого не уразумеешь. Настоящим же можно было жить только имея надежду на лучшее, но так случилось, что она иссякла раньше времени, расплылась льдинкой на теплом солнышке. Короткие промежутки времени, в которых он сейчас пребывал, втиснутый между прошлым и будущим, перетекали из одного в другое безостановочно. Да и есть ли настоящее, миг, и оно уже минувшее.

Степан поежился от холодных мыслей, медленно поднялся с камня — все-то о себе он давно уже знал, и не обольщался ни своими достоинствами, ни недостат-

ками, какими бы примечательными они ему не казались. Настоящее не давалось ему по причинам сугубо личным, от него одного зависящим.

Однако взять и вырвать себя из закольцевавшейся жизни не мог, как не мог изменить происходящее вокруг себя. В какой-то момент он просто перестал значимое пропускать через сердце, откликаясь лишь на сиюминутное, и то скорее по насущным потребностям, которых, оказалось, не так уж много у человека: поесть, поспать, поработать, если работа есть, подумать, если охота. Все это требовало определенных усилий, и значит движения души, ума или тела, вот только в какую сторону двигаться теперь он не знал.

Вдруг пестрая птаха промчалась над озерцом, заполошно цвиркнула и нырнула в заросли сухой осоки. И тут же над головой народился странный свистяще-трепещущий звук. Степан даже не услышал его, а уловил по наитию, прежде чем поднял взор в небеса.

В тот же миг, будто из ниоткуда, выпала неведомая птица, на мгновение распростерла над ним тугие крылья, зависла, глянула бездонными черными глазами, тут же метнулась обратно ввысь, в мгновение ока обратилась в точку и растворилась в небесах. Степан до ломоты шеи задирает голову, высматривая ее в темнеющем небе. И она отозвалась, вынырнула, откуда он ее совсем не ждал, стремительным росчерком наискосок пронеслась мимо. И вновь исчезла. И столь порывист, дерзновенен, волен и неукротим был ее полет, что обмерло в груди, и застонала душа по чему-то несбывшемуся, а теперь и вовсе недостижимому.

Степан в каком-то неудержимом сердечном порыве вскочил на ноги, рванулся было вслед дерзкой птице, да куда там, прикован к земле человек. Но в этом душевном воспарении, будто с высоты птичьего полета, он сумел обозреть разом всю плавно утекающую вдаль степь, покрытую щеткой выгоревшей за лето травы, и выпирающие из-под земли каменистые ребра земли, и синие озерца, поросшие камышом.

Длилось это несколько мгновений, но и их ему хватило, чтобы увидеть внутренним взором, как за грядой округлых сопок поеживается рябью Байкал от наползающей с востока тьмы, а по другую сторону — уходящее солнце омывает медовым светом всю его землю.

Видение ушло, но еще долго в глазах таял след таинственной птицы, будто медленно опускалось сроненное ею серебряное перо.

По каменистой дороге прогрохотал автомобиль, волоча за собой шлейф белеющей пыли, и рокочущие звуки заставили Степана очнуться и вспомнить: зачем он здесь, что ищет.

Глава 2

— Слышь, Михалыч, ты же вроде мужик еще не старь, а глаза у тебя седые, — вяло цедит слова Лешка, в то время как руки его живо и проворно делают привычную и необременительную для него работу: полощут в глубоком тазу тарелки и кружки, вытирают дырявым полотенцем и расставляют на полке. Лешка прыткий человек — вот только что стоял у стола, а через секунду ленивый голос его доносится из-за печки, и вот уже он скользит мимо неслышной походкой охотника, неся в вытянутой руке закопченный горячий чайник. И во всем этом есть какое-то несоответствие дела и говора.

— На солнце выцвели, — хмуро отвечает Степан и смотрит в окно. Оконное стекло медленно пропитывается густыми сумерками, лиловет и скрывает малонаезженную колею дороги, петляющую среди выпирающих из тощей земли острых камней.

— Такого солнца даже здесь не бывает, — бубнит Лешка себе под нос, — я-то знаю, враз обгорал на Байкале.

— Там бывает, — неопределенно говорит Степан каким-то шелестящим потускневшим голосом, будто песка просыпал, все так же пристально всматриваясь в сгущающуюся тьму.

Его поначалу даже не напрягала, а угнетала эта местная особенность — вот солнце зависло над скалистой вершиной хребта, обрушило вниз лаву огненного полыхающего света, упало по ту сторону горной гряды, и сразу же из тайги вымахивает холодный черный поток тьмы, набрасывает плотный полог на берег, и на само студеное море. Даже дышать становилось трудно. Сейчас обвыкся, но так и не смирился. А все оттого, что жилище их прижато морем к самой горе.

— А мы вот, где ни бывали, такого не видали, — скороговоркой произносит Лешка, пробегая мимо с миской собачьего корма. На крыльце давно уже нетерпеливо скулят и скребутся в дверь щенки. Лешка без ума от двух лаечек, пока еще младенчески розовобрюхих, покрытых мягкой пепельно-седой шерсткой, готовых ластиться к каждому встречному.

У самого леса гремят тяжелыми цепями две кавказские овчарки, но к ним даже Лешка, заядлый собачатник, подходит с опаской. А вот с лаечками возится с охотой и умилением. Степану не то чтобы странно его такое увлечение, скорее равнодушно. Все в этой жизни исполняют свое предуготованное им назначение.

— Ну и где это — там, — упорствует Лешка, томимый скучным вечером. — В Африке, что ли? — чиркает спичкой, зажигает керосиновую лампу.

— Может, и в Африке, — Степан, наконец, отворачивается от окна и в упор смотрит на него прозрачными до жути глазами. Скулы его одергивает, и глубокие морщины от крыльев хищного носа до уголков крепко сжатых губ глубже прорезывают сухую продубленную кожу.

— Тьфу на тебя, — отворачивает голову Лешка, — сколько раз тебе говорил — не смотри на меня таким взглядом. С непривычки испужаться можно до смерти. Ровно волк.

Степан провожает его спокойным холодным взором и видит в черном стекле свое зеркальное отражение: крепкий широколобый мужик в клетчатой рубаше разглядывает оттуда их неспешную жизнь. Зеркал в этом доме отродясь не водилось, и никто из обитавших в нем особо не страдал. Брились, как и жили, тоже наощупь.

Память ему плохая служанка, все время подсовывает не те воспоминания. Вот и сейчас вынесла на ржавом подносе из подсознательных глубин старинное в овальной резной раме зеркало, у которого он задержался однажды на секунду, всматриваясь в мутное зыбкое отражение русского солдата в пятнистом камуфляже, и это лишнее мгновение спасло ему жизнь. Этажом выше грохнуло, и лестницу заволокло пылью, пороховой гарью, другой разной дрянью, чему и названия нет, но имеет явственный запах смерти.

Степан трет ноющие виски и отчетливо вспоминает то, что хотел: чувство оторопи от этой матовой бесконечной глубины, спрессовавшей в себя тьмы однажды отображенных и поглощенных временем людей.

— ... что и требовалось доказать — еще старее стал, — слышит он тусклый голос Лешки, ищет его глазами и находит рядом с Савелием, который все это время молчаливо и безмятежно сидел в дальнем углу, а теперь подвинулся ближе к свету.

Степану нет и сорока, но люди дают больше, и не удивительно — он лучше других знает, отчего и почему, а иногда и зачем. И каждый раз при напоминании о возрасте хребтом чувствует, будто не одна жизнь прожита, а несколько.

К вечеру он сделался угрюм, молчалив, чего давно с ним не случалось здесь, на окраине земли, в крохотном заброшенном поселке на берегу Байкала, и он знал почему. Ему опять не удалось выспаться прошлой ночью. И он боялся, что вновь вернется изматывающая бессонница, и мерный выворачивающий душу шум, и звон контузии. В этом глухом пустынном уголке, где он почти безмятежно проживал, было так хорошо и покойно, что уж было решил — отдохнула душа, успокоилось сердце, отстало прошлое и забрезжила другая настоящая жизнь. Но вот пришел знобкий ветер, завывал всю ночь, шуршал ветвями лиственниц и сосен, гремел неубранными жестянками и возродил монотонный мучающий его гул. А вслед проявилась и непреходящая тоска.

Степан умел перемалывать ее в золу, не выказывая слабости, но когда к ней добавлялась боль телесная, требовалось одиночество. Мужикам же невдомек, что какую ночь подряд подступает тошнотворная волна, до боли давит виски, и немолчно плещет и плещет в ушах. А мужики что, они зрят в нем непорядок, вот и пристают, пытаются разобраться, в чем тут дело. И как им объяснить, что зол он ни на ветер, ни на ночь, ни на них, ни даже на саму жизнь.

Днем боль постепенно отпускала виски, и тогда он думал, что в его хвори виноват скособоченный заброшенный ветряк, многие годы зряшно загребающий воздух ржавыми лопастями. Кто и когда доставил его на этот берег и тщетно пытался заставить давать людям свет, за давностью лет не помнили и сами местные жители, говорили лишь, что добывал он электричество совсем короткое время, почти сразу сломался. Как сломалась вся страна и вся жизнь тех, кто проживал на этой скудной земле, и с кем он сейчас мало-помалу, в меру своих сил, пытался починить ее.

Вскоре по приезде сюда Степан попробовал приступить к ветряку, но тут же понял, что чинить в нем уже нечего. Все более-менее ценное, нужное было растащено, или рассыпалось в ржавую труху. Поколотил кувалдой по крепкому еще остову и бросил никчемную затею. Единственно, что ему хотелось теперь сделать, так это добраться до лопастей и заклинить их намертво, избавить себя от шелестяще-шуршащих мертвых звуков.

Тщедушный сутулый Лешка, единственный среди них коренной обитатель этих мест, лишь пожимал узкими плечами — жили без электричества и проживем.

— Подумаешь, важность, и в темноте не пропадем. Нам привычно. Да и когда мы жили-то лучше? Завтра солнце взойдет, и всем светло станет, а его на наш век хватит.

Солнца здесь и впрямь было много, так много, что если зажмуриться, веки наливались алым светом, совсем как там, в горах или пустынях, вот только свет этот был не так жесток. Ласкающий белый, крупитчатый, радостный свет щедро изливался на море, на скалы в рыжих подпалинах, на берег, окаймленный крупной галькой. А долгими зимними вечерами скоротать время до сна хватало и керосиновой лампы.

В печи полыхают жаркие листовничные полешки, огонь с трудом справляется с витым накопившим смолистую силу суком и вдруг стреляет в приоткрытую дверцу малиновым огнем. Алексей аккуратно подбирает с пола шипящий уголек цепкими пальцами, ворчит на печника-неумеху, криво навесившего чугунную дверцу и бросает его обратно в гудящий на все лады печной зев. Печник Савелий сидит рядом, на широкой скамье, прислонившись к теплой спине печи, и делает вид, что не слышит напарника. С безмятежным видом водит глазами по строчкам пожелтевшей прошлогодней газеты, наконец, бережно складывает ее вчетверо и говорит смиренным голосом:

— Кому ни заказываю свежих газет, все обещают, но никто не везет. Видно, вовсе перестали их там, на большой земле, читать. Все к тому и шло, — и приглаживает ладошкой редкие мягкие волосы, тщетно пытаюсь положить их на пробор. Хитро щурит подплывшие глаза, часто моргая белесыми ресницами. — Ты сам-то, Михалыч, что думаешь по этому поводу? Читают у нас прессу или уже нет?

И ведь знает, что Степан на дух не переносит газет, а вяжется.

— Объясняю популярно: по бульвару прогуливаются «молодухи», предлагая себя на продажу, и не брезгают для того выставлять напоказ разные сомнительные прелести. Но не они, продажные насквозь, заслуживают пристального взгляда. А вполне пристойные еще вчера матроны, кто нет-нет, да и пытается забежать не в свою молодость, пробуют украдкой, хоть одной ножкой ступить на панель. Взмахнут юбкой, тут же соскочат на проторенную дорожку — и хочется, и колет-ся, и мамка не велит. И не понимают, что они интереснее именно в своем старом обличье, не годном для новой жизни, да и то правда — что показывать-то? Старое дряблое тело в новых тряпках? У покупателя выбор большой, и вкусы нынче при-вередливы.

— Злой ты мужик, Михалыч, и рискуешь совсем от жизни отстать.

— Да чего ты нового в этих газетах вычитаешь? Чего раньше не знал? А самое главное, самое важное, к примеру, что война началась, ты не из них узнаешь. Найдут, как передать. Будь уверен. Не забудут нас, нарочного пришлют. Кто-то должен же будет в окопы идти.

— Точно, — хмыкает Алексей, — читатель тоже нашелся, второй месяц газетенку мусолит, а что там вычитал, держит в секрете. Умствует. Бери лохань, хитрован, иди, лучше волкодавов покорми.

— Сам корми, а вычитал я то, что тебе не понять, в силу ограниченности во-ображения и рассеянности ума.

Степан рассеяно смотрит на его круглое заросшее редкой бородой лицо цвета старого кирпича, и в какой уже раз думает, что нет в их компании человека, к которому он относился бы с большей опаской, чем вот к этому благодушному, такому смиренному на вид мужичку.

Он единственный появился здесь ниоткуда, сразу, как если бы выпал из проезжающего мимо грузовика. Вроде только собрались все пообедать, уселись за длинный стол, глядь, а под окном, на завалинке сидит затюрханный, в стиранной-перестиранной телогрейке мужик, клочок газеты почитывает.

Переглянулись, высыпали на улицу озадаченные явлением, точно зная, что последние пять дней ни одна машина до их мест не добиралась. Горные речки вспухли осенней водой и на части порезали и без того плохонькую дорогу.

— Ты кто? — грубо спросил его Алексей, которого сразу напрягло появление странного незнакомца, — мы, вроде, никого не ждали.

— Да никто, и звать меня никак, — ответил тот просто и скромно попросил сигаретку. — Невольник страстей своих.

— Своя воля страшной неволи, — раздельно проговорил Степан.

— Такая вот воля, что рад и неволе, — нашелся мужик, — Савелием меня зовут...

Ответ мужикам поглянулся, и путник прижился. Хотя Степану он с первого взгляда не понравился, и с этим ничего уже поделать было нельзя. Знал, что все равно после прав окажется. Многожды убеждался в своей жизни, что если человек не показался, толку не будет, проявится у него рано или поздно червоточина.

Зимовали они вчетвером, до тепла мастеровой народ разъехался. И была эта зима для него здесь уже третьей, крайней, как он сам определил.

Вечерять для полной компании не хватало лишь Василия. Но тут случай особенный. Тот, казалось, никогда не тяготился одиночеством, и наверняка уже спал сном праведника в свежесрубленном крайнем к лесу доме. Ему, как и всем зимовщикам, податься пока было некуда.

Степан, едва появился в этом заброшенном байкальском поселке, сразу отметил, как ладно, красиво, к месту расставили первые домики у подножья скалистых гор, в тонком лиственничнике. Так, что залив, истертой подковой вписанный в берег, отсюда был весь виден как на ладони. Собственно, затем и был первоначально послан сюда — присмотреть, как бы мужики за долгую зиму не забаловали, и не спалили поставленную в этом чудном месте туристическую базу.

Степану же к тому времени совсем невольно стало жить в городе, и он охотно согласился перезимовать у черта на куличках, дотянуть до теплых времен. Так и оказался тут в тесной компании собранных с бору по сосенке мужиков, таких же, в сущности, бедолаг, как и он сам.

На дворе уже теплился апрель. Горьковатый дикий запах весеннего пожарища тянул и манил, тревожил сердце, и он бы снялся как перелетный гусь, но держало данное товарищу слово — подготовить и сдать базу к летнему сезону.

— Станный ты, Михалыч, — проскользнул мимо неугомонный Алексей с очередной посудинкой в руках, — полгода вместе живем, а я ни разу не видел, чтобы ты улыбался.

И встал как вкопанный посреди комнаты, смешно по-птичьему склонив голову набок.

— Ты подумал, что сказал, — сырым голосом, от которого иногда становилось зябко, проговорил Савелий, гремя в дальнем углу соском жестяного умывальника. — Он у нас — мужик добрый, умный и справедливый, не простой. Я б на всякий случай не стал его цеплять.

Степан отрывает глаза от столешницы и долгим взглядом смотрит на него.

— А я ничего, что я такого сказал, — тушует Савелий, — лишь выразил общую точку зрения.

Да и то верно, лишнее сказано, не принято тут приставать по пустякам к человеку, даже если совсем скука загрызла. Такие порядки сами собой заведены по молчаливому уговору, что нельзя пытаться ни про прошлое, ни про настоящее. А про будущее уж вовсе смешно — его как бы еще или уже нет. Как шутит Алексей: глянь на себя, где ты и где завтра. Но шутить со Степаном просто так не станешь. И не только потому, что отличается от других — вроде старшим над ними поставлен. А кто он хозяину базы — кум, сват, брат, поди разберись. О чем не знаешь, о том не горюешь.

На то он и хозяин, чтобы его ни о чем не спрашивать. Привез однажды усталого мужика, ссадил у крыльца, не выходя из салона, сказал, как отрезал: за старшего оставляю, и укатил на своем вездеходе восвояси. Некогда рассусоливать, до города 300 верст, половина по камням. Полдня пути, если шину не пробьешь.

Мужики присмотрелись, оценили Степана и вскоре приняли за своего, а что молчит, так пусть молчит. Значит, этого его душа требует. Отмолчится — выговорится. А не захочет — так тому и быть. В такой глухомани никто никого не неволит. Тем и хорошо и ладно, что никто в душу не лезет, не учит жить. Ни жена, ни друзья, ни разные начальники.

Первые дни жизни в этом поселке Степан отсыпался, и наслаждался почти полной тишиной. Осеннее безмолвие тогда уже притушило лесные звуки, и плеск плотной тяжелой осенней волны едва достигал слуха.

А сейчас было еще тише, лед накрепко сковал море, лес не ожил, горы не оттаяли. И всех живых звуков, что щенячье нетерпеливое повизгивание у крыльца и легкое царапанье лап о дверь. Две сибирских лаечки, палевая и серая, весело барахтались на крыльце, затейливо украшенном витыми балясинами, искусно вытесанными одним топором. Щенки пугались под ногами, просились в сытное тепло. Избаловались за три дня, пока на базе обитали чужие. Из города на подледную рыбалку приезжали знакомые хозяина и перебаламутили устоявшуюся жизнь.

Алексей нарочито громко гремит в эмалированном тазу — экую гору надо перемыть! Гости уехали недавно, и в доме еще не успел выветриться чужой запах дорогих сигарет и напитков, непривычной амуниции и еще чего-то полузабытого. Но щемяще знакомого. Запах ставшего чужим мира. От которого все они, тут проживающие, добровольно отказались — без никчемных мечтаний о лучшей доле, без лишней маяты и сосущей тоски. Если это удастся человеку, он одинаково надежно избавляется от разочарования и очарования жизнью.

— Легковесная пошла жизнь — годы текут: пусты, легки, необременительны, и люди такие же. Все равно, что жить, что помереть. Пустое время настало, — приохивая, изрекает Савелий. — Измельчал народ, ни воевать, ни строить, ни революцию сотворить какую-никакую.

— Так только что сотворили. Переломали все...

Но он будто не слышал Лешку, пропустил мимо ушей сказанное второпях и продолжил:

— Эко размахнулись в прошлую-то. Во всю матушку-Россию, эко все перебаламутили, и, прежде всего, человека. Такую империю кончили, не пожалели, — вслух размышлял он, позабыв о собеседниках. — Опосля смутьянов, как водится, под нож пустили, и поделом. А сейчас что — одна видимость жизни. Колуаемся помаленьку каждый в своем палисаднике, сыты, обуты, довольны. Скушно русскому человеку...

— А ты бы за всех русских не говорил. Нормальные люди так и должны жить, без потрясений и без стряхивания голов, — вскипает Лешка. — Вот только таким, как ты, полоумным вовремя надо мозги вправлять, чтоб опять чего не натворили.

Понятны Степану настроения мужиков, и все их цепляния к нему всего лишь от переизбытка хорошего настроения. Славные гости оказались непривередливыми: на стряпню не жаловались, за столом держались на равных, да еще и щедрыми — не скупясь наливали, привезенные продукты отдали в общий котел, и куревом поделились.

Хозяин вот уже второй месяц не заглядывает, закрутился в городе с делами,

а они уже на последнем дотягивали, изредка одалживая у единственного на всю округу фермера керосин, табак, съестное и прочее по мелочи.

Жаль немного, что у гостей рыбалка не задалась, ну это как кому пофартит. Степан не поленился, сходил к ним на «камчатку», полежал на льду, понаблюдал в лунку, как крупный хариус медленно ходит у самого дна, время от времени подходит к мушке, как бы презрительно выдыхает — приманка отлетает в сторону, а он, лениво пошевеливая плавниками, проходит мимо. Не берет и все, хоть что ему подсунь под нос.

Мужики его до рыбалки не охочи, по осени кинули раз другой сетешку — на зиму два бочонка омуля добыли. Удачно получилось, может быть, потому, что так легко к этому делу относятся. А с удильником над лункой горбиться или стоя махать считают баловством. Да, к бабке-ворожейке не ходить, ветер городским помешал — «горная» накануне их приезда как с цепи сорвалась, без передыха три дня завывала, рыба и отошла на глубину.

Ветер здесь был всегда: срывался с гор, поднимался с моря, иногда казалось, падал с самого неба. Но кто проживал тут больше года, привыкал к нему, как привыкают жители города к неумолчному шуму. А если случались затишья, невольно испытывал беспричинную тревогу и не сразу понимал — от недостатка ветра. Степан же, наоборот, считал, что причина его сумеречного состояния завывающий ветер, вернее, без остановки молотивший ветряк, ржавыми звуками выворачивавший душу.

И только к вечеру стал он стихать — словно рыбаки его с собой утянули. Оставили на сером льду неровную цепочку пробуренных, щедро прикормленных бор-машем лунок и непрореженные рыбные косяки.

— Никак грешен кто из вас, — напутствовал их в дорогу Савелий, выцарапывая сапогом щенков из-под колес машины, — настоятельно советую в следующий раз грехи дома оставлять, лучше отомолить...

Гости лишь весело скалились, отделялись шутками, и ясно было, что им и без рыбалки было хорошо, насмотрелись красот, проветрились на славу, отмякли душой и телом.

— Не смешно, — отмолчавшись, скупко роняет Степан, когда и Алексей и Виктор уже забыли о чем говорили, — да и разучился я улыбаться.

На секунду повисает тягостная тишина, громче гремит выставляемая на полку посуда, скрипит скамья. Мужики делают вид, что и не помнят, о чем это они с ним недавно говорили. Не нравится им смурной вид начальника, настроение его не нравится, привыкли, что на людях он ровен, спокоен, справедлив, зря не обидит. Суров на вид, однако командира из себя не корчит. Но подозревают, что им он когда-то был, в той, прежней жизни. Иногда вдруг прорывались в его голосе властные нотки. Скажет, как отрежет. И не обидно, и без насилия, а пойдешь и сделаешь, да так, будто это ты сам принял такое разумное решение и с удовольствием его исполнил.

— Ну, а еще что не так со мной, — подстегивает Степан затухающий разговор.

— Вот еще что — в баню один ходишь, как скопец какой, после того как мы весь жар уже выхлещем, — подал голос из-за печки Савелий, — и водку не пьешь, употребляешь, будто одолжение делаешь. Цедишь ее как простую светлую водичку без вкуса и запаха. Только добро переводишь. В общем, при таком застолье с тобой ни песню спеть, ни подраться.

Степан слушает приبلудного краем уха и размышляет о бесплотно витавшей

все последние годы иллюзии безнаказанности в стране, порожденной вседозволенностью. Но повидавший жизнь в разных ее проявлениях, он знал, что даже если виновный и ушел от наказания, и находится в полной уверенности в том, — должен понимать, что кара неизбежно настигнет, и еще на этой многострадальной земле. Или уже настигла, да он пребывает в неведении, временами впадая в душевную смуту, выход из которой он ищет в другом преступлении. Сокрушался, как этого люди не понимают. И как-то соотносил все это с приبلудным, мало зная о его прошлом, ощущая лишь, что знание о нем было бы для него опасным.

Скользкое обличье приبلудного вовсе не свидетельствовало об отсутствии у него определенной душевной устроенности, говорил он очень даже складно и знал много. Вот есть же такие люди, внешне не уродливые, и поступками безобразными не отталкивающие, а прислушаешься к их елейным речам с души воротит. Вот только подобраться к нему Степан никак не мог, как не мог выгнать и навсегда избавиться от этого человека.

Мысли текли неспешно, непринужденно, как течет степная река, ничем не стесненная, причудливо меняя русло всякий раз, как ей потребуется.

— Вам дай потачку, немудрено и угореть: от бани или от водки. Топите так, что волосы на башке трещат, и пьете так же, а у меня голова одна, и она болит, — говорит Степан, как бы шутя. Но и тени улыбки нет на его спокойном лице.

— Вот-вот я и говорю — и мы такие с тобой стали — ни украсть, ни покараулить...

Степан понимает, что в мужиках еще бродит хмель весело проведенного с городскими рыбаками времени, он и подвигает их на вольные, на грани дозволенного разговоры. И надо их заканчивать, потому что и так в них подвинулись слишком близко к запретной черте, за которой у обычных людей начинаются жаркие расспросы: кто да откуда, да как сюда попал. А назавтра придет похмелье и вместе с ним нестерпимый стыд за свою душевную расхристанность и обнаженность — это вам не в общей бане голышом.

Хотя, чего лукавить, кое-что из прошлой жизни каждого насельника он узнал не только околично, по догадкам, нечаянно оброненным словам. Были у его друга возможности выяснить подробности. И Степан уже более-менее представлял себе каждого из них. Грешные люди на грешной земле.

Здесь, на берегу, усеянном обломками цивилизации, хорошо жить в блаженном неведении, что все с тобой происходящее — единственно правильно, а если по иному — то край.

Глава 3

Много событий в жизни Степана произошло с того сентябрьского вечера, когда он впервые увидел в Тажеранской степи вольную серебристую птицу, выпавшую из небес, и будто посланную ему кем-то с посланием, которого он не смог прочесть. Обмирало сердце от воспоминания ее стремительных росчерков, оставленных на тлеющем полотне закатного неба, от дерзкой красоты и свободы полета. А может быть, сам того не ведая, все же что-то понял в начертанном, если вскоре ощутил, как мало-помалу стало отступать изведенное им, то чего человек не должен знать, а испытать уж тем более.

Но видно рано был ему послан знак свыше, если целый год еще прожил он

в душевной маяте и терзаниях. Как знать, может, и не созрел он еще к тому, что готовила ему судьба.

Все самое значимое в жизни Степана случилось осенью. Может быть, потому что с раннего детства он более всего любил эту дивную пору, когда в окружающий отцветший мир приходит умиротворение и покой, а оголенность его выказывает необыкновенную ясность и прозрачность разом распахнувшихся далей. Память молниевыми вспышками выхватывает куски прошлой жизни и приводит к событию, подвинувшему Степана переиначить свою жизнь.

...Вечеру, когда осенний воздух еще тепел, наполнен тонким ароматом увядающих трав, нагретого за день камня, и легкий ветерок не колыхнет и иссушенную солнцем былинку, он сидел на гранитном валуне, принесенном буйной рекой с крутых скал.

Позади была долгая дорога, несколько дней, наполненных никчемной, утомляющей суетой, и теперь, возвращаясь к себе, он испытывал ни с чем несравнимое чувство избавления от всего тщетного и наносного, обволакивающего его всякий раз, когда он вынужденно возвращался в покинутый им город.

В верховьях реки прошли затяжные дожди, вода очистилась, но еще стремительно неслась посредине русла, играючи переворачивая мелкий камень, вскипая и пенясь вокруг гранитных глыб. И внезапно стихала свой неистовый бег, оглаживала каменистые берега, плавно растекаясь в небольшой заводи, чтобы через мгновение, за следующим же поворотом, вновь свиться жгутом и с грохотом ринуться вниз, неся Байкалу всю свою накопленную в горах необузданную мощь. И в этой своей холодной ярости и безудержном стремлении добраться до него река вгрызалась в скальник, рушила все препятствия, торопилась раствориться в едином и вечном.

Совсем близко, за пологой грядой, лежал Байкал, и даже на расстоянии ощущалось его сильное мерное дыхание. Там, знал Степан, сейчас было свежо, ветрено, волнительно. Море жило своей жизнью, независимо от окружающего его мира, и часто в полное безветрие упрямо раскачивалось, на сотни верст гоня упругие волны.

Здесь же, в тесном распадке, прогревом за день сентябрьским солнцем, взхлеб звучал голос одной бурной реки. Лишь торопливый тонкий посвист осенних птах изредка вплетался в ее громкий раскатистый говор.

Степан вслушивался в эти живые звуки, как в дивно звучащую музыку, где все в лад, в созвучие и в согласие, где нет места противным всему человеческому естеству шумам.

Он недолго провел в городе, и душа устала страдать от грохота и вопя, создаваемого многими тысячами людей, которым, казалось, и дела нет до того, что вся природа вокруг стонет и страдает от ежеминутно создаваемых ими противоестественных звукопадов. Сам ритм современного города угнетал его меньше, он любил жить быстро, жадно и неукротимо, как эта быстрая своенравная река, оголтело и напролом мчавшаяся к Байкалу.

И вдруг стих голос лесных птах, так чудесно вплетавшийся в речное звучание. Что-то нарушилось, сломалось в установившейся гармонии. Он огляделся, поднял голову и увидел — стая ворон черным платом нависла над распадком. Густой бестолковый грай взбаламутил окрестности. В ту же минуту воронье пронеслось мимо, закружилось водоворотом над берегом реки. Внезапно, как по команде, одна за другой, тяжелые черные птицы упали на березовую рощицу, и тут же заглох вороний ор.

Березы здесь вспыхивали все разом, и их обожженный заморозком лист долго источал ровное золотое свечение.

Золотые кроны будто враз прожгло, и тьма хлынула из внезапно проявившихся зияющих дыр. Степан зажмурился — до того явственно выказалась ему сквозняком потянувшаяся к нему темень. Бесконечная, пугающая, вызывающая тошноту пустота устанавливалась округ. Воронье замерло, влипнув в золото, и в этой мертвой неподвижности и молчаливости было что-то зловещее и гнетущее. Степан отвел глаза от неприглядного зрелища, ощущая, как возвращается к нему привычная сосущая сердце тоска. И кто бы знал, отчего она поселяется в человеке, и терзает его, мучает, вызывая чувство потерянности, одиночества и ранней усталости.

Одиночество сладкое чувство, если ты настоящий мужчина и понимаешь в нем толк. Особенное чувство еще и потому, что побывал там, где его нет и в помине, и не может быть по определению, где одному нипочем не выжить. И оттого, очутившись в миру, так быстро устаешь от людей и бежишь от них, не осознавая, что ищешь ты не тишины и покоя, а только отдохновения и спасения души. Степан умел бороться с тоской, стоило лишь растворить печальные мысли в каком-нибудь нужном деле или, на худой конец, утопить в сиропе приятных воспоминаний.

Внезапно он вдруг ощутил, как повеяло холодом от бегучей стылой воды и зябко опахнуло грудь от мысли, что одиночеством нельзя гордиться. Что одиночество страшная штука, и что он не знает, в какой для себя роковой миг стал одиноким. Откуда было ему еще знать, что настоящее одиночество — испытание, и оно дается не каждому.

Воронье, плотно облепившее золотые кроны, закопошилось, и это неровное мерцание черных дыр усилило невнятную тревогу. Вскоре несколько ворон поднялись и, лениво взмахивая крыльями, медленно потянулись вверх по течению, к сосняку, в самой гуще которого высился старый могучий листвень. Его сухая искривленная вершина отчетливо выделялась на вечернем небе.

«Кья-кк, кья-кк», — стек оттуда пронзительный крик неведомой Степану птицы.

«Кья-кк, — еще громче и возмущеннее разнеслось в округе. — Кья-кк»!

Крик всколыхнул стаю, смел с берез, закружил в небе хлопьями сажи, разлетающимися во все стороны. Небо будто безжалостно разворошили жесткие крылья. Степан еще не мог взять в толк, кто это вызвал такую панику, как вороны, так и не добравшись до старой лиственницы, с хриплым карканьем развернулись и, забирая вправо, пошли к высоким останцам, часто замолотив крылами.

И тут Степан услышал пришедший с высоты странный вибрирующий свист, тут же перешедший в протяжный трубный звук. Посреди разлетающегося воронья, прошив стаю насквозь, будто из пустоты, возникла острокрылая птица, и ударила ближнюю птицу. Отбросила от себя и тут же взмыла высоко в небо. Степан напрасно пытался рассмотреть, где в следующий миг появится боец, — заметил лишь размытую серую полосу, из которой он вдруг вылепился. Вынырнув из затяжного пике, он ударил следующую ворону и она, не успев увернуться, теряя перья, косо пошла к земле.

Но что это — разрозненная было воронья стая стянулась и, переполненная отчаянной ошутимо злой силой, ведомая чьей-то единой волей, ринулась навстречу противнику. Все вскипело в небе, беспорядочно закружилось, как сорванная ветром охапка сухих листьев. Степан не успевал следить за лихим бойцом, в одиночку сражавшимся с оголтелыми птицами. Вот он появился, цел и невредим, вы-

скочил из бучи, и, утомленный неравной борьбой, по растянутой спирали пошел вверх, да и завис там, в небесной вышине.

Стая потянулась следом, но низом, расправив сильные крылья, пронесся еще один воитель, будто подбивая воронье выше, к напарнику. А тот уже падал вниз. Степан увидел его совсем рядом: он легко чиркнул вороне по спине, а когда та кругами пошла к земле, резко притормозил в воздухе, выбросив вперед лапы, и закогтил добычу. Обе птицы, неловко перекинувшись, свалились в густые заросли ивняка.

Соратник его стрелой пронесся мимо и почти вертикально ушел в небо. Остановился в верхней точке, опрокинулся через плечо и пошел в атаку. Воронье бросилось врассыпную, но еще через мгновение — свист рассекаемого воздуха, удар, веер вышибленных перьев, и еще одна ворона кувырком летит к земле.

Степан перевел дух, никогда прежде не видывал ничего подобного. Разве что в детстве наблюдал, как желтоглазый ястреб хватается на лугу зазевавшегося цыпленка. Но то был разбойничий набег, налет из-за угла. Эти же птицы били ворон не просто смело и отчаянно, а лихо, дерзко и красиво. И Степан понимал, что храбрецы отвоевывали свое жизненное пространство.

Остатки вороньей стаи потянулись прочь, и скоро растаяли в густеющих сумерках. Одна оставшаяся в небе птица скользила над головой, изредка, и как казалось Степану, жалобно и призывно выкрикивала: «кья-кк».

И тут он заметил, как по перекагу река несет, подбрасывает и переворачивает, бьет о камни черно-пестрый ком перьев. Степан взгляделся и увидел, что в воде тяжело ворочается охотник, мертвой хваткой вцепившийся в недвижную ворону. Течение крутило пернатых, утягивало под воду, и он понял, что храбрец не сможет высвободиться от добычи, обречен. Не раздумывая, шагнул, ледяная вода обожгла ноги выше сапог, изловчился и выхватил из реки мокрых птиц.

Спасенный им охотник совсем выбился из сил: беспомощно раскрывал загнутый клюв, шипел, раскрывал крылья, силясь подняться, но лишь беспомощно валился с боку на бок. Степан присел на корточки и принялся осторожно высвободить длинные пальцы птичьих лап из вороньего тела, вытаскивая острые круто загнутые когти, накрепко застрявшие в будто ножом рассеченных спинных костях вороны.

— Не повезло тебе, братец, свалился в реку, так бы и утоп, — приговаривал он, уворачиваясь от неуловимо быстрых движений синеватого шипастого клюва птицы, пытавшейся дотянуться до его рук. — Туда же еще, мокрая курица, кусать своего освободителя...

Через минуту пленник был на свободе, и бочком-бочком, неловко переступая лапами, вскарабкался на плоский шершавый камень. Встал столбиком и попытался широко повести крыльями, но одно из них беспомощно повисло, как бы надломившись посередине. Он еще пытался выправить изувеченное крыло, клювом поправляя помятые перья, но тщетно.

— Батюшки, да это ж сокол! — тихонько ахнул Степан, — так и есть, самый настоящий сокол.

Не оставлять же было на погибель такого бойца, и Степан, долго не раздумывая, достал из рюкзака полотенце, быстрым, отработанным движением руки схватил птицу, зажал меж колен и плотно обмотал крепкой тканью, оставив свободной одну лишь голову, будто не раз это проделывал.

Сокол яростно шипел, оставлял на руках кровавые отметины, пока не сми-

рился со своей незавидной участью и не затих. Что с ним делать, Степан пока не представлял, и решил забрать с собой, на базу, попробовать его там вылечить.

Глава 4

Полная луна медленно всплыла из глубины студеного моря, нависла над голой горой, и на ее светлый лик чернью по серебру легла вычурная вязь странных письмен. Выкованная из одной тверди листовенница, стоящая на каменистой вершине, нанесла их вывихнутыми всеми байкальскими ветрами ветвями. Будто о чем-то важном хотел поведать людям одинокий и верный страж вечного покоя. Но они уже забыли язык, на котором с ними когда-то разговаривала вселенная.

С ночных небес лилось матовое голубое сияние. Весь мир вокруг волшебным образом преобразился. В сквозных кронах засиявших нетронутой белизной берез, робко стоящих близ дороги, заслезилась робкие звезды, сама дорога превратилась в туманно мерцающий зовущий куда-то путь. Стоило лишь одолеть крутой горный подъем, перевалить хребет и оказаться в сияющем мире земных звезд, в котором легко затеряться, но трудно найти себя. Путей много, но как найти тот, что уведет тебя в самые заветные, самые желанные места, где ты когда-то был счастлив? До них теперь может дотянуться лишь одно любящее сердце.

Тьма, однако же, таилась в каждой впадине примолкшей земли, скапливалась в тесных ложбинах и особенно мрачно и угрюмо хоронилась под скалами, лишь до поры до времени сдерживаемая призрачным лунным светом. Мрак умеет скрывать свою силу, но может выказывать ее даже при солнце.

«Тьма — всего лишь сгущенный до предела свет», — вспомнил Степан и задернул короткую занавеску, по-деревенски закрывающую нижнюю половину окна. На миг задержался, облокотившись о подоконник, глянул поверх тряпицы, и увидел, что сияющий лунный диск помутнел, но выцветшей туши письмена на нем еще читались. Луна опоясывалась огромным слегка распушенным кругом в полнеба.

— Как-то мутно мне, всего ломает, видать к непогоде, — раздается за спиной Степана голос проспавшегося Василия, и громко хлопает входная дверь.

— О, явился — не запылится, — сколько тебе говорить, дверь надо притворять тихо и нежно, как собачку гладишь, — отвечает ему от печки Алексей и добавляет посуровевшим голосом, — а то она тебе пальцы откусит...

— Да ладно тебе, говорун, накаркаешь еще, — вяло цедит слова сквозь зубы Василий, подхватывает чайник и льет в кружку дегтярного цвета чай.

— Ломает его, небось вчера не ломало и позавчера тоже, — ворчит Алексей, — как же тут не заломает, если удержу нет ни в чем.

Кажется, весь вечер прошел, прежде чем Степан нехотя оторвал взгляд от темного стекла, за которым созерцал одному ему подвластный мир. Да и что там, за окном, можно увидеть, одну лишь лиловую весеннюю темень, сгущающуюся в смоляную тьму. Закат тут, у подножья гор, наступал стремительно, вот только что красное солнце коснулось скалистых вершин, а лицо уже обдернул холодом дерзкий ветерок, долетевший со льда Байкала, и сразу же понизу, кажется, из самой глуби промерзшей насквозь земли, начинает подниматься стынь. До самого сердца проморозит, если не укрыться в тепле. Тени от гор жадно наползают на берег, пядь за пядью отвоевывая землю у света. И свет истаивает на глазах.

— Подбрось дровишек, — поворачивается Степан к Алексею, но тот и пошевелиться не успел, как Василий подхватил пару толстых поленьев и сноровисто сунул их в печь.

Василия в их товариществе не уважают, и не за то, что нескладный, вечно сонный увалень, у которого валится из рук, что топор, что ложка, а за то, что проживает тут не по своей воле. В городе без него мыкаются жена и двое ребятишек. Но к ним ему путь закрыт — натворил дел на воле. Сюда определил его старший брат — подальше от лишних глаз, пересидеть ненастье. А что он там натворил или с ним натворили, незнамо. Пробовали спрашивать, только головой трясет и мычит будто немтырь, а так нормально разговаривает, разве что иногда слова проглатывает. И глазами сразу меняется — обычно пустые, равнодушные, они становятся испуганными и жалобными, как у побитой собаки. Мужикам поначалу, как его привезли, жалкого и затравленного, страсть как хотелось узнать всю его подноготную, пришлось Степану напомнить им, кто они сами и откуда взялись. За свою жизнь он и не таких, жизнью побитых, видывал.

Савелий, будто с неба свалившийся, куда больший интерес вызывал. Сидит смиренный, шуршит замызанной газеткой, заезжими оставленной. Скоро до дыр зачитает. Но интерес к нему был опасливый, настораживали Степана подобные тихони, в тихом омуте, как говорится, кто только не водится. Да все лучше, чем буза.

Может, у него и не было шанса стать человеком, — пытался оправдывать его или себя Степан, — попал он не в то время. В той, прошлой жизни предпринимчивых, вольных и честных не жаловали, нужны были покорные и терпеливые. Впрочем, как и в любые другие времена.

— У меня родственник был, троюродный брат моей супруги, из моряков, не знаю уж военных или торговых, я его имени даже не помню, так он взял и повесился. С третьего разу, а до этого жена успевала из петли вынуть. Любила его, и я его любил. Что-то нарушилось в нем, хотя на вид нормальной не бывает. Говорили, что на него сильно повлияло пережитое — где-то между Австралией и Индонезией за ними американский крейсер гонялся, — не глядя ни на кого, вдруг сказал Василий.

— Ты к чему это нам, на ночь глядя, рассказываешь? — взъерепенился Алексей.

— Так ведь близкое родство... Жалко...

— Ага, ближе некуда: на одном солнышке онучи сушили. Тоже нашел близкого родственника. Горше, что ли, ничего в твоей жизни не случилось. Запомнил, болезный...

Закончить он не успел, Василий вдруг соскочил со скамьи, вцепился в Алексея и успел получить оплеуху, прежде чем Степан растащил их, как кутят, по углам. Перевел дух и сказал твердо:

— Оба не правы!

— Я-то почему, он сам начал, — срывающимся голосом завопил Алексей из темного угла.

— Потому что говорите что ни попадя, и не отвечаете за свои слова.

— Вот жизнь пошла, елы-палы, не то стоя простоять, не то сидя просидеть, не то лежа пролежать...

В доме устоялась тишина, лишь слышно было как звонко пощелкивают в печи сухие листовенничные поленья. Но эта тишина была не в тягость, разное случилось меж мужиков, особенно на большую голову, но до остервенения не доходило.

— Ладно, — прервал наконец тишину Алексей, — я вам тоже страшилку расскажу. Своими глазами видел. Это чтобы кое-кто, — покосился он на понуро свесившего голову Василия, — спал хорошо...

Он вышел к печке, зачерпнул ладонью ледяной воды из ведра, пополоскал за чем-то зубы, вышел на минуту на улицу и вернулся с трагическим выражением лица.

— Тебе бы в театре играть, профукал ты свой талант, Лешка, — засмеялся Савелий, но тот на подначку не поддался и стал рассказывать, помогая себе руками, глазами, движениями всего сухопарого тела.

— Сидим мы, значит, на «камчатке», удим. Глядь, машина летит по льду, в ней двое мужиков, безбашенные какие-то, или забабашенные. В такое время, подле берега! Камикадзе, одним словом. Ну, знамо дело, провалились они. Мы с мест повскакали, снасти бросили, и к ним.

Подбежали, видим — один из них выныривает. Выкабался с нашей помощью, стоит, тупо смотрит, как пузыри раздвигают ледяное крошево. Да вдруг как рванет к берегу, с перепугу или замерзать стал. Никого не видит, никого не слышит. Только пятки сверкают. Обувка с него в воде, пока всплывал, слетела. Видать, крепко его приложило!

Тут из пучины и его товарищ подымается, за кромку полыньи цепляется, а вылезти сил нет. Вдругорядь тонуть начал, но мы-то рядом, подхватили, вытащили. Он сипит — где, мол, друг мой закадычный, утоп, да? Слезы на глазах. Да не убивайся ты так, говорим ему: живой он, вон, видишь, как шустро улепетьвается. Бедолага подхватился и на негнущихся ногах за ним бежать. Долго бежал, догнал под самой скалой. Тот уже из сил выбился. Мы следом идем, не в себе же люди. Тут впереди бежавший оглядывается, видит всего обледенелого, белого товарища, и в глазах его протаивает дикий ужас — решил, что за ним мертвяк гонится. Как бросится от него в другую сторону. Ну, так они долго еще по льду бегали.

— И совсем не страшно, смешно даже, — подает голос Василий.

— Это здесь, у теплой печки сидеть не страшно, а когда под лед уходишь, и двери машины открыть не можешь, даже очень, — сиплым шепотом произнес Алексей и замолчал.

Степан пристально смотрит на него и думает, что такой вот Лешка очень пригодился бы ему не только здесь, но и на войне.

Характер у Лешки легкий. Среди всех них он один такой — за словом в карман не полезет, ну, разве что еще Савелий. И отчего-то многие считают, что такие, вот как они, словоохотливые — как на ладони. А что у человека за душой, какой тяжкий груз тащит — никому и дела нет. Не делится и ладно, своих тягот хватает.

Алексей из местных и ему, понятное дело, не в пример другим, легче было тут обосноваться и проживать. И базу начинал рубить с кондачка — с первого домика. Но вся его напускная бравада, показная независимость гроша ломаного не стоят. Ему здесь за его труды даже плата не положена, горбатится за крышу над головой и пропитание. И ничего, не плачется, даже доволен жизнью.

Алексей из той породы людей, кто совсем недавно имел многое — за путину зарабатывал столько, что на год жизни хватало, и оставалось бы еще, если бы умел с умом деньгами распоряжаться. Да не всякому дано это умение. Как байкальский песок сквозь пальцы, утекали деньги. И, прежде всего, деньги дармовые, хоть и трудами тоже добытые: иногда весь улов шел налево, заработок — в свой карман, а рыбзаводскому начальству доставался устный отчет, что рыбный косяк прошел стороной. Как бы там ни было, а что такое достаток Алексей знал хорошо, но не

ценил, как не ценят то, что легко и не по совести пришло в руки. Но так было в те времена, в эти — стало иначе.

И дальше бы жил — не тужил, не случись всеобщий переворот жизни, который Алексей не понял, да и не хотел понимать, а просто прочувствовал вдруг на своей задубелой от стывлой воды шкуре. Рыбзавод вдруг, будто в море омуль перевелся, перестал работать, рыбацкие боты встали на прикол, рыбу стали добывать все кому не лень, и не ловить даже, а цедить мелкочаеистыми сетями китайского производства. Следом пропало и привычное зимнее заделье — вручную сети вязать. Поселок враз захирел.

В такие скудные времена и оказался Алексей в районном поселке, где тоже не было ни работы, ни смысла жизни, но была призрачная надежда рано или поздно все это обрести. Здесь и нашел его хозяин-барин, как он его сразу и прозвал, задумавший возродить заброшенный родной поселок на байкальском берегу, построив там туристическую базу.

Алексей поначалу заартачился — охота ехать в совсем уж глушь, где на десятки верст одна тайга и море. Но дело двигалось к зиме, а начать жизнь сначала все не удавалось, тут же предлагался незавидный, но шанс и пусть небольшие деньги. А он каждому рублю в ту пору был рад. Но даже не это повлияло на принятое решение, а то, что и как было сказано хозяином при уговорах: «У меня, понимаешь, сердце шемит при мысли, что вот помру я, и никто больше не вспомнит о месте, где я вырос, где все мои предки людьми стали. Начни только, а за мной не станет».

Алексей поначалу опешил от этих слов, застеснялся даже, но не оценить такого человеческого обращения к себе, от которого стал уже отвыкать, не мог. А потом вдруг проникся гордостью за оказанное доверие, и уж тут его можно было, как птенца, голыми руками взять. Наведался домой, забрал последние остатки нажитого имущества: поношенную одежду, разный инструмент, сети-самовязы, погрузил все в старенькую моторную лодку и убыл на новое место жительства.

И здесь, когда не вязали по рукам дрянные мысли и никчемные дела, с привычной оголтелостью взялся за работу: расчищал указанное под строительство место, валил лес на деляне, ставил срубы. И через пару месяцев выдохся. Но не из-за малосилия, а потому, что все это время помнил о пережитом недостатке. Собственно из-за тоски по достатку он и погорел. Прошлое потянуло назад. В какой-то миг, то ли от усталости, то ли просто по зову мятущейся души, захотелось ему расслабиться, как в былые годы.

Алексей хорошо запомнил тот день, когда ему стало невтерпех, и он совершил роковую ошибку. В ясный сухой холодный день вогнал топор в колоду, сказал двум своим помощникам, как отрезал: «Баста, пойду в море!»

Неторопливо перебрал сети, спустил на воду лодку, глянул на море и задохнулся от восторга, будто впервые в жизни увидел его манящую синюю даль, вдохнул его острый запах. Грудь стеснило от нетерпения войти в этот влекущий безбрежный простор, раствориться в нем. Старенький мотор долго не заводился, кашлял, не хотел везти, наконец, поддался мольбам Алексея и загудел, как в добрые старые времена, ровно и мощно.

Заложив лихой вираж, дюралева лодка, задрав нос, чайчьим перышком понеслась по тугой волне. Никогда не рыбачил он в этих местах, но знал, что лет тридцать назад неподалеку был устроен пункт, где принимали и солили омуль. А значит, где-то тут был ход рыбы. Он привычно полагался на свое рыбацкое чутье, редко подводившее его каждую путину. Не подвело оно и на этот раз.

Едва лодка вынеслась из залива на простор, он безотчетно, словно кто толкнул его под руку, убавил газ и еще через сотню метров заглушил мотор. Пяток минут сидел, сгорбившись и поводя глазами округ, но ничего не видя, а лишь прислушиваясь к собственным ощущениям. С отвычки кружилась голова, и не сразу поверил в мощный внутренний позыв — здесь!

Глянул в небо, на скалы и нашел глазами что искал — белые облачка чаек, вьющихся за кормой и по носу лодки. На глазок определил, какие здесь могут быть глубины и течения. Не спеша выкурил сигарету и принялся выметывать сети.

Ночь спал плохо, вставал, курил, корил себя за то, что, как малец, переживает за улов. И останавливал себя, сети могут оказаться пустыми, путина на исходе, омуль отправился в большое море, взять его в эту пору — большое везение. Но сердце не принимало уговоры. Он другого боялся — что отвернулась от него удача, и более никогда не испытать ему рыбацкого счастья.

Едва дождавшись рассвета, поспешил на прибрежную косу, на которой оставил ночевать лодку, столкнул ее на воду и вышел в море. Малиновые сполохи играли на ровной глади залива, разрезаемая сине-зеленая густая вода шипела и пенилась. И утренний пронзительный ветерок студил лицо, вышибал из глаза слезу. Оттого он не сразу увидел, сначала расслышал сквозь рев движка гомон чаек, а потом уж их самих, срывающихся со скал и летящих наискосок его движению.

Там, где он вчера поставил сети, тянулась длинная проблескивающая серебром полоса. Алексей не верил своим глазам, пока нос лодки не ткнулся в оказавшийся ненужным буюк. Перед ним расстилались всплывшие с глубины сети, забитые омулем. И он счастливо рассмеялся, поняв, что угадал подход рыбы, и верно выбрал место, и грамотно поставил сети, и все сделал как настоящий рыбак — всему тому, что называется фартом.

До самого обеда выбирал он сети, отгоняя веслом жадных до чужой добычи чаек, радуясь, что в ячею почти не попадает ширка и другая вредная рыбешка. Завалил лодку омулем едва ли не до краев и, заляпанный чешуей с ног до головы, направился обратно.

На берегу, в укромном месте, до темноты чистил и солил улов, собрав со всей округи чаек, и по счету выходило, что за один раз он взял не менее полутора тысяч хвостов отборного омуля. И даже в уме боялся перевести рыбу на деньги, по самым скромным подсчетам выходило много.

Теперь надо было найти покупателя, что в его положении сделать было крайне затруднительно. Но уж если начнет фартить, то без остановки, если не спугнешь по своей жадности или глупости. Не успел омуль как следует усолеть, как в залив зашло судно, и капитан, не скупясь, забрал весь улов оптом. Алексей не то чтобы разбогател, но получил желаемый достаток. И сошел с катушек.

Как было не отметить такую удачу. И Алексей знал, к кому отправиться за водкой — к фермеру. Тот едва увидел пухлую пачку денег в его руке, без разговора распахнул двери дощатого сарая, и изумленному взгляду Алексея предстали сложенные штабелем до самого потолка ящики с водкой. Он и не подозревал, какое богатство прячет у себя хитрый мужик. После уже узнал, что тот пользуется спиртным для расчета с работниками, как самой твердой валютой. Цену за бутылку, однако, фермер заломил несуразную, но Алексею в его радости было без разницы. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Все последующие дни прошли в сплошном угаре. Шальные деньги как пришли, так и ушли. Да и как не уйти, если две недели дым до потолка, а деньгам нет

счета. Очнулся Лешка уже во дворе, вагончик горит синим пламенем, а на базе ни ведра воды. Подзапустил Лешка хозяйство, огонь залить нечем. Мужики от Байкала с ведрами бегут, ан поздно.

Так он — ни богу свечка, ни черту кочерга — расслабился и спалил по пьяному делу стоящий больших денег жилой вагончик. Хозяин не простил ему доставленный сюда с превеликими трудами балок. Заставил отрабатывать. А когда он рассчитается, или не рассчитается вовсе — одному хозяину известно. Может статься, и никогда. Какие тут заработки, что заработаешь, то и проешь.

Вскоре после этого происшествия и появился на базе Степан, взял хозяйство в свои крепкие руки.

Алексей владельца базы теперь иначе как барином не зовет, но за глаза, с опаской. Сейчас же, когда строительство подошло к концу, осталось устранить мелкие недоделки да сделать благоустройство, он и вовсе перестал стараться. Отрабатывать — это вам не захлеб работать. Но делает вид, что все тут его стараниями держится.

— Польшнуло так, что я спросонья, как был в одних штанах да рубаше, из полымя выскочил, а все имущество как есть погорело, — сокрушался Алексей, рассказывая Степану о своей беде при знакомстве, — вот, остался при своих, батрачу теперь тут, без меня здесь никак. Выправляюсь полегоньку...

Но Степан подозревал, что Лешка не исправился, затаился и выдумает какую-то новую каверзу. Проговорился же однажды, что помощи ему ждать неоткуда, есть дальние родственники, но они сами горе мыкают за сотню верст от этих мест. Как бы в его бедовую голову опять не пришла мысль разом избавиться от рабской зависимости — рассчитаться рыбой. Камнем висел на нем этот треклятый вагончик.

И укрепился в своей догадке, когда тот простодушно, но с затаенной хитрецей спросил его:

— А хорошо — это когда мало или когда много?

— Для тебя водка, как для сокола голубь — устоять перед таким соблазном не в силах, — только и нашелся, что ему ответить, да безнадежно махнул рукой.

Есть в нас, русских, неистребимое: авось сгладится, как-нибудь обойдется, простит хозяин на какой-нибудь великий праздник. Вот ведь как неприхотливо устроен наш человек — если даже у него ничего уже нет, в душе он себя нищим все равно не считает, да еще и гонор особенный имеет — кураж.

Степан опять долго и неотрывно смотрит в окно поверх задернутой занавески. И когда он, окаменев скулами, глядит такими остановившимися глазами в ночную пустоту, рядом с ним становится не по себе. Бог знает, в каких пространствах он сейчас обитает, и что видит его потревоженная душа. Поневоле тут примолкнешь, отодвинешься в сторонку, будто повинный в его злоключениях. Время сворачивается, и сколько он так неподвижно может просидеть, неизвестно.

Тихо, слышно лишь, как в углу тонко звякает в эмалированной кружке ложка. Алексей осторожно размешивает дареный сахар в кружке с горячим, гольный кипяток, крепко заваренным чаем.

— А ты сам откуда родом? — внезапно спрашивает он.

— Из одних скверных мест, жить в которых теперь невыносимо. Но у них есть одно преимущество — там моя родина, и я тоскую по ней, — неожиданно для себя проговорил Степан вслух то, о чем не хотел говорить, да вот сказалося.

И внезапно понял, что все они здесь для того, чтобы отчаянье уступило надежде.

Глава 5

Степан привез сокола на базу и не знал, как к нему подступиться. Как лечить, как кормить, как за ним ухаживать? Тут-то и пригодился все умеющий, все знающий, хоть и весьма поверхностно, советчик.

— Ну, ты, Михалыч, крепко удивил меня, — изумленно протянул Алексей, когда Степан развернул мокрый сверток и выказал птицу белому свету, — я думал, ты совсем усох сердцем к настоящему.

— К щенкам, что ли? — хмыкнул он в ответ. — Это ты у нас горазд собакам уши трепать, а я вот сокола нашел. Разницу чувствуешь?

— И что ты с ним будешь делать? Подохнет он в неволе, сокол волю любит больше, чем человек. Я еще не встречал такого, кто бы его приручил, да и не принято у нас тут соколов держать.

— Его не держать, его лечить надо. А взял его лишь потому, что он боец, видел бы ты как он воронье бил! Только перья летели! Да вот не повезло, увяз в вороне и упал в реку. Крыло повредил, а так цел вроде, не повредился больше.

— Ну, ты даешь, — не мог успокоиться Лешка, — хищника приволок, он нам тут всем глаза выклюет! Ишь, смотрит как, испугаться недолго.

Сокол глядел на людей бездонными черными глазами так, будто не они, а он их в полон взял, и раздумывал, что с ними дальше делать — сейчас съесть или на потом оставить.

— Перво-наперво надо ему жильё устроить, — деловито подсказал Лешка, — я так думаю, что следует подобрать помещение побольше, чем клетка, чтобы он мог свободно крылья расправить, а не жаться на жердочке, как волнистый попугай.

Место для содержания нашлось — лучше не придумаешь: в свежесрубленной в два этажа бане при строительстве образовалась узкая высокая комната, как бы под кладовую, но с большим окном, врезанным больше для красоты, чем по надобности. Но главное — светло, тепло и сухо.

Сюда и поместили сокола, посадив на неошкуренную жердь, приколоченную поперек комнаты. Налили в миску воды, положили тонко нарезанного мяса. Птица крепко вцепилась лапами в дерево и застыла в неподвижности, лишь изредка поводя крылами, словно пробуя их силу, но правое крыло обвисло и не слушалось.

— Придется тебе, Михалыч, в райцентр съездить, нам без специалиста не обойтись, — скороговоркой сказал Лешка, — у меня там есть один такой, Георгий Петрович, начальник отдела охотнадзора. Толковый он человек, жизнь знает и в природе понимает. И вот что еще, я однажды его встретил в степи с иностранными орнитологами, которым он помогал изучать наших птиц.

— Знаю я этих орнитологов, — угрюмо ответил Степан, — они у нас много чего наизучали...

— Нет, они точно орнитологи, муж и жена, американцы, прибыли для изучения хищных птиц Байкала, ее звали Маргарет, а его уж не упомяну. Ну, такие, не от мира сего, — для пушей убедительности добавил Лешка и сделал круглые глаза.

Степан усмехнулся:

— Быстро ты научился птичьих глаза делать...

— Нет, это у меня от природы, — быстро ответил Лешка, будто знал, что о том его спросят. — Я думаю, Георгий Петрович от них знаний набрался, подскажет чего и как. Все равно ведь больше не к кому обращаться.

И Степан недолго собирался, завел мотоцикл, поехал в райцентр. В поселке нашел Георгия Петровича и убедился, что Алексей ничего не присочинил. И с иностранцами тот работал, и немало чего, пока их по степи возил, узнал, и сам после, увлекшись, что мог, про хищных птиц вызнал. А как о покалеченном соколе услышал, загорелся и тут же вызвался помочь.

— Ну, и повезло тебе, Степан, — сказал Петрович, расспросив каков из себя сокол, — похоже, балобана ты добыл. Они только кречету и уступают в силе и добычливости. Зато легче поддаются вынашиванию, не так своенравны и более уживчивы. Тут, у нас, они не только птицами, но и сусликами питаются, которых в степи расплодилось страсть. Так что прокормить его тебе труда не составит. А то и он тебя кормить станет.

— Да я не собираюсь с ним охотиться, хочу выходить, да отпустить на волю.

— А ты загодя не говори, мало как повернется, может и захочется испробовать соколиную охоту, — хитро прищурился Петрович, будто знал что наперед.

— Да это, поди ж, целая наука, что-то не знаю я, чтобы кто-то в наше время охотился с соколом.

— Наука не хитрая, но знать надо немало. Молодец, что не оставил сокола на погибель, в степи, с каждым годом все меньше и меньше их остается. Повытаскивали басурманы. Я, Степан, с того времени, как с учеными поработал, стал лучше понимать для чего они в природе обитают, — бормотал он, перебирая стопку книг и брошюр, — вот, нашел тебе литературу про уход за соколами, там есть и как их лечить. Тебе многое надо будет освоить, если хочешь сокола на крыло поставить. А времени у тебя нет, надо успевать лечить, а то потеряешь сокола. Это птица с характером, сразу не подступишься. На первый случай, дам я тебе уже готовые путцы для лап и колпачок ему на голову, кlobучком называется. Остались у меня после одного рейда. Привяжешь путцами сокола к перекладине, а кlobучок станешь надевать, когда к себе начнешь приучать.

Да, не поручай уход за соколом другим людям. У него должен быть один хозяин. И терпение — птица должна привыкнуть к тебе, но и не только, научи ее не бояться других людей, или собак, к примеру. Поначалу голоса, лай, разные незнакомые звуки будут пугать ее.

Крыло осторожно поправь и оставь заживать, смотри только, чтоб он перья не повредил, смачивай их водой. Я к тебе попозже заеду на базу, посмотреть на месте птицу, помогу с лечением, если надо будет, там и определимся, что с ней дальше делать.

Читал я в одной книге, за что особенно ценят балобанов в арабских странах, они с земли добычу берут, например, дроф, а то и джейранов, — и замолчал, увел разговор в сторону.

Степан слушал охотоведа, исподтишка поглядывая на него, дивился: за час с небольшим тот сумел передать ему самую суть всего узнанного от заезжих орнитологов и почерпнутого из книг, изученных им из одного лишь любопытства.

— Потом, если увлечешься, подскажу тебе как сокола выучить да на дичь напускать... Там я тебе брошюру положил по методике обучения соколов, может статья, пригодится, — сказал он, провожая его к мотоциклу.

И добавил, прежде, чем отпустить:

— Я тут вычитал недавно: охотник убивает не птицу, он убивает полет, — молчал и досказал, — и теперь знаю, что с каждой птицей в нас убывает воли и свободы, пространства в окружающем мире.

С таким вот странным напутствием и взялся Степан выхаживать и приручать сокола. И первым делом научился надевать (и снимать) ему на голову одним движением клобучок — сшитую из мягкой кожи шапочку. Клобучок лишал птицу зрения, смирял и утишал, лишал возможности самовольного вылета.

Крыло у сокола заживало быстро, он вполне освоился в заточении, ел и пил, уже не вскидывался, когда Степан заходил к нему, а вскоре осторожно взял с его руки корм. Степан и не заметил, как прикипел к соколу и стал отдавать забаве, как он называл уход за птицей, все свободное время.

Георгий Петрович, как и обещал, приехал, когда сокол уже свободно и сильно взмахивал крылом, пробуя его на крепость. Посоветовал приучить его к особому свисту, который бы сокол отличал от всех посторонних, а сам все ходил кругами да приговаривал: ай да сокол, ай да молодец, вот бы испытать его в деле. И уговорил Степана попробовать сделать птицу ловчей. А он уже сам ни за что не хотел расставаться с питомцем.

Петрович подсказал с чего начинать, и Степан взялся приучать сокола слетать с жерди и садиться на крепкой кожи перчатку. А через пару недель, когда птица совсем окрепла и начала легко перелетать с руки на присаду и обратно, вынес в поле. Но для подстраховки поначалу держал балобана на привязи — на тонком капроновом шнуре, смотанном на спиннинговую катушку.

Для приманивания отлетевшего сокола, вычитал он в книжке, мало было приручить сокола к особому свисту, необходимо было вабило, и Лешка помог ему смастерить его, приладив крылья, оставшиеся от лесного голубя. Получилось даже красивее, чем на картинках в ученой книжке.

И вот, наконец, решился пустить балобана в свободный полет. С птицей на руке Степан вышел на свободное место. Волнуясь, отстегнул на ногах путцы, снял клобучок и дал птице осмотреться. Не торопясь поднял руку и стал ждать. Сокол огляделся, встряхнул крыльями и уверенно слетел с перчатки. Далеко Степан его побоялся отпустить, позвал привычным свистом и выбросил вабило, от волнения неловко вращая его на шнуре. Но зря он тревожился, балобан развернулся, подлетел и вцепился в брошенную на землю приманку. И получил в награду кусок свежего мяса. Сокол не ворона, ест только свежий корм, голодать будет, а не станет питаться падалью.

Степан быстро уразумел, что дикаря не надо учить охоте. С лесными голубями, рябчиками сокол расправлялся стремительно. Едва Степан снимал клобучок, сокол кругами набирал высоту, падал отвесно вниз и бил добычу. Степан с восхищением наблюдал, как он, растопырив мохнатые лапы, тормозил в воздухе, подхватывал кувыркающуюся добычу или в редких случаях хватал ее уже на земле. Боец был не прочь поиграть, и часто устраивал представление: пикировал на жертву, проносился мимо, будто промахнулся, успевал вернуться и ударить насмерть. Так же лихо ходил он и над землей, выцеливая сусликов, и те и пискнуть не успевали, как оказывались добычей.

В один из ноябрьских дней, по первому снегу, Степан вышел с соколом на широкую лесную прогалину в поисках рябчиков. Шел не спеша, поглядывая, как в вышине описывает круги сокол в ожидании добычи. Зоркий глаз его замечал малейшее шевеление жертвы, прежде чем Степан успевал сообразить, в какую сторону глядеть.

Фррх, — с шумом и треском выломилась из частого кустарника большая черно-пестрая птица.

Балобан поставил хвост веером, приостановился, и на полусогнутых крыльях, наклонно бросился вниз по нисходящей, размазываясь в полете и становясь невидимым глазу. Степан стоял рядом и слышал лишь вибрирующий свист жестких перьев, переходящий в пронзительный трубный воющий звук.

Поднятая птица расправила крылья, вырвавшись из кустов на волю, и успела еще плавно и широко взмахнуть ими, как светлый проблеск ударил с неба, и она пала на землю, обреченно забилась в когтистых лапах сокола. Глухарь был в несколько раз крупнее сокола, но отбиться от него не смог.

— А что я говорю — боец! — проговорил Степан, выкладывая на стол добычу, — знатный будет ужин!

С того дня и появилось у сокола имя — Боец, и по-иному никто теперь птицу не называл.

Мужики с пониманием отнеслись к причудам Степана, тут уж кто на что горазд: один газетки почитывает, другой щенкам пузо щекочет. Лишь бы не засмуть от однообразия жизни.

Степан, вольготно прогуливаясь с соколом на руке по осеннему лесу, невольно сравнивал жизнь птиц и людей, обитающих в одном пространстве, но так по-разному. Размышлял: у человека, с туго спеленутым чужой волей разумом, теряется вековечное стремление быть свободным, чувствует он лишь, как властная рука мягко, но настойчиво оглаживает, придерживает его — не лети.

И понимал, что человек нынче видит лишь на расстоянии вытянутой руки, превратную картину мира. Искажающая жизнь линза телевизора вводит его в заблуждение и еще теснее, плотнее надвигает непроницаемый клубочок — не видь, не знай, не смей, сиди, поклевывай зернышко, если оно тебе будет дано.

И все же сокол ушел от него, тогда, когда Степан уверился, что никуда тот уже не денется, когда казалось, что он стал совсем ручным. Благополучно перезимовав, балобан в один из мартовских дней сорвался с привычного круга в небе, косо и неудержимо пошел в сторону, к старой разлапистой сосне, стоящей у самой вершины скалистой горы. Оттуда настойчиво неслись призывные крики на соколином языке. Так кричат долго искавшие тебя родные люди.

Степан читал, что соколы никогда не меняют спутника жизни. Но не верил, что соколиха сумеет отыскать суженого через столько времени. Как не знал, отлетала ли она в теплые края или в одиночестве зимовала в заснеженной тайге.

А чуть позже узнал, что в это время приходит пора им гнездиться и выводить потомство. И как только соколята становятся на крыло, их перестают кормить и решительно выпроваживают из отчего гнезда, завоевывать свое пространство. У людей так тоже бывает, как говорится, пожалте бриться.

Скучал Степан по своему соколу, привязался всей душой, не хватало ему этой тяжести на руке, радостного шевеления птицы от предстоящей охоты, свиста воздуха, рассекаемого крыльями, и пронзительного взгляда черных глаз. Но и понимал, что ничем не смог бы удержать Бойца подле себя, в теплой клетке, соколу нужна была свобода, нужна воля, никем не прерываемый полет. И смирился с потерей.

Глава 6

— Где-то тут коробка лежала со снастями, что мне городские оставили, — глухо произносит Степан, ни к кому конкретно не обращаясь, так, словно и голос его побывал в том мелькнувшем зазеркалье.

Из темного угла доносится удивленное хмыканье, сдобренное звучным глотком горячего чая. Лампа моргает, потрескивая фитилем, колышет на стенах густые причудливые тени.

— А на кой они тебе сдались, — высовывает голову из-за печки Савелий, и его изборожденное морщинами лицо выражает крайнее изумление, — ты что, знаешь, за какой конец удильника браться?

Степан не отвечает и нетерпеливо постукивает пальцами по столешнице — вот ведь человек, что в голову втемяшится, непременно исполнит. Теперь, когда гости уехали, Савелий строит из себя обиженного, из-за того, что это не ему они подарили такое богатство. И так и сяк, бочком и напрямую, подбирался приبلудный к гостям, намекая, чтобы те взяли да оставили ему дорогостоящие снасти. Хотя, к рыбалке был не охоч, но что-то сорочинное было в его натуре — не мог пройти мимо блестящего и заманчивого.

Степан же к городским не приставал, ничего не выпрашивал, а поди ж ты, взяли да отвалили ему две катушки лески, коробку с искусственными мушками и крючками, а в придачу — пару готовых снастей. Теперь приبلудный как бы намеревался выпросить у него даренное.

— Рыбак рыбака видит издалека. На полке глянь, днем там лежала, — невозмутимо подсказывает Алексей, прихлебывая чай.

В этом неспешном течении здешней жизни, от которого с непривычки обмирало сердце, один Алексей чувствует себя как рыба в воде. Все ему сподручно, все ему нипочем. И даже кабала, кажется, особо не тяготит, как-нибудь и от нее избавится. Степан давно отметил, что ему даже любое маломальское заделье в радость. Работа для него спасение и отрада. В отличие от Савелия и Василия, которым что бы ни делать, лишь бы не делать.

За прожитую жизнь он сумел хорошо усвоить, что в любом народе заключена немалая толика людей, которым труд противопоказан. И даже вреден для окружающих. Им и самая завидная работа не по нутру. Какие деньги ни предлагай, станут отлынивать. Им интересно вдаль бесцельно брести, ни о чем не думая, ни о чем не сокрушаясь, и желательно выпивши.

Савелий и не скрывал, что тошно ему быть работающим человеком. «Вот дождусь тепла и стронусь с места, при деле я себя личностью перестая ощущать. Бездельник мое призвание!». Ну что тут скажешь, лишь руками разведешь. Уродила мама, что не примет и яма. Правда, так он говорил каждый год и все не мог стронуться с места.

Степан поднялся, дотянулся до полки, снял пластмассовую коробку и выложил на стол катушки лески разной толщины, готовые снасти, намотанные на узкие картонки. Отдельно рассыпал крючки на клеенке. И принялся внимательно рассматривать под светом керосиновой лампы подаренные мушки. До того аккуратно, прочно и красиво вязанные, сразу видно, что мастер делал. Но опытным глазом сразу же отметил, что ни одна из них не годится, и именно из-за своей красоты. Слишком искусно, слишком мастерски сделанные, они хорошо смотрелись бы под стеклом на витрине.

И вдруг почувствовал такую знакомую давно забытую дрожь в руках и нетерпение, и желание рыбалки. В детстве он был страстный рыбак, и были те времена славными, прежде всего одиночеством, которое на рыбалке настигает каждого, кто к нему предуготовлен, даже если он рыбачит в компании друзей. Да что попусту бередить душу воспоминаниями.

— Тю, что это за чудовины такие, — возникли из полутьмы руки Алексея и принялись искривленными работой пальцами перебирать мушки, — дай-ка посмотрю, на что городские рыбу ловят.

Он так и сяк вертел их перед глазами, подносил близко к стеклу лампы, пытался насквозь пронизать их светом, клал на язык и зачем-то нюхал.

— Это не «мухи», а горе рыбацкое, — вынес, наконец-то, свой приговор. — Я таких тебе за час полсотни наверхчу, а каких надо, чтобы вся рыба была твоя — уволь. Только если захочу. Не признаю я эту подледную рыбалку. Детские забавы, вот бывало, выйдешь на боте в море... — мечтательно договорил он, и, казалось, потерял всякий интерес к разговору.

— Ты уже однажды вышел и зашел, до сих пор очухаться не можешь, — донесся голос Савелия.

— Дал бы я тебе по кумполу, приبلудный, да командир не позволит, — покоился Алексей на Степана, и он по его взгляду понял, что наедине точно бы дал.

Степан, вспоминая хитрую науку вязания мушек, тем временем накрутил на крючке незамысловатое насекомое из шерстянок.

— Смотри-ка, получается, — фальшиво воскликнул Савелий, — только верно говорю — пустая снасть выйдет, не поймает ничего.

— Не говори под руку, — откликнулся Степан, — сам знаю. Вспомнить надо, подзабыл, давно этим делом не занимался. Придется перевязывать, но чувствую — тут другой материал нужен.

— Охота пуще неволи, правда твоя, найти бы где материал табачного цвета, вот из него такие «мухи» получались, рыба удильник из рук рвала. Старики сказывали. Эх, были же времена, — морщит лоб Алексей и вспоминает. — К нам бы сюда моего кота доставить.

— Кота нам только и не хватало, — тут же несется ехидное замечание с лавки.

— Что ты понимаешь, — не поворачивая головы, пренебрежительно отвечает Алексей на глупое замечание и частит: — Кот у нас был знатный, редкостного пепельного окраса. Отъелся, как барсук, на дармовой рыбке. И вот как-то знакомые мужики заночевали у нас, их «камчатка» недалеко от поселка находилась. Но что-то у них не заладилось, вроде и подход рыбы есть, другие понемногу, но ловят, они же за два дня три хвоста, остальные ширки. Вечером вернулись усталые, злые. За ужином долго спорили, на какую «муху» омуль станет завтра брать. До хрипоты от расстройства, что не удастся обрыбиться как следует. А один из них, молчун такой, сидит себе в сторонке и кота нашего задумчиво гладит. Потом хватъ ножницы и выхватил клок шерсти. Подпустил кошачью шерсть в мешанку из шерстяных ниток, в общем навертел «мух», наслушался насмешек, а назавтра они каждый по мешку омуля взяли. С тех пор кот наш стал знаменитостью, одна беда, как время подледной рыбалки, почти что голый ходит. А нам что, не жалко его шубы для хороших людей, нам тоже от них щедрот перепадало. Особенно коту.

— Так есть запас подходящего материала или нет, — поднял голову Степан и встретился с веселым взглядом Алексея. — Завтра на лед пойду, на прикормленные лунки, мужики не одно ведро бормаша истратили, чего ж добру пропадать.

— Вот теперь верю, — ответил тот, — а то все сомневался — такой серьезный мужчина и ну, баловать. Где-то, что-то у меня было, — отправился он в темный угол. Пошурудил там, разгребая рухлядь, и скоро выудил замызганный сидор. С трудом развязал наглухо затянутую высохшим кожаным ремешком горловину, достал из него большую круглую жестяную банку, в которых рачительные хозяйки

обычно держат всякую всячину. Свинтил проржавевшую крышку и опрокинул содержимое на стол.

— Владей, — с торжествующей ноткой сказал он Степану и разворошил на столешнице мятые разноцветные лоскутки тканей, клубочки шерстяных и синтетических нитей, медной и латунной проволоки, обрывки пряжи и связанные в пучок тонкие телефонные провода, пестрые птичьи перья и еще невесть какой хлам. — Дед говорил, что лучше всего омуль идет на шерстянку от японского военного кителя, да где ж его теперь взять, перевелись у нас пленные самураи.

Степану одного взгляда хватило, чтобы оценить все это неожиданно свалившееся богатство — вся эта на первый взгляд рухлядь подбиралась долгими годами, и стоила немало стенаний женщинам, у которых периодически отрезались полоски косынок, платков, подбирались и навсегда исчезали лоскуты ткани, катушки ниток и еще много чего, необходимого в женском рукоделье.

— Глазам не верю, где ты все это взял? — только и нашел что сказать Степан, а руки уже перебирали, раскладывая по кучкам нужный материал.

— Где взял, где взял, — гоголем прошелся по комнате Алексей, — прошлой весной на берегу нашел, видать, попали рыбачки в переплет, их вещички и разметало по льду ветром. Хотел было выбросить за ненадобностью, а видишь, оно в хозяйстве и пригодилось.

И молча стал наблюдать, как Степан деловито пушит зубной щеткой ткань и шерсть.

— Ну, пошли клочки по закоулочкам, — не выдержал он и вытянул обломанными ногтями жесткие шерстинки из кусочка барсучьей кожи, — держи, усики приладишь.

Но долго он без дела не просидел.

— Дай-ка мне вот тот крючок с коротким цевьем, — попросил он Степана, а руки его уже с необыкновенной ловкостью выуживали из спутанных клубков единственно нужные ему нити. — Я тебе сейчас такую «муху» сочиню, ни один хариус мимо не пройдет.

Степан из-за его плеча удивленно наблюдал, как быстро снуют его потрескавшиеся от черной работы пальцы, безошибочно находят нужные клочки шерсти: цвета листового табака, темной зелени, морковного, кумачово-красного. Алексей сноровисто раскладывает, разглаживает и перемешивает, то добавляя, то убирая лимонные и белые нити. Наконец, удовлетворенно хмыкнув, тонким ровным слом накладывает мешанку на голый крючок от сгиба до самого ушка и накрепко приматывает капроновой нитью. Не забыв приладить усики из барсучьей шерсти.

И тут же берется за следующую «муху» и трудится над ней с особым тщанием, пояснив, что та, первая, получилась неплохо, но нужна была для разминки и развития воображения, а вот эта должна случиться.

Незаметными стремительными движениями выхватывает из приготовленного материала пряжи невообразимых оттенков, перевивает их серебряной нитью расплетенного старого офицерского погона, на мгновение задумавшись, отхватывает ножницами от кусочка меха ондатры и пристраивает особенные мягко изгибающиеся золотистые усики. Положив на столешницу, трогает мушку пальцем и разводит руками — не получилась.

И вновь его руки колдуют над пестрым материалом. Терпения ему не занимать, несколько раз принимался за намотку, бросал и начинал снова, добываясь одной ему известной округлости и плотности туловища, пока решительно не оборвал и

не заделал кончик зеленой шерстяной нити. Но что он подмотал внутри, Степан не смог уследить даже своими быстрыми глазами. Закончив работу, Алексей легкими бережными движениями расчесывает «муху» зубной щеткой, сует в рот и, смочив слюной, подносит к лампе, на просвет. Наконец, кладет на ладонь, удовлетворенно хмыкает и подносит к глазам Степана.

— Глянь-ка, ползет, зараза...

И Степану кажется, только что на его глазах сотворенный рачок пошевелил усиками. Сквозь табачную зелень брюшка просвечивали оранжево-красные внутренности, пробивались краповые темные включения и еще что-то таинственное и живое, несомненно, привлекательное для хищной рыбы.

— Мастак, — восхищенно протянул Степан, понимая, что такую лакомую приманку ни в одном рыбацком магазине не купишь.

— Верняк, что рыба подойдет, городские все дно забормашили, — оживленно бормочет Алексей, запихивая остатки своего богатства обратно в коробку. — Ты на льду к скале жмись, там весь хариус с утра кучковаться станет. Да, поутру не забудь у крыльца валенок прихватить, я в него остаток бормаша вывалил, он еще шевелится, — и торопливо договаривает, будто сам ни свет ни заря отправляется на рыбалку: — Я бы сам с тобой наладился, да зарок дал...

Смотрит голодными глазами на заманчивые мушки, принимается вязать их на поводки, и внезапно меняет свое решение.

— А что, вот возьму и пойду, я что, не хозяин своему слову? А хозяин, захотел, дал зарок, захотел, взял обратно. Эх, под кем лед трещит, а под нами ломится.

И, ободренный принятым решением, царственным жестом достает из сидора пару корявых, крепких, по всему виду сработанных из кедра, коротких удилиц. И подмигивает — знай наших!

Степан глянул в окно, магнитом притягивающее его взор, черная ночь смотрела из него бездонными соколиными глазами.

— Ну, все, хватит вечерять, вы тут закружляйтесь, а я к себе пошел, отсыпаться, — коротко кивнул он на прощанье. — Завтра всем выходной, кто захочет со мной порыбачить, подъем ранний.

И торопливо ступает за порог, чувствуя, как начинает ломить виски и в ушах нарастает шелест скрипучего винта. С тоской думает, что ему уже никогда не избавиться от этого вкрадчиво шелестящего шума, похожего на звук ползущей в сухой траве змеи.

В такие минуты Степан чувствует себя старым, таким старым, что, кажется, перестал бояться самой смерти. Спасительный страх, который он всегда имел при себе, улетучивался, исчезал, уступая место равнодушию и пустоте — а на самом деле подменялся изматывающей организм тупой болью.

На крыльце в ноги ткнулись щенки, и он не удержался пощекотать теплые тугие брюшка лаек. В ночи загрохотали цепями, заскользили металлическими кольцами по проволоке, и вот уже совсем рядом забухали густым басом сторожевые кавказские овчарки.

Степан не то чтобы недолюбливал волкодавов. Но лайки были больше ему по сердцу, ближе, что ли, не то что эти цепные псы ростом с теленка, способные взять, да ни с того ни с сего перекусить руку человеку.

Весенняя ночь сотворила иной, особый, отличный от дневного мир. И в нем Степану было привычно обитать в одиночестве, которое вдруг стало отставать от него. Полной тьмы здесь никогда не бывало: из-за сопки струился рассеянный

потаенный свет, казалось, от самого уже напитанного солнцем байкальского льда исходило призрачное белое свечение. Мгла властвовала лишь у самого подножия скалистых гор. И там угрюмо теснились оцетинившиеся от долгих морозов сосенки и лиственницы. Ветер, стихнувший у земли к ночи, неслышно плавно оглаживал голые горные вершины, изредка выказывая свою силу тонким протяжным посвистом в трухлявом камне.

Степану показалось, что ветер принес тепло, и он, расправив плечи, полной грудью вдохнул свежий воздух. Запахи талого снега, белеющего под кустами багульника, древесной коры, печного дыма пробудили в груди какие-то щемящие желанные сердцу воспоминания. Но лишь на мгновение, и вновь к вискам прихлынула свинцовая тяжелая волна. Боль была привычной, он давно научился терпеть ее и не выказывать людям.

Степан шел по каменистым тропинкам, обходя все свое хозяйство, преследуемый по пятам щенками. Свежесрубленные из круглого леса домики смутно белели в темноте. И лишь в одном из них, где вечеряли его невольные товарищи, окна светились мутным неровным светом.

Он шел осторожным шагом к своему жилищу, полной грудью вдыхая пахучий воздух, макушкой ощущая невообразимую бесконечную звездную глубину, и в то же время чувствовал, как не сводит с него глаз, слушает каждый его вздох тайга.

Под ногами все так же путались, бестолково повизгивали кудлатые лаечки — от радости, что вот вместе с человеком храбро идут они по страшной ночи. И ему тоже становилось хорошо идти в этой нетронутой тишине, слышать щенячьи шорохи, похрустывание проламывающегося под ногами ледка подмерзших луж.

Степану, прожившему этот очередной обыкновенный день, подумалось, что человек ко многому может привыкнуть и еще более вынести, если не пал духом, и ему есть чем жить.

И вместе с этим пришло понимание, во всей своей полноте, потрясающее простотой и непостижимостью одновременно: в вере наше спасение.

Степан замедлил шаг и вовсе остановился, испугавшись, что из души вдруг исчезнет тепло, которое принесло это откровение.

ПОЭЗИЯ

САДИГ МАМЕДОВ

«Верьте и ждите! Я скоро вернусь...»

Посвящается Диме Константинову

А на войне — совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
И превратилась в кровавое месиво
В первом бою половина лица.

Кто-то взывает молитвенно — Отче наш,
Кто-то — к Аллаху, как вспыхнет заря:
Только бы это когда-нибудь кончилось,
Только бы это всё было не зря...

МАМЕДОВ Садиг Сардарович родился в 1997 году в городе Иркутске, живет в поселке Горном Иркутского района. Магистр кафедры Политологии, истории и регионоведения Исторического факультета ИГУ по профилю «Административное управление». Занял III место в Областном конкурсе «Лето поэта», проводимом Иркутским региональным отделением Совета молодых литераторов Союза писателей России. С конца 2021 г. служит по контракту. С 24 февраля 2022 г. участник СВО (высадка десанта в аэропортах Антонов и Гостомель, бои на Донбассе). Участник литературной студии «Азь-Арт» Иркутского Дома литераторов, член Иркутского отделения Совета молодых литераторов СПР. Публиковался в Литературном журнале для молодежи «Азь-арт» (Иркутск) и Литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет» (Иркутск).

* * *

Мой потрёпанный бушлат,
Отогрей во время стужи.
Сухпаёк, составь мне ужин,
Голодуха чтоб ушла.

Мой товарищ, верный друг,
Не покинь во время битвы.

Материнская молитва,
Укрепи десантный дух.

Пуля, не застрянь в боку.
Кость, не вывернись до хруста.
Мой металл — свинцовый сгусток,
Череп просверли врагу.

* * *

Непривычно в мирной жизни.
Рваный китель ты зашей.
На него от мин, снарядов,
Разрывающихся рядом,
Капля красная не брызнет —
Кровь не хлещет из ушей.

Непривычно в мирной жизни.
Не стоишь плечом к плечу
С командиром под обстрелом,

Ходишь, не пригнувшись, смело.
Что писать? Слова излишни —
Пасть от пули не хочу.

Но от падали фашистской
Украину и Донбасс
Кто очистит по приказу,
Чтоб не допустить заразу
Никогда в Москве и Минске?
Кто, скажите, кроме нас!?

Памяти Дениса Овсянникова и Игоря Иванова

«Воздух!» Быстрее бежать до укрытий.
«Воздух!» Команда, которая бьёт.
«Воздух!» Которую мы ненавидим
Из-за осколков, секущих живот.

«Воздух!» Команда заставит нас даже
Двигать ошметками взорванных стоп.
«Воздух!» Команда наглядно покажет,
Как глубоко нами вырыт окоп.

Бум! И солдат окровавленный стонет.
Бум! И за миною мина летит.
Бум! И горит, и трясется Гостомель!
Ранен — трёхсотый. Двухсотый — убит.

Дайте в ответ побомбить по уродам!
Координаты комбат указал,
Тут же приказ: «Расчехлить минометы!»
Тут же приказ: «Подготовиться! Залп!»

К бою расчёт подрывается резко.
К бою! Наводчик наводит прицел...
Только б одну написать «эсэмэску»:
«Мама, я жив. Мам, я всё ещё цел».

* * *

Дождли восход просветы утра. Дождливо с самого утра. Я вспоминаю — как там Нура, Моя любимая сестра?	Пробьётся между облаками Кусочек неба голубой. И что бы ни случилось с нами, Поверь, твой брат всегда с тобой.
---	---

* * *

Солёный воздух, неба купол Пронзает взрывчатый металл. Вздыхает шумно Мариуполь, Он так же, как и я, устал.	Цветущие кварталы выжег Дотла РСЗО-злодей: Торчат осколки, словно грыжи, Из позвончиков людей.
Встаёт светило на востоке, Тела погибших осветив, И крови алые потоки стекают в Керченский пролив.	В могилах трупы. В небе — тучи. Ещё раakitник не порос. А сколько горьких, сколько жгучих Над ними будет литься слёз...

* * *

Осень. Вечер. Небо. Звёзды. Запах дыма — выдох, вдох... Я как будто — меньше ростом, Я как будто бы оглох,	Ослеплён упавшей миной, Мир — осколками в груди. Я контужен Украиной, И такой я — не один...
---	---

* * *

За мною два крылатых стража Повсюду следуют, и хоть Порой бывает очень страшно, Я верую — со мной Господь.	Родную землю защищая. Но знаю я — со мной Господь. И каждый день волнение гложет, В надежде страхи побороть, Взываю к Небу. Слышит Боже. И говорит: «С тобой Господь».
---	---

Лишь под обстрелом ощущаешь,
Насколько уязвима плоть,

* * *

В сраженьях голову сложить И вознестись до райских врат! Но не спеши — ты должен жить, Российской армии солдат.	Ты — гордость Родины святой, Ей больше некому помочь. Но помни: ждут тебя домой, Склонясь в молитвах день и ночь...
--	--

* * *

Листик осенний — корабликом в луже, Письмами к дому родному нагружен: «Сёстры, отец и любимая мать, Надо не плакать — лишь верить и ждать.	Да, прилетают снаряды из градов, Да, на войне я, но плакать не надо. Листик домой отправляется пусть: Верьте и ждите! Я скоро вернусь!»
---	--

* * *

Видна из-под воротника,
Врезается тельняшка в горло.
Косая ляжка от АК
Полоску на броне натёрла.

А где-то далеко сейчас,
Где дом родной, — не жизнь, а сказка...
На выступ ногу — и в КамАЗ,
С плитой от миномёта, с каской,

На плечи закрепил портплед —
Внутри лежат четыре мины,

И выхода как будто нет —
В башке играет песня «Сплина»,

Но выход — вот он, в пустоту
Из самолета смотрит люто,
Тяни за эту и за ту —
Как прыгнешь — стропы парашюта,

И приземлишься даже на
Замёрзший полюс ты немедля,
И батарейный старшина
Вслед проорет: «За ВДВ, бля!»

9 Мая

«— Летите, летите, родные мои,
И бейте их сотнями, бейте проклятых!
За нас не волнуйтесь, ведите бои,
Бомбите! Ещё! Не жалейте снарядов!

С соседкой мы слушаем яростный гул
Советских моторов, которыми вспорот
Мучительный морок, и в нём же — тонул
Фашистским отродьем измученный город.

Кипящая лава эмоций в груди:
Восторг, пожеланье успеха пилотам,
Тревога за мирных... и «номер один» —
До бешенства злоба к зенитным расчётам!

— Поймали! Мой миленький, родненький мой!
Лучами прожектора немцы прильнули
К серебряной ласточке с красной звездой,
И к ней полетели зенитные пули...

— Соколик мой, золотце, выше взлетай!
Наверх поднимайся, скорее, скорее!
О, Господи, сжался, не нужен нам рай,
Ты лишь подними его, скрой от злодеев!..

Ушёл мой соколик, ушёл невредим...
Я слушаю эти молитвы и знаю,
Что мы непременно в войне победим...»
Отцы победили 9 Мая!

АЛЕНА ШИПИЦЫНА

Мятный шоколад. #мамасашиикати.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

Часть 1

* * *

Когда ребенку полгода, год и даже три, мы нередко обесцениваем его способности: «он еще маленький», «он же ничего не понимает», «не обращайтесь на него внимания, все равно ничего не запомнит». На самом деле рядом с нами растет настоящий Большой человек. Его мир сейчас гораздо увлекательней нашего, он видит то, чего мы не видим, замечает то, на что мы уже перестали обращать

ШИПИЦЫНА (Иванке) Алёна Викторовна — прозаик, поэт. Родилась в деревне Улзет Аларского района Иркутской области. В 1997 г. окончила Аларскую среднюю школу, в 2001 г. получила диплом учителя русского языка и литературы. На данный момент является студенткой ИГУ (ИФИЯМ), специальность «Журналистика». Работает учителем в школе № 66. Стихи опубликованы в журналах «Юность», «Сибирь», «Байкал», альманахах «Иркутское время», «Зелёная лампа», «Образ», сборнике «Вещество». Первые пьесы опубликованы на сайте «Время драмы», рассказы — в журнале «Байкал», «Сибирь». Автор сборника стихотворений «Вовремя» (2012), составитель сборника «Аларь — долина мудрых песен» (2017). Участница фестиваля им. А. Бельмасова (Ленинск-Кузнецкий, 2016), вошла в длинный список премии «Славянская лира — 2017» (Белоруссия) и шорт-лист конкурса «Интерреальность — 2017» (Украина). Живёт в Иркутске.

внимание. Не нужно отнимать у него этот мир, навязывая свой опыт. Пусть исследует, познает и делает свои выводы. Нам повезло, что этот Человек выбрал нас в качестве родителей, позволил стать его друзьями и спутниками в его большом счастливом жизненном пути.

* * *

- Катенька, ты чей ребенок?
- Папанэй.
- А еще чей?
- Маманэй.
- Ты так интересно говоришь. Это на каком языке?
- На пэтымэнэсскоэм.

* * *

- Открытие дня.
- Вадаязик — это дьюгой касманафтик.

* * *

- Катенька, скажи «л».
- Вэ. Вапка!
- Скажи «лисичка».
- И. Исичка!
- Ну, скажи уже хорошо эту «эл».
- Эл — лыба!

* * *

— Эта тень больше никогда к нам не вейнётся. Она бежала-бежала за нами, бежала-бежала. Тепей мы будем виноватые.

* * *

- Мы ето куда пьехали?
- На Байкал.
- А на Балкале чего есть?
- Природа, воздух, красота. Ты же много раз на Байкале бывала.
- Я на дьюгом. А как етот называется?
- Зуун-Хагун.
- Надо позвонить папе, сказать, что мы в какую-то Зуухалду пьехали. Будет фоть знать, где нас медведи съели.
- Почему ты думаешь, что они должны нас съест?
- Ну, может, мы еды с собой не взяли, нам их покоймить нечем.
- Думаю, что здесь нет медведей. Видишь, домики стоят, люди живут. Магазин есть, можно купить продуктов.
- Тогда пошли в магазин. Я люблю подайки-подаячки и маёжену. И медведяф будет, чем покоймить.

* * *

— Мам, на улку, гуать.

— Как же мы пойдем, ночь на дворе, мы в диком месте, вдруг нас волки украдут.

— Фочу гуать. Идем ночью.

Капризничает. Выходим из гостевого домика, на улице темно, кое-где тускло светятся окна и разноцветным неоном переливается вывеска на магазине.

— Что, идем дальше? Не страшно тебе так гуать?

— Идем, только тифонечко. А то волки пьидут.

— Не только волки, еще и чайки. И, может быть, где-то медведь ходит.

— Мамочка, здесь дико?

— Дико.

— Нет уж. Давай вейнемся домой.

— Ну, как же, ты ведь никого не боишься, по ночи гуать хочешь.

— Я фочу. А вдьюг нас волки съедят. Дикие люди подумают, что мы пьесто с тобой заблудились. Что же мы им тогда скажем?

* * *

В магазине:

— Девочка, ты к нам отдыхать приехала?

— Нет, не к вам, я у тети Аюны жию.

— Ух, какая ты шустрая, а как тебя зовут?

— Катенька.

— А это твоя мама? Как маму зовут?

— Матвей Егоявич.

Продавцы и покупатели заливаются смехом.

— Как, как? Мы, наверно, не расслышали. Маму как зовут?

— Съто ипанятава! Матвей Егоявич. И никакая ни феечка, ни юсалочка, ни свадкая девочка!

— Может быть, я твою маму себе заберу, — говорит бородатый дядя.

— Нет, тойко не это. Пасятьите, это не мама, это кот. Кыс-кыс, котенька, мы уфодим.

* * *

Наша деточка полюбила сказки.

Можно не кормить, не поить, весь вечер сказки рассказывать. Среди всех стала выделять Красную Шапочку и просит ее на десять кругов пересказывать.

Чтобы сказочка подольше сказывалась, решила я прибегнуть к одной хитрости:

— ...напекла мама пирожков с брусникой, малиной, клубникой, черемухой, грибами...

— Какими?

— С маслятами, сыроежками, рыжиками, белыми, подосиновиками, волнушками, опятами...

— Еще с чем?

— С рыбой, с мясом, со шкварками и жареным луком, с яйцом и зеленым луком, с творогом, с изюмом, с черемухой, с повидлом яблочным, с повидлом абрикосовым, с вишневым.... Пришла к бабушке и принесла ей пирожки с картошкой, с капустой, с пшеном, с морковкой.

А потом так же перечисляем, какую бабушкину одежду и аксессуары волк на себя нацепил, и какие части тела перечисляла внучка в своих бесконечных вопросах.

— Мамочка, пусть Шапочка съест, пациму у бабушки такие бааааашии ногти, а пациму у бабушки такой наетый пуузик, а пациму у нее такой дынный носик, а пациму у него шейсть на мойдочке, а пациму он такой стьянный?

Хорошо, что не спрашивает, какой транспортной компанией эти семь кубов пирожков были доставлены, откуда у Шапочкиной мамы столько финансов на гостинцы и кому собирались такую прорву скормить.

Это мы вам еще про Репку не рассказываем!

* * *

— Папа, у меня молда липкая.
— Почему морда, личико ведь.
— Это у девочки личико, а я дикая кошка!

* * *

— Мы едем в Дом вынтелятоёв, мы едем в Дом вынтелятоёв!
— Куда вы едете?
— Мы в Дом вынтелятоёв. Там живут писатели. Они делают итиятую.

* * *

Услышала, что по телефону я сказала: «Хорошо, я передам это мужу».
— Мама, а как зовут твоего мужа? Почему ты нас с ним не познакомила?
— Ты с ним знакома, это же твой папа.
— И вы от меня скбиваете?

* * *

— Покажи меня — лялю на хадагьяфии.
— Вот. Ты такая малюсенькая была, такая пупсеночка.
— А тепей стала я девочка побольше. Когда ты уставала меня в животике носить, я к кому пеелаживала?
— Ни к кому. Так у меня и сидела.
— И тебе кушать нельзя, спать нельзя, даже попыгать нельзя было? Скучная тебе жизнь досталась, мамочка. Я выясту и тоже буду скучать — тебя в пузике носить.

* * *

— Мама, посмотри, у меня невидимый костюмчик.
— Где?
— Так вот.
— Я не вижу.
— Я тебе и говою, что невидимый.

* * *

Я певица танцевальная. Я танцую так кьясиво, как коёва.

* * *

- Где у человекав добыята?
- Доброта, думаю, в сердце... в душе.
- А маме помогать — это добыята?
- Конечно. Хоть кому помогать — это доброта. Заботиться — доброта.
- А злость победит?
- Никогда. Потому что мир создан с добротой. В нем все устроено так, что побеждает только доброта.
- А куда пойдут злые, котолые в мультиках?
- Они так и останутся в мультиках, потому что это их мир. Но они никому не причинят зла, ведь в сказках всегда найдется добрый герой, который всех победит.
- Тогда я тоже буду добрым гелоем. А ты?
- И я тоже.
- Ула-а! Мы вместе!

Часть 2

* * *

- В детском саду колбаску дают?
- Думаю, что нет.
- Ладно, дома покушаю. А мёд там есть?
- Скорее, нет.
- Ну, я и без него куда-нибудь влипну.

* * *

- Папа, посмотри, вот они и прилетели.
- Кто?
- Ипутянины. Чудненькие, зелёненькие. И зовут их Алёночка-мамочка.
- Почему мама инопланетянин?
- Папа, ты меня удивляешь. Ну, какой из мамы землянин? Ипутянская мордочка, ипутянские глазки. Может, с Марса, но я могу ошибаться.

* * *

- Все детки рождаются у своих родителей. У тебя есть две бабы, для мамы с папой они — мамы.
- Ты у Вали родилась?
- Да.
- А папа у Михалны? У Лиды Михалны ведь? Не у Аллы?
- Алла — папина тётя.
- Вот ещё! У них тётя есть, оказывается. Может, у вас ещё дяди и дедушки завалялись?

— Не завалялись, но дяди есть, а дедушки были.

— Вот это семья! Вот это семья! Всем здесь место найдётся. А я думаю, можно ли медвежонка завести? Конечно, можно!

* * *

— Купите мне полицейский костюм. Кепочку полицейскую, курточку полицейскую и палочку с белыми и синими полосками. А маме купите преступниковый костюм — платье такое специальное. А бабе халат преступниковый. Бабы ведь в халате хулиганят.

* * *

— Яблочко разрежь на половинки, потом ещё на половинки и потом на кусочки. Банан просто кружочками порежь. И разложи на тарелочке так, чтобы я поняла, что это фантастическая вкуснятина.

* * *

Катенька ругается:

— Мама, почему ты сдвинула мой пластилин? Я же его по цветам разложила. Ах, какая ты прелестная, солнышко лучистое!

* * *

— Сегодня мама устала на работе, папа, давай, будто мама наш пациент. Мы её полечим, витаминами накормим, уколы в живот поставим и в голову можно, а ещё в руки, в ноги, в спину... Она сама так уснёт. Если не уснёт, мы споём ей добрую песню.

— Может быть, мы её пощадим и не будем ставить так много уколов?

— Тогда она не вылечится, так и будет больная.

— Она же не больная, устала просто.

— Тогда давай пациента бодрить. Вот, смотри, пациент с утюгом идёт, что-то задумал. Давай его напугаем?

— Думаю, не стоит, мало ли чего он там задумал, ещё и с утюгом.

— Ой, он гладит моё платье. Вдруг он все вещи переглядит?

— Притворимся, что ничего не замечаем, пусть гладит.

— Ой, на кухню идёт, зачем-то ему понадобилась свёкла.

— Притворимся, что ничего не замечаем, пусть готовит.

— Ой, он идёт сюда. Ну, всё, папочка, мы с тобой попали, сейчас он нас усыплять начнёт. Надо было сразу лечить, пока ещё не такой дикий был.

* * *

— Что это в коробочке растёт?

— Клубничка. Новые сорта.

— Зачем нам новые сорта?

— Чтобы был большой выбор — ягодки крупные, мелкие или гигантские, сладкие или с кислинкой, для варенья или для джема. Ещё и разного цвета.

— Ну, и зачем тогда нам мясо? Нам же его есть некогда будет, пока все сорта ягодки перепробуем. Ты же ещё палбюбиху посадила.

— Облепиху.

— Всё равно не мясо.

* * *

— В саду у нас каша вкусная, сладкая, без мух.

* * *

— К нам в группу приходил доктор, смотрел горло. У Алисы красное, у меня белое, а у Дианки синее.

— Синее тоже бывает?

— Любое. Но белое лучше. Без проблем.

* * *

Девятилетняя Оля трёхлетней Кате:

— Ты устала? У тебя уже мешки под глазами.

Катя:

— Нет у меня мешков. Никаких мешков у меня нету! Ты хоть видела мешок? В нём лук, картошка. Посмотри на меня, такую маленькую девочку, я же меньше мешка.

Оля:

— Надо же, возмущается ещё, такая малявка, а такая сердитая.

Катя:

— Оля! Ты хоть видела сердитых? Вот соседский дед с палкой сердитый. Или баба Гуся из Сониного дома сердитая. Ещё дядя с большой бородой — Карабас, вообще-то. Они сердитые. А я такая милая, такая чудесная девочка. Сама на себя никак не налюбуюсь.

Оля:

— Всё, всё, сдаюсь. Тебя не переспоришь. Ты, наверное, и читать уже умеешь?

Катя:

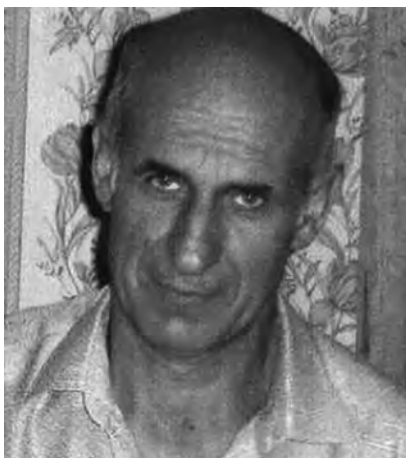
— Ты что, Оля! Мне же всего три годика. Я недавно родилась. В пузике у мамы сидела. Я же ещё пюрешки кушаю. И волосики, видишь, ещё не очень длинные, кудрявые только. Я ещё сама не умею на машине ездить. И даже посуду мыть не научилась. Ты что, Оля! Конечно, я умею читать. Любую букву — пять, два, па-англисскам.

* * *

— Мама, каждая принцесса превращается в тыкву, если попьёт тыквенного сока?

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

«Крещеньем наш отмечен день...»

* * *

Как я соскучился по снегу,
По доброй матушке-зиме!
Рванем, быть может, на Онегу,
Что светит в яркой полутьме?

Она, как глаз твоих сиянье,
Среди пушистых соболей,
Как будто нету расстоянья.
Как нет преград в душе моей.

Но вдруг — ура! — запахло снегом
С арбузной мякотью хмельной,
Он, словно вежливый коллега,
Светло беседует со мной.

Опять белы луга и пашни,
И городской забытый двор,
И я забыл про день вчерашний,
С тобою выйдя на простор...

ОБЪЕДКОВ Анатолий Романович, член Союза писателей России, член-корреспондент ПАНИ, автор 12 поэтических сборников. Стихи его публиковались в газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета», в журналах «Наш современник», «Невский альманах», «Север», «Российский колокол», «Литературная столица», «Российская литература», «Новгород литературный», «Поэзия. 21 век от Рождества Христова», в альманахах «День поэзии», «День русской поэзии», «Невская формула», «Вече», в сборниках «Антология русской поэзии», Антология «Литературная Евразия», «Все поэты Новгородской области», «Поэт года». Стихи также переводились на английский язык и публиковались в журнале Рашн Белл, лауреат Международной премии им. Владимира Набокова. Член Союза писателей России. Живёт в Великом Новгороде.

* * *

Снегирина хрупкая ветвь,
Словно гусли, звенит на морозе.
Где теперь ты, скажи мне, ответь,
Что за вести мне ветер приносит?

Снегириный послышится свист
У деревни на красной рябине,
Санний след в белом поле искрист,
Отзывается звуком глубинным.

Заревая карминная даль
Открывается зримо под утро,
Ничего мне в прошедшем не жаль
И оно брезжит в памяти смутно.

И рожденный в просторах мотив
С вольной выюгой, как в лучшие годы,
В мое сердце намерен войти,
Где светло наше солнце восходит...

* * *

Крещеньем наш отмечен день
И ничего, что утром выюга
Заносит ивовый плетень
И весь глухой медвежий угол.

И путь мой дальше к ним бежит,
Который не окинуть взглядом.

Ты стойко стынешь на ветру,
Хрупка, нежна, того не зная,
Что чувства вряд ли вдруг умрут,
В них бьется жизнь совсем другая.

Ты впереди, ты вдалеке
В посадском розовом платочке,
Где прорубь теплится в реке
Для тех, кто загорелся очень...

И верой веют рубежи,
Старинным дедовским укладом,

Нам искупаться в ней не грех, —
Возможно, страстный пыл остудит.
Летит в лицо холодный снег,
В купели он горячим будет.

* * *

Купанье ночное, таинственно море,
Вода, как магический сон,
Ласкает. И с женскою нежностью споря,
С горами звучит в унисон.

Как искры, вдали пробегают зарницы,
Прожектор осветит залив.
Почудится: кто-то под зыбью тaitся,
Из бездны холодной приплыв.

И всплески его все становятся ближе,
Рождая мистический страх.
Но, кроме тебя, никого я не вижу
Ни в ближних, ни в дальних мирах.

И мы, проплывая по лунному следу,
Садимся потом на песок.
Неужто я скоро отсюда уеду
В когда-то назначенный срок?

Здесь можно забыться, и вместе сродниться
Навеки с морской глубиной...

.....
С уснувшей чинары срывается птица,
А ты — остаешься со мной.

* * *

Дубовый лес блестит под ризой солнца,
Всем бабочкам порхать привольно тут.
Повыше, в кронах, где лазурь лишь льется,
Черноголовки празднично поют.

В траве, в цветах бежит моя тропинка,
Журчит вдали и манит Иловой,
Ласкает ноги каждая былинка
И шепчет: «Ты почаще приезжай!».

Они играют на кастальской лире,
Их благозвучье ворожит весь лес,
Им равных нет во всем огромном мире,
Лишь соловьи поспорят с ними здесь.

Я знаю: сердце позабыть не сможет
Весенний лес и речку, и луга,
Они меня волнуют и тревожат,
Раздвинув этой жизни берега.

Есть в песнях славок флейты переливы,
Сиянье радуг, неба синева.
Торжественно, светло, неторопливо
Звучат в их строфах нежные слова...

Когда опять от щелканья и свиста
Я задохнусь в восторге и слезах?
Молчат дубы и зеленеют листья,
И свет разлит в бездонных небесах.

* * *

Тепловозные гудки
Где-то сгнули в тумане,
Смотрит мать из-под руки, —
Сын приедет, не обманет.

Замурлычет серый кот,
Только с явною тревогой,
Руку ласково лизнет
И посмотрит на дорогу.

Ждет она его давно,
Скрипнет жалобно калитка,
Звякнет в горнице окно
И в руках порвется нитка...

Загрустит под вечер мать,
Снова выйдет на крылечко —
То ведро с водой убрать,
То свое унять сердечко.

* * *

Скорый поезд мчится, как ему я рад!
Можно отлучиться в славный Питер-град.

Веселит дорога, за окном снежок,
Солнца луч потрогал серенький стожок.

Ворон по-над лесом тяжело кружит,
Звонкий гул прогресса вслед за мной бежит...

Я ли в нем останусь? Я ль к земле прирос,
Слыша непрестанно четкий стук колес?

Всё теперь понятно, — синь ласкает взгляд
С далью необъятной, где столбы летят.

* * *

Рвет цепи ранний ледоход
И ржавь уносится с водою.
Чей знаменует он приход,
Какой играет он судьбою?

Еще вчера не смел крошить
Громады льда и рушить сваи,
А нынче волен закружить
Стога, прицепы и сараи.

Скрипят и рушатся мосты,
Их брёвна бьют, таранят льдины,

И затопляются кусты
На берегах волной единой.

Все походило бы на бред,
Когда б не снег с нависшей тучи,
Не годы, что летят в просвет,
В поток торжественно-могучий.

Их все в один водоворот
Несёт безумная стихия,
В воронки черные, глухие,
Где утро вряд ли настает...

* * *

Вокзалы вдали остаются,
Но души друг к другу летят,
И звуки ответные льются,
Не зная пространств и преград.

Отважно ручьи под колеса
Сбегают с лесистых холмов,
Со всех придорожных откосов,
От всех потеплевших столбов.

Так что же случилось такое? —
Идет полным ходом весна

И сердце лишилось покоя,
В нем яркая песня слышна

С грачами и звонкой капелью,
С горячим наплывом тех чувств,
Когда вслед за холодной метелью
Вдруг тает глубинная грусть,

И синькой вновь красятся дали,
И дни все лучистей, светлей,
И ворон земные скрижали
Читает чуть-чуть веселей.

* * *

Виват король...

Из песни

На сцене вновь король и шут
Пьяны лирической истомой,
А где-то кони тихо ржут
И мама ждет меня у дома...

И вновь бегу я босиком
По лугу вдоль родной Алешни,
И день шершавым языком
Лизнет в лицо с любовью прежней.

Бабуля выйдет на крыльцо,
Заквохчут куры у сарая,

Снесут на радость мне яйцо,
В золе с цыплятами играя.

Здесь я не вижу короля,
Его и не было в помине,
Здесь древнерусская земля
Замешена на скудной глине.

Я только ей скажу: «Виват!»,
Для публики здесь нету места.
И вновь слова мои летят
В мой край, почти что неизвестный...

* * *

Ящерки легкая тень	В цепкий зыбучий песок
Искрой мелькнула в траве,	Волчий впечатался след,
Близится к вечеру день,	Мох от жары весь усох
Месяц воскрес в синеве.	И как старик древний сед.

* * *

Вызрело поле ржаное	Свежестью веет, покоем
С запахом спелых хлебов,	Родины милой моей
Вяжет заря кружевное	Над угасающим зноем
Платье для новых трудов.	Отяжелевших полей.

* * *

В зорьке алой есть чувства простые
Без потерь и прощальных гудков.
Наше солнце навряд ли остынет
В лабиринтах бегущих веков.

В нем играют небесные силы,
Заполняя собою миры.
Мы о встрече его попросили,
И оно золотые шары

Посылает в открытое небо,
И они в неоглядность летят
Мимо церкви Бориса и Глеба,
Мимо царских державных палат.

И они звоном трогают душу,
Вижу в них полноту новых дней,
И мне хочется долго их слушать,
Становиться от звуков светлей.

Пусть парят над родимым простором,
Над недолгим приютом земли,
Появиться на радость в котором
Мы однажды с тобою смогли.

ОЛЬГА ПОПОВА

Живите в радости

РАССКАЗ

Уже поздним вечером, когда в деревне все стихло, она спустилась к реке. Дошла до середины, и в этот момент на далеком горизонте вспыхнула зарница. И привиделось: там, за кустами, на левом берегу, стоит Саша, как тогда, в первую их встречу, неловко сжимает в руке букетик голубеньких незабудок. Сердце заколотилось сильно, больно, она рванулась к нему и упала в воду. Нашли Евдокию на следующий день. Молча обряжали ее женщины в последний путь, молча провожали, и только Катерина как-то не то всхлипывала, не то вскрикивала всю дорогу. У нее тоже в сорок втором муж без вести пропал. Три года прошло после войны, а никаких вестей так и не было. Не выдержала Евдокия. Только вот осиротели совсем две девчоночки. Старшей — шестнадцать, а младшенькой всего-то шесть годков недавно исполнилось. Никому не отдала Варька младшую, сама растить стала. По вечерам, отогрев руки у печки, доставала последний папкин треугольник с фронта и читала, читала, как молитву перед сном. «Если кто родится, пусть будет счастливым. Обязательно дай образование детям. Живите в радости!» Он всегда заканчивал свои письма этими словами. Она помнила их, и несла в своем сердце.

ПОПОВА Ольга Георгиевна родилась в 1946 г. в Иркутске. В 1958 г. семья переехала в Ангарск. Здесь окончила среднюю школу. В 1969 году окончила Иркутский государственный педагогический институт (историко-филологический факультет) по специальности «Русский язык и литература». В системе образования проработала 40 лет, из них 25 — в сельской школе Усольского района. Публиковалась в газетах «Усольские новости», «Время», а также в газете «Мои года». Живёт в Ангарске.

«Живите в радости...» Выйдет Варька на берег рано утром и лицом к солнышку обратится: «Милое солнце, пригрей меня!» Так и разговаривала с ним, а на ледянке весь день на морозе светлый лучик всегда с ней был. Сестренка училась старательно, в школе ее хвалили, говорили, что способная. Опять же Варя — радость. Может, в науку пойдет. Очень старались обе: Варя — в леспромхозе, Настена — в школе, за партой.

Однажды даже в местной газете Настину сказку к 23 Февраля напечатали. Героем ее был богатырь русский, землю русскую от врагов защитивший. А когда ему совсем плохо стало, и силы его иссякли, пришли к нему на помощь звери, птицы, и не отдали на растерзание тело богатырское, сильное. Подняли его на крылах гуси-лебеди и улетели туда, в космос. А в том месте, где он лежал, свет каждую ночь появляться стал и как бы дорогу указывал.

Сколько радости в тот день было! Соседи заходили, старуха Анна с другого конца деревни пришла сказку слушать. А вечером Катерина тихонько в дверь постучала, долго читала — перечитывала, а потом вдруг запела:

*Запоет свою песню призывную
Соловей над рекою в саду.
Приходи же ко мне, синеокий мой,
Приходи, я тебя подожду.
Ты придешь и под шепот черемухи
Скажешь слово — замрет соловей.
Может быть, ты меня, синеокий мой,
Назовешь нынче милой своей.*

Варя с Настеной замерли, боясь спугнуть песню. В ней было что-то свое, женское, выстраданное.

*Как услышу я голос твой ласковый,
Только молча в глаза посмотрю...
Мы с тобою родной, синеокий мой,
Встретим первую нашу зарю.
Сохрани на всю жизнь для меня одной
Синь бездонную — радость мою.
Приходи же скорей, синеокий мой,
Для тебя эту песню пою.*

И показалось: вырвалась песня из избы и полетела птицей — горлицей над деревней, над старым погостом, над притихшим лесом, вдаль, за синие горы.

Оттуда, из-за гор, и пришла весна, ранняя, бурная, сорвала временную переправу, и Настена теперь стала переправляться в школу на лодке. Это была последняя ее школьная весна. Весна радости, надежды, расставания.

Она уезжала от этих синих гор, от родной таежной деревеньки, от своей дорогой Вари. Уезжала в столицу, поступать в университет.

Собралась в дорогу и Катерина. Никому ничего не объясняя, рано утром с попутной машиной она уехала и больше в деревню не вернулась.

Только однажды случайно увидели ее односельчане в одном из военных госпиталей Иркутска, где лежали изуродованные, искалеченные войной солдаты. Она стала для них санитаркой, нянькой, сиделкой. Но жива была еще в ней птица — горлица, которая пела иногда в палатах в минуты затишья и успокоения светлые, благодарные песни. А Варя, теперь уже Варвара Александровна, по-преж-

нему встречала рассвет на берегу реки: «Милое солнце, пригрей детей моих. Спасибо тебе за тепло и ласку! Может, увидишь где, в какой стороне холмик тот отцовский?!»

Почувствовала, увидела Свет Настена, теперь уже журналист Иванова Анастасия Александровна. И пошла на этот Свет по фронтовым дорогам отца, которые привели ее на берег Волги, к Ржеву. Она увидела его, этот обелиск, еще издалека, ей показалось, что он взлетел над полем, над Волгой, как большая белая птица. Прижав руку к груди, чтобы успокоить сердце, она медленно подошла к обелиску и прочитала:

«Здесь захоронены русские солдаты, 1942 г. Спасибо за подвиг!» И чуть пониже: «Живите в радости!» Ей показалось, что вокруг все разом замерло, и только бешено стучит ее сердце. Она теперь видела только эти слова! «Я нашла тебя, папа! Я нашла тебя!» — шептали губы.

Сколько прошло времени, она не знала, когда почувствовала, что кто-то стоит рядом. Это был местный учитель. «На поле этом не было окопов, нашу пехоту обстреливали со всех сторон, потом пошли немецкие танки — никто не уцелел. Мне тогда пятнадцать лет было. Нас из деревни осталось только семеро. Несколько дней мы поднимали трупы и относили их в одно место, в глубокую воронку. Вот на этом месте и стоит сейчас памятник.

«Живите в радости!»! Какие удивительные, потрясающие слова оставил для нас солдат перед гибелью. Мы прочитали их на почерневшем котелке».

А над Волгой, над полем летели лебеди. Они возвращались домой, на Родину. И долго еще слышался над рекой их гордый, радостный клич.

ВЛАДИСЛАВ ОГАРКОВ

Белая сирень

РАССКАЗЫ

Глинский

Люди старшего поколения, помнится, рассказывали, что в годы правления вождя всех народов И. Сталина в кинотеатрах перед сеансом показывали так называемые «агитки» — очень короткие, но впечатляющие фильмы о поразительных способностях главного человека страны.

Выглядело так. На экране появлялось бескрайнее пшеничное поле с колхозниками, убирающими хлеб. Шла, как выражались тогда, битва за урожай. И вот в разгар этой битвы на переднем плане возникал грузовик с зерном. Что-то стряслось с техникой. Под капотом суетится молодой неопытный шофёр, пытается запустить мотор. Тыкает туда-сюда гаечным ключом, крутит ручной заводилкой («кривым стартером»), но тщетно. В отчаянии смотрит вокруг, и тут...

И тут тормозит рядом машина. Из неё выходит великий Сталин, царственным жестом забирает гаечный ключ у оторопевшего шофёра и на пару секунд опускает руку под крышку капота.

ОГАРКОВ Владислав Борисович — прозаик, журналист. Родился в 1946 г. в г. Городок Львовской области в семье военного лётчика. В разные годы В. Огарков жил в Подмосковье, на Кавказе, в Таджикистане, на острове Сахалин, в Эстонии. По образованию техник-технолог инструментального производства. Работал на Таллинском машиностроительном заводе «Ильмарине» с 1967 по 1969. В 1969 приехал на строительство Усть-Илимской ГЭС, работал фрезеровщиком в тресте «Братскгэссрой», затем в редакции газеты «Усть-Илимская правда». В 1977 окончил Иркутский государственный университет по специальности журналистика. Член Союза писателей России. Рассказы Владислава Огаркова широко публикуются в периодической печати. Автор книг: «Лесной аквариум», «Бадарма», «Кузькина страна», «Истории из рюкзака», «Переходный возраст». Живет в п. Шаманка Шелеховского р-на.

Глава государства извлекает деталь, осматривает и моментально выдаёт диагноз, произносит всего одно слово — «свэча». Заменяют свечу зажигания, мотор сразу заводится, шофёр счастлив и смотрит на главу, как туземец на самолёт. Но главе некогда, ему ещё многих надо научить.

Примерно по такому сценарию строились и другие «агитки». Каменщику вождь показывал, как класть кирпичи, ткачиху учил работать за ткацким станком. Он владел всеми инструментами, был гениальным стратегом, разбирался в философии, литературе и искусстве, ясно видел дорогу к сияющим вершинам коммунизма. Таким рисовался его образ и, как ни странно, народ этим сказкам верил.

Рассказы старших мы воспринимали как забавные небылицы. Посмеивались и не верили. Разве бывают такие, кто знает и умеет сразу всё? Чепуха на постном масле. Это устоявшееся мнение долго сопровождало меня по жизни.

Но даже устоявшееся расшатывается временем.

Персонаж, умеющий если не всё, то почти всё, за малым исключением, жил не в небесах, а в нашем Усть-Илиме, ходил по тем же улицам и звался Валерой Глинским. Доступен был даже простым людям.

Жил он в том же общежитии, где замышлялся музей трудовой славы. Здесь он числился сантехником, электриком, столяром и кем-то ещё. Занимал комнатную десятиметровку на первом этаже, которая напоминала мини-цех по производству машин. Каких машин? А всяких, какие мы сможем вспомнить — легковых, швейных, летательных, подводных, радиоуправляемых и каких угодно. Во всяком случае отдельные детали от них здесь вполне можно было обнаружить. Новичок, впервые это увидевший, мог лишиться дара речи.

Основная часть жилой площади принадлежала железу. Им были заняты оба верстака, протянувшихся вдоль стен, оно громоздилось на полу, оставляя лишь небольшой проход к столу.

Стол стоял под окном, и на нём размещались высшие чины железного сословия — измерительные приборы и инструменты, редкие подшипники и особо ценные детали. В центре стола господствовал полуразобранный радиоприёмник с торчащим из него паяльником. Стол полностью заставлен, вакантные места не просматриваются нигде. Железной мелочи не хватило здесь места, и она вылезла на подоконник.

Где размещался сам хозяин — этот вопрос оставался невыясненным, пока взгляд не падал под ноги, где был низкий топчан, похожий на удлиненное водительское сиденье и потому не бросавшийся в глаза.

Местом для приёма пищи, скорее всего, служила табуретка, задвинутая под стол. На ней лежала промасленная газета, заменявшая, должно быть, скатерть. На газете чернела сковорода с недоеденной картошкой, черствел хлебный огрызок, рядом виднелась банка из-под рыбных консервов со вставленным туда окурком. Сам Валера курением не увлекался, окурком оставлен кем-то из гостей.

Гости толклись здесь непрерывно и едва ли не круглосуточно. Одни вставали, уходили, но в дверях уже стояли другие.

Безотказный Валера мог починить и обувь, и дверной замок, и мудрёный механизм. Отовсюду сюда стекались сломанные электроутюги, бинокли, плитки, дрели, фотоаппараты, радиоприёмники, часы, швейные машинки и всё прочее, что сложнее кувалды. Слушая сокрушённого владельца, с надеждой смотревшего на мастера, Глинский заканчивал разговор любимой фразой:

— Глаза бояться, а руки делают.

Судьбе было угодно, чтобы этот удивительный человек, обладатель золотых рук, оказался в одношаговой доступности от меня — сразу за стенкой музейной комнаты. В годы тотального дефицита такое соседство расценивалось как счастливый подарок судьбы. Надо быть круглым идиотом, чтобы пройти мимо подарка и не заметить сияющей улыбки на лице Фортуны.

Угодить в список идиотов без соответствующей подготовки не хотелось. Нужные усилия были предприняты, и последний участок на нашей улице стал собственностью Валеры. Нужный человек должен быть в нужном месте!

Апрельским погожим деньком несчастный наш «Запорожец» снова трещит от перегрузки. Глинский, Витя и я сидим на сиденьях, всё остальное пространство в салоне и на крыше занято вещами. Топоры, кувалды, пилы, ящик гвоздей, железная печь с трубой и два десятка листов многослойной фанеры.

Целая прорва вещей вместе с тремя седоками (один Валера тянет под сотню килограммов) навалилась на самый маленький автомобиль советского Автопрома. Не знаю как, но мотор безропотно тянул нашу троицу со скарбом и вытянул-таки в заснеженный «Жарок».

Дорогу недавно прочистили, мы доехали до домика без крыши, одиноко торчащего среди сугробов.

Чай, понятное дело, был отработан в первую очередь. Ритуал есть ритуал. А впереди высится гора неотложных дел. Надо показать Глинскому его землевладение, раскинувшееся на шести сотках. Но сделать этого нельзя, даже если очень хочется, — там снег непролазный. Кроме того, следует срочно разгружать «Запорожец», чтобы каждый унёс свои вещи. Срочно затопить печку в доме, срочно ставить стропила, срочно, срочно, срочно... Кошмар!

Ни один учебник не расскажет, как выйти из кошмара. Но Валере известно и это. С прямотой, украшающей мужчину, он произносит:

— Давайте прикинем ... к носу.

Мысленно прикидываем, радуемся результатам, а Валера, наш поводырь и непревзойденный матершинник, тем временем продолжает:

— Прежде чем пляски устраивать, надо танцплощадку откопать. Не то все ... передавим. Смекаете? Всем по лопате в зубы и — вперёд!

Смекаем. Абсолютно верное предложение. Стоя на земле работать сподручней, нежели по «это самое» в снегу.

Его утверждения редко расходились с правдой. Он, кажется, сам это знал и потому не приветствовал возражений. Знал в самом деле много. Поражаясь его невероятной осведомлённости, я однажды в шутку спросил, а не знает ли уважаемый собеседник, как правильно принять роды?

— Ничего сложного, — не дрогнув бровью, ответил Валера и без подготовки начал излагать подробности, приводящие в смущение.

Где он учился — об этом как-то неудобно было спрашивать. В разговорах иногда упоминалась некая «фазанка», что следовало, наверное, понимать, как фабрично-заводское обучение, дающее рабочие специальности. В голове, однако, не укладывалось, что обычный работяга обладает знаниями хорошего инженера. Но известно, что во все времена из гущи народной выходили люди-самородки, одарённые природной любознательностью, склонные к ру-

коделью, к творчеству, и потому мастера на все руки. Из той же гущи взялся и он.

...Три лопаты тем временем прошлись по сугробам, расчистили снег вокруг дома. Показался штабель с обрезками, годными на постройку крыши. Главный консультант успокоил собравшихся.

— Должно хватить. А если не хватит, так жердей нарубим.

Знающий Валера помог выставить стойки, показал, как закрепить стропила. К вечеру дом заметно изменил внешность. Он уже не похож на стоящий на боку спичечный коробок. Четыре треугольных пролёта, устремлённых вершинами в небо, заявляют, что скоро здесь появится настоящая двускатная крыша.

Утром получаем хорошую разминку, пробивая путь к участку Валеры. Помогаем перенести вещи и оставляем хозяина обживать на новом месте.

Поднявшееся над хребтом солнце возвестило о начале дня. Отличная новость! Первыми её подхватили синички — отовсюду слышны их восторженные трели. Следом вступают ударники дятлы. Они хоть и меньшим числом, но берут громкостью — их звонкая дробь рассыпается по всему лесу и летит на километры.

А в далёких сосновых борах происходит неслышное, но весьма важное таинство. Начинается подготовка к лесным свадьбам. Краснобровые красавцы глухарки, широко расставив крылья, ходят по розовому насту, чертят полосы крепкими перьями. Глухарки тоже здесь — сидят в сторонке, наблюдают.

Холодный морозный воздух обжигает дыхание и слегка будоражит голову. Из чего напрашивается вывод — голова достаточно молода, чтобы радоваться таким пустякам, как апрельское утро. Можно порадоваться и хорошей работе. Приятное дело — приколачивать обрешётку к стропилам. Это не траншею рыть. Три доски прибил, и результат сразу виден невооружённым глазом. Можно докладывать о «повышенных объёмах строительства».

«Мне сверху видно всё», как когда-то пели военные лётчики, наши отцы и деды. Видно, как орудуют лопатами другие дачники, расчищают от снега площадки, тоже готовятся к постройкам. На нашей улице мы первые.

Чаще взгляд притягивается к участку Валеры — он у нас новенький, с чего начнёт? В очередной раз Глинский показывает, что мастер есть мастер. Вот у кого поучиться! Не бегаёт, не суетится, ничего не ищет и не спрашивает, но быстро ставит каркас из брусков, затем закрывает его листами. Не ломает голову, как большинство из нас, над проблемами типа «Где взять, как закрепить?» Все эти мелочи заранее продуманы, ещё дома, по размеру приготовлены болты, гайки, шурупы и прочее.

Фанерные листы, покрытые жёлтой масляной краской, собрались в итоге в аккуратный игрушечный домик, похожий на туристскую палатку. Сейчас он поставит ещё печку, и вечером можно поднимать бокалы. Дом за один день? А кто-то вечно жалуется, что жилья в стране не хватает.

Глазам приятно смотреть на творение Валеры. Как будто весёлый желтый одуванчик неожиданно возник среди белых сугробов.

— Можно подумать, что ты только тем и занимался всю жизнь, — говорю ему, — что собирал карточные домики для советских трудящихся. О тебе фильмы надо снимать да в газетах писать. На первых страницах!

— Пиши, бумага всё стерпит. Трудящиеся по баракам, бляха, до сих пор жи-

вут, а ты говоришь... На тараканьих правах, по два квадрата на рыло. Поездил по Сибири да по Северу, всякого насмотрелся. Люди вкальвают, всю зиму сопли морозят, а жить негде. Дом давай да сейчас, детишки мёрзнут без тепла, а им «программу» жилищную суют. Вместо дома. А на хрена она людям нужна? — кобыле её в трещину, программу ихнюю. Так и запиши — в тре-щи-ну.

Привести его речь полностью, во всём её многообразии, увы, не рискну. По причинам вполне деликатным.

Язык обычный, повседневный (тем более, сегодняшний «компьютерный») бледнеет до неприличия перед умением Валеры выражать свои мысли. Его речь, всегда интересная, образная, изобилующая смешными до коллик сравнениями, полная поговорок, самодельных чаще всего, — неиссякаемая кладовая для филологов. Как начинающих, студентов, так и маститых, академиков.

Да, «матерков» насует столько, что не унесёшь. На каждом шагу хоть что-нибудь да ввернёт. Но! Никак не назовёшь его матершинником в общепринятом смысле — он такой не по грязной душе, как оно чаще всего случается.

Материться так беззлобно и так добродушно, как это делает Глинский, никто, пожалуй, не умеет. Мне, по крайней мере, за всю жизнь не приходилось слышать ничего подобного. Удивительно, но факт — будто бы непристойные слова звучат, однако, по тону, по смеющимся, добрым глазам ты чувствуешь, понимаешь, что оскорбить тебя этими словами не хотят. Напротив — протягивают руку дружбы. Можно сказать, это даже и не ругань, а так — весёлый гарнир из пряностей и специй к его неповторимой речи.

Жёлтый фанерный домик на нашей улице скоро стал широко известен. Дачники потянулись сюда со всех сторон, каждый со своим — попросить инструмент, по делу посоветоваться или просто послушать Валеру.

Послушать его любили, но слушать умели не все. Кому-то и высказаться хотелось. Например, на вечнозелёную «машинную» тему, особо популярную в мужских компаниях. Первенство хозяина в этих разговорах было бесспорным, и благоразумное большинство это признавало. Но вдруг объявлялся желающий что-то возразить. И возражал. Все оживлялись и ждали. Какое-то время Валера терпеливо слушал. Затем делал изумлённое лицо, поражаясь какой-то закавыке в этом мире, где всё до последнего винтика ясно, как божий свет.

И спокойно, добродушнейшим тоном произносил:

— Да чтоб у тебя ... на лбу вырос.

Фанерные стены трещали, казалось, и долго сотрясались от хохота. Тема спора давно напрочь забыта, а народ всё потешался, хватаясь друг за друга и за животы. Всем виделось это непристойное зрелище, будто наяву. Каждый хотел представить подробности — как он там вырастет, и что подумают окружающие. Члены семьи, например. Кто-то даже силился поднести керосиновую лампу к лицу пострадавшего — может быть, уже прорастает? Сам Глинский сказал, а ведь он зря не скажет.

Летом на его участке стало возникать странное треугольное сооружение, в котором наблюдатели поначалу отказывались узнавать дом.

Основания для сомнений действительно были. Где это видано, чтобы дом был треугольный — из одной только крыши? Валера, однако, уверял, что за такими домами будущее. Он говорил, что двускатная крыша, доходящая до земли, практичней и экономичней, дом строится быстрее и обходится дешевле.

— Новейшая разработка, — продолжал он, — за рубежом давно такие строятся. Проще делаются и устойчивей против ветров.

Мужики недоверчиво покачивали головами.

— Знаем мы эту устойчивость. По телевизору ихнюю «торнаду» показывали. Разлетаются домишки, как картонные. И ещё это... Жилплощадь в треугольнике том мала. Не разбежишься, головой биться будешь.

— Тёмные люди, — не уступал Валера. — Дурную голову везде разбить можно, даже в парной бане, — об чью-нибудь... Сделайте угол побольше, и хватит вам места на всех. Ещё и комнату можно наверху выкроить. Для гостей. Будет отдельный кабинет для особых случаев. Всегда пригодится.

Прелести отдельного кабинета не прельщали, должно быть, слушателей. «Тёмные люди» помалкивали, помня, что спорить с Валерой опасно, продолжали строить дома проверенным методом.

И всё-таки он посеял заразную бациллу. Спустя какое-то время в «Жарке» и в других местах, там и сям стали прорастать треугольники. Не дома, правда, но их меньшие братья — туалеты, уличные погреба и прочие постройки, где можно прятать от дождей лопаты, вёдра и всякую всячину. Заначку на чёрный день, к примеру. Мужики раскусили — в чём-то Глинский прав. Строить двускатную по-теху легче, досок меньше идёт. И смотрится красиво, оригинально. При условии, что мозги шевелятся во всех направлениях.

Парусность постройки — это тоже серьёзно. Попробуй расшатать такую — замучаешься. Любой ветер выдержит. Ни один треугольный сортир не взлетел на воздух вместе с содержимым. И с содержателем, что ещё важнее.

Бьющий из Валеры новаторский родник был неиссякаем. В те годы, когда слово «мини-трактор» не было нам знакомо, он вдруг задумал сделать его.

Многие отговаривали, кивали на время. Нигде не найдёшь, мол, чертежей, не достанешь деталей. Это была безжалостная правда. Стояла эпоха тотального дефицита, в магазинах гвоздей не купишь, не говоря о запчастях к машине. Само государственное устройство давило всякую свежую мысль, всякую инициативу, если она исходила от простого человека, не имеющего всесильных покровителей. Но неумолимый Глинский ничего не боялся.

— Магазины пустые, зато свалки полные, — говорил он, — а чертежи нам не нужны, покуда своя голова ещё варит.

Дачники сказали «ну-ну» и заняли самую правильную позицию из всех имеющих. Выжидательную. Большинство смотрело на затею, как на очередную авантюру мастера-самоучки. Признаюсь, что и мне в неё верилось ненамного больше, чем в построение коммунизма.

Обязан, однако, выдать и другое признание. Были довольно веские причины, чтобы верить в его редкие способности. Надо просто лучше знать Валеру, пожить с ним рядом, повидать в разных переделках.

Наше первое знакомство произошло в момент, когда мне меньше всего хотелось бы познакомиться с кем-либо.

Ситуация складывалась прямо-таки унижительная. Мой автомобиль стоял на асфальте, а я, его владелец и командир, лежал под ним на том же асфальте, глотал пыль, сыплющуюся с грязного днища. Лежу и тупо смотрю на облепленную глиной переднюю подвеску «Запорожца». Пытаюсь вычислить — где и что в ней

звякает при езде. В исправной машине ничего не должно звякать — до этого места я домыслил без большого труда, а вот дальше почему-то не идёт.

Раздаются, слышу, шаги по асфальту. Остановились рядом. Поворачиваю голову и в метре от лица вижу подошвы огромных внедорожников, тоже чем-то облепленных. Ласковый голос льётся сверху.

— И что же ты, соколик, там нашёл?

Это, судя по всему, ко мне. Отвечаю, как есть.

— Только ищу, пока не нашёл.

Узнав, в чём дело, таинственный незнакомец велел вылезать, доставать домкрат. Уже через считанные минуты он показывал износившийся латунный вкладыш и наставительно выговаривал:

— Этот аппарат, — он кивнул на машину, — предназначен для езды по дорогам. Но ездит, вижу, по горам да по лесам. Пробег с гулькин ..., а вся подвеска уже брякает, царапины кругом. Вкладыши истёрлись.

Что тут ответишь? Мне уже многие говорили про эти вкладыши. Говорили часто и в виде неприятностей, которые не хотелось слушать.

Быстро стираются при езде по плохим дорогам. Но это только полбеды, потому что понятно и объяснимо. И много ли пользы от того, что мы проклинаем свои дороги? Лучше они всё равно не станут, хоть поноси их последними словами. Просто надо заниматься ими, а не болтовнёй. Прокладывать к жилью, которое хиреет без дорог по всей стране. Строить, ремонтировать... Но сначала самих себя отремонтировать, что будет уже посложнее.

Серьёзная беда (и окончательная!) заключалась в том, что ни купить, ни раздобыть их было невозможно. Дефицит. И самому не сделать. Вкладыш представлял латунную полусферу — что-то похожее на половинку апельсина с выеденной мякотью. Такое даже на станке не выточишь. Хоть застрелись.

Всё вместе взятое наводило тоску. А ещё сказанное мне поучение звучало несколько обидно. И тогда в ответ я слегка огрызнулся.

— А ты иностранец что ли? Где ты видел хорошие дороги? Говорить мы все мастера. А вот сделать... Ты бы лучше сказал, где найти эти вкладыши?

— Искать о...ешь. Проще сделать.

— Проще сказать.

— И сделать можно. Шевельнуть мозгой, потом руками.

— Это слова. А вот ты, конкретно, сможешь?

— Запросто. Как два пальца обо...ть. Кому-то делал, не помню — кому.

— Так чего мы стоим? Я в долгу не останусь.

Здесь-то и выяснилось, что передо мной стоит великий человечище, знаток и умелец всяких дел Валера Глинский, он же по совместительству сантехник в общежитии. И живёт за стенкой от музея «Трудового Славы» (так называли музей друзья). Он привёл лихого наездника к себе и усадил на топчан.

Затем сантехник показал, как делаются чудеса.

Из железного хлама выудил латунную пластинку, повертел в руках и сказал магическое слово «сойдёт». Отыскал кусок рельса с отверстием и стальной шар из разбитого подшипника. Уложив пластинку на отверстие, он пристроил шар в центре и стал постукивать по нему молотком.

Под шариком показалась вмятина. Податливая латунь стала проседать в углубление, постепенно превращаясь в полусферу.

— Уже похоже, — осторожно замечаю.

— А куда она, бляха, от нас денется?

Мастер обрезал края, снял напильником заусенцы и довёл вкладыш до блеска обычной шлифовальной шкуркой. Скоро в моей руке появилась новенькая, ещё тёплая от работы деталь, ничем не отличавшаяся от заводской. Обалдело смотрю на неё и не верю своим глазам — неужели так просто делаются нужные вещи, на поиски которых тратятся дни и недели?

Ещё одно потрясение испытал, когда находчивый Валера на глазах восстановил автомобильный амортизатор, состоящий из множества мелких деталей.

Была похожая ситуация. От бесконечных скачков по разбитым дорогам (других, увы, в Сибири не было) оба амортизатора «полетели». И водитель, и пассажиры сразу узнали, где они находятся и как выглядят. Теперь все неровности на дорогах мы ощущали известным местом, которое иногда пытается думать, но больше отвечает за усидчивость. Амортизаторы стали брякать и стучать даже на ровной дороге. Этот стук болью отдавался в водительской голове.

Купить новые или отремонтировать своими силами — бесполезно пытаться. Слишком сложно. И внутрь надо заливать специальную жидкость, а её попробуй ещё найди. Но безвыходных положений не бывает. Их просто не может быть, если где-то рядом есть Валера Глинский.

Услышав об очередной проблеме, он, как обычно, улыбнулся и в считанные минуты разобрал амортизатор.

— Требухи в ём много, как в селёдке, — говорил он, раскладывая детали на газете «Усть-Илимская правда». Поверх статей и фотоснимков, изображающих передовиков социалистического труда, расплзались масляные пятна. Скоро вся газета заблестела, как хорошо смазанный противень для жарки пирогов.

Автовладелец с тихим ужасом в глазах наблюдал за процессом и думал, что запомнить все эти штучки, собрать их в нужном порядке и ничего при этом не упустить из виду — нет, такое выше человеческих возможностей.

Человеческие возможности не стоит недооценивать. Валера вырезал из резины новые прокладки и собрал всю «требуху» в чрево амортизатора. Лишних деталей не оказалось. Вместо мудрёной жидкости, которой днём с огнём не найти, залил в полость масло для швейной машинки. Но можно ли так делать? Судить об этом мог только один человек на свете. А поскольку искать его не требовалось, он стоял рядом, я безоговорочно доверился авторитету.

Испытания показали, что авторитет всегда прав. Амортизаторы ещё долго работали на разбитых дорогах и не поднимали шум.

До борозды, к немалому сожалению, задуманный им мини-трактор так и не дошёл. Но совсем не потому, что изобретатель спасовал, не сумел какой-то элемент придумать. Не подумайте плохо про Валеру, причина в другом.

Случилось то, что обычно бывает у людей порывистых, увлекающихся. Поставив треугольный остов дома и посадив немного картошки, Глинский заметно охладел к дачным делам. Занялся чем-то другим и постоянно пропадал в городе. На своём участке появлялся редко. Говорили, что он взялся за постройку яхты. Или корабля? Вполне возможно, что и космического. Ведь это Глинский, который всё может. А тем временем в его хозяйской будке находился почти готовый трактор. Уже опробованы двигатель и коробка передач, найдены детали для шасси, были рулевые тяги и колёса. Не хватало каких-то мелочей.

Хозяин давно запустил бы свой агрегат, если бы сам того захотел. Но вот расхотелось человеку. Бывает.

Скорее всего, потому, что интересна была не цель, но возможность её достигнуть. Ему хотелось подняться на вершину, казавшуюся далёкой и труднодоступной. И вот, преодолев все трудности пути, он добрался до подножия. Но тут развеялся туман, и за этой вершиной показалась другая — ещё выше и красивее. И стало понятно — надо менять маршрут. Он сам себе не простит, если не покорит то, что более достойно покорения. И пошёл к новой цели.

Увидев, что трактор практически готов, он, наверное, потерял к нему интерес. Да и зачем он нужен, если остыло желание работать на земле.

Встретив Валеру в городе, поговорив о том, о сём, осторожно высказывая своё предположение. Он ответил не сразу. Вдохнул, помолчал. Затем усмехнулся и изрёк одно из потрясающих своих изречений:

— А знаешь, Маркеловна, твоя правда. Кость в ём ёсть!

Шутить подобным образом мог только Валера.

Умел не только пошутить, но и многое другое, о чём мы, его приятели и знакомые, даже не догадывались.

На крупнейшем предприятии города обозначилась вполне рядовая ситуация — начальству захотелось посмотреть кино. Про родное предприятие и про самих себя, конечно, тоже. Сами понимаете... Найти оператора с профессиональной кинокамерой — это можно, не велика проблема. Сам прибежит, как миленький, за хороший гонорар. Ведь приличные люди могут и заплатить прилично. Но где взять киноаппарат? Без него в докомпьютерную эру никуда, никак. Ведь надо собрать всех желающих в одном зале, чтобы могли поглазеть на зрелище. Желающих много.

Заказывать по инстанциям, привозить издалека громоздкую стационарную технику — это слишком накладно и наверху могут не одобрить. «Совсем оборзели», — скажут. Хотя сами иногда борзеют покруче, и ничего.

Деваться некуда, пришли к Глинскому. Известный сантехник не смутился и здесь. Поскрёб в затылке и ответил в привычной манере.

— А хрена ли нам? Попробуем на зуб, покумекаем. Только не торопите. Давай молоток, тащи досок — мы тебе часы сварганим. Или рояль.

И что вы думаете? Сварганил! Провозился два зимних месяца, сквозь неудачи прошёл, всякие варианты попробовал, но добился своего. Всё у него закрутилось, завертелось, на экране замелькали кадры. Сам видел, могу подтвердить. А ведь дело куда как сложное — мотор, лентопротяжный механизм, проектор с целой системой линз, где ещё надо сфокусировать пучок света, — за голову схватишься.

Был в его судьбе и такой зигзаг — предложили работу в школе, учителем автодела. Он и с этой задачей справился блестяще. Мальчишки ходили за ним толпами, готовы были спать в обнимку с рулевым колесом, зубрили математику и физику, чтобы заслужить одобрение известного мастера. Автодело у них неожиданно выдвинулось вперёд других предметов.

В далёкие годы, когда мы ещё не слышали об авторалли «Формула-1», в далёком от Европы сибирском городе стали появляться картинги — миниатюрные гоночные машины, собранные из старых мотоциклов и бросовой техники. И собирали их вместе с Валерой обычные мальчишки, усть-илимские школьники. Забив об уличных соблазнах и многом другом, они увлечённо копались в моторах и

карбюраторах, спорили о тормозах и подвесках. Пройдут годы, мальчишки вырастут в инженеров, техников, механиков и просто надёжных, не боящихся работы мужчин.

Как оно часто случается, ребяташки во всём старались подражать своему миру. Оно бы и ладно, ничего дурного в том нет. Если бы... Да, если бы не любил Валера похулиганить с великим русским языком.

Успешных людей быстро замечают, и это не всегда им на пользу. Однажды кто-то куда-то «капнул», нагрязнула проверка, тут и выяснилось, что преподаватель не имеет нужных бумажек и всего лишь самоучка. С золотыми руками и золотой душой, но без бумажки. А ещё язык... Тоже золотой, но с примесями. Кто-то решил, что великоват процент примесей.

Мастера съели. Что-что, а поесть мы умеем.

Таков один из тех, кого мы называем дачниками. Многое знающий и умеющий, языком и инструментом владеющий, добрый и совершенно бескорыстный Валерий Иванович Глинский.

Ножи из высокопрочной стали, «бриткие» топоры и топорики, ладно сидящие в руке, многие другие вещи, сделанные Валерой, до сих пор, наверное, служат или хранятся у разных людей. Он делал их просто так, потому что не мог сидеть без дела, а затем дарил друзьям и знакомым, ничего не спрашивая взамен. Много ли таких умельцев найдётся сегодня?

Глинский — человек из нашего прошлого. Уже не требуются такие в обществе потребления, где мы сегодня пребываем. Но тогда спросим самих себя — нужно ли нам такое общество, где большинство людей жует, а более активное меньшинство их развлекает? Не хотелось бы в это верить.

«Запорожец»

Название этой доисторической машинки (с воздушным охлаждением и мотором сзади) наверняка примелькалось в моём повествовании. Замечено и вызывает вопросы. Пора бы рассказать подробнее, если не об устройстве двигателя, то о покупке самой машины. Поверьте, друзья, — оно того стоит.

Покупка машины по тем временам — не просто событие, но о-очень большое событие. Советскому гражданину позволялось приобрести её только по специальному талону. И выдавался тот талон только передовикам производства за особые заслуги в «улучшении, повышении, укреплении» и т.д. Чтобы талон превратился в реальное авто, человек, подобно сталкеру, должен был добровольно пройти целую цепь оборонительных укреплений, искусственно созданных.

Так автор оказался в положении сталкера.

Произошло это за пару лет до того, как возникла дача. Автор в ту пору работал в городской газете. Грянуло событие в октябре, когда на Севере наступает зима.

В понедельник позвонили и предложили «горящий» талон на покупку машины. У тех, кому назначался талон, не оказалось денег. Ответ надо дать завтра, а забрать машину в пятницу, иначе «уплывёт». А это в другом городе — в Братске.

Такие дела. Денег у них не оказалось. А у нас откуда возьмутся? Тем не менее, домашний совет идею одобрил и вынес решение, состоящее из одного слова —

брат! Да, брат, хватать, пока дают. А деньги обещала раздобыть Катя. Сказала, что выжмет из хороших знакомых. Иначе, что в них хорошего?

Рано утром, ещё до восхода солнца и, конечно же, в пятницу я стоял на обочине трассы Усть-Илим — Братск и голосовал проходящим изредка машинам. Стоял с выжатыми из знакомых и зажатými в кармане двумя тысячами рублей. С гаком. Потратить чужие деньги и получить за них машину надо в некотором удалении от того места, где стою. Точнее — за 250 километров.

Добрался до соседнего города к полудню. Пока разузнал, что и где, пока нашёл нужную контору, наступил обед.

Естественно, что уважающие себя люди в это время отдыхают, наполняются калориями. Менее уважительно настроенные к себе граждане торчат в коридорах, изучают инструкции и приказы, околачиваются возле парадного крыльца. Ждут. И ничего им не сделается, подождут, коли талон достался.

Дождались. Теперь бегаем по этажам, разыскиваем кабинеты, почтительно замираем у входа. Здесь самому расписаться, а там получить подпись. И здесь тоже подпись. И штамп обязательно. И здесь, здесь, здесь... Оплатить.

— Где оплатить?

— А это в другом корпусе, на другой улице.

Очумевший от беготни, выхожу наконец на улицу, жадно глотаю городской воздух, содержащий всякую предельно допустимую всячину. Смотрю на часы, пытаюсь оценить действительность.

Действительность, увы, сурова. Хотя всё вроде бы сделано. В обмен на две тысячи «деревянных» получил несколько бумажек с печатями, но это ещё не «Запорожец». За ним, говорят, надо ехать в какую-то Осиновку, где находится автобаза, (хорошо, что не в другую область). Сорок минут автобусом. Но где этот автобус и в какой стороне Осиновка? Хотя бы кто-нибудь подсказал.

Часы показывают, что уже без десяти четыре. Вместе с этим они показывают, что обещанный мне автомобиль временно отплывает за горизонт. Могу не догнать. Дело в том, что без десяти пять закроется, наверное, автобаза с моим «Запорожцем». Завтра суббота, нерабочий день, дальше воскресенье, в понедельник мне на работу. Кажется, влип, как муха в сметану. Как теперь быть?

А в это время подъехала «Волга», такси. Рядом стоит. И я стою, о своём думаю. С раннего утра на ногах, в животе урчит, хоть бы воды стакан заглотить. Голос слышу, отвлекающий от грустных раздумий.

— Тебе куда, земляк?

Хотел ему ответить — эх, хотел... Но не ответил. И слава Богу. Поднял голову, вижу — нормальный мужик, глаза добрые. Даже не похож на таксиста. Сигареты на губе нет. Может быть, и вправду хороший человек?

Терять мне нечего. Пан или пропал. И рассказываю ему всё, как есть. Про славный автомобиль, который от меня уезжает и вот-вот скроется за поворотом. О том, что торчать в Братске придётся до понедельника, ночевать негде, а дома обязательно будут переживать — что случилось по дороге?

Водитель посерьёзней, глянул на часы.

— Какой тебе автобус? Смеёшься? Садись, я попробую помочь. Знаю эту базу в Осиновке, мы ещё успеем. Я их всех на уши поставлю, чтобы выдали машину сегодня. Человек старался, бегал с бумажками... Поехали!

Машина набрала ход. Замелькали деревянные дома первостроителей Братска,

похожие на двухэтажные бараки. Привычное дело — построили, в газетах помелькали, потом шум утих, и — живут «герои трудовых будней» в своих махоньких, продуваемых квартирках. Ждут второй десяток лет, когда подойдёт очередь на нормальное жильё. Дождутся ли?

— Дадут машину, куда не денутся, — убеждённо говорил таксист. — Человек за двести пятьдесят километров за ней приехал, как из другой страны. На попутках добирался, с утра не ел. Дадут. Они тоже люди.

Не отрывая глаз от дороги, он протянул свободную руку и назвал своё имя — Иван. Что-то надёжное слышалось в голосе и в имени.

Ощувив крепкое рукопожатие, почувствовал прилив уверенности. Теперь уже казалось, что всё сложится хорошо. Ворота не закроют перед носом, машину получим. Ведь теперь мы вдвоём, теперь мы с Иваном! Господи, да неужели я уже сегодня поеду на своей машине? Сам! Заставлю себя не есть, не спать, хоть до утра буду крутить баранку, но доеду! Во что бы то ни стало доползу до дома, где ждут меня две дочурки и жена. Ведь у меня ещё и день рожденья именно сегодня — должен быть двойной праздник. Пока никому не говорю, но...

Иван тем временем развивал автомобильную тему.

— Семье без машины никак. Мы вот как-то обходились раньше, а теперь сами удивляемся — как без машины жить. Автобус не то. Ещё дождись его... А на своих колёсах — это хоть куда. На дачу, на речку искупаться или по грибы.

Немного помолчав, он добавил:

— У тебя сегодня событие.

— Да уж... Несостоявшееся пока. А вообще-то да, в самом деле одно событие уже имеется. Не такое важное. Просто так совпало... У меня сегодня... (думаю — надо ли сообщать?) день рождения.

— Правда что ли?

— Правда. Паспорт могу показать.

— И сколько стукнуло?

— Ровно тридцать. Как по линейке, круглая дата. Надо за столом сидеть, но так получилось. Сказали — обязательно сегодня машину забрать. И поехал...

Тем временем въехали в соседний Энергетик. Здесь уже настоящий город, без бараков — по обе стороны мелькают широкие витрины, тянутся панельные дома, облицованные мраморной крошкой. Продолжая смотреть перед собой, таксист качнул головой, усмехнулся и произнёс:

— Да-а... Смотри, как припёрло... Тридцать лет. А мне тридцать семь. Так чего ты молчишь!? Ведь ты именинник, юбиляр! Не хухры-мухры. Теперь на автобазе не отвертятся. Давай-ка здесь тормознём.

Он остановился возле большого «Гастронома», выключил мотор. Мне показалось это лишним, протестую.

— Мы теряем время.

Иван предупреждающе поднял руку.

— Ничего страшного. Успеваем, я слежу. Время мы не потеряем, зато заставим его работать на себя. Ты лучше дай денег. Ведь остались у тебя?

— Есть маленько. На бутылку что ли?

— Конечно. Давай, не тяни.

— Так давай я сам сбегаяю. Зачем тебе ходить?

— Нет, лучше я. Тебя уже понимаю маленько. Ты и вправду время потеряешь.

Мало жизнь знаешь. Давай, не жмись. На бутылку и на конфеты. Там почти все женщины, на той базе. Только механик мужик.

Уже через несколько минут он снова сидел за рулём. На заднем сиденье пристроил «Шампанское» и коробку шоколадных конфет. Мне вручил свёрток с пирожками и бутылку лимонада.

— Жуй, юбиляр, подкрепляйся. Как раз успеешь управиться, пока доедем. Главные дела у нас впереди — готовься.

Кажется, успели вовремя. Ворота автобазы открыты. Я выскакиваю первым, подбегаю к приземистому домику с вывеской. Распахиваю дверь и, увидев за столами людей, с порога заявляю:

— Мне надо машину получить.

Женщины, сидевшие за столами (их было трое), подняли головы, посмотрели, но ничего не ответили. Недружественный знак. А в чём дело? Наконец, самая старшая, строго глянув сквозь очки, произнесла:

— Сегодня уже не выдаём. Рабочий день окончен. Теперь только в понедельник. — Она кивнула на настенные часы, показывающие без пятнадцати пять.

Приблизительно так выглядит удар «под дых». Внутри всё похолодело. А я-то надеялся, уже видел себя за рулём. Поверил, уши развесил... Судорожно глотаю воздух, пытаюсь подобрать слова, но рядом уже стоит опора нации Иван. Незаметно, но настойчиво он оттирает меня в сторону и говорит:

— Девочки, дорогие мои, выручайте! Вся надежда только на вас. Парнишка в пути задержался, пока из Усть-Илима на попутках, пока документы делал, по конторам бегал. И ночевать ему негде.

Отодвинутый «парнишка» потупился, глядя в пол, а девочки лет сорока пяти переглянулись и, напротив, оживились. Все вдруг заметно повеселели, разом стряхнув усталость трудовых будней и прожитых лет. А произошло это потому, что сумку с дарами Иван переместил из-за спины и выставил перед собой. Серебристое горлышко «Шампанского» высоко торчало из сумки и победно целилось в потолок. Молодец мужик. Умеет жить среди людей, ничего не скажешь.

Старшая «девочка» поправила очки, обвела взглядом сотрудниц.

— Ну что будем делать? Сделаем доброе дело?

— Как скажете, Полина Семёновна.

— Тогда зовите Костю.

Явился Костя. Из его краткого выступления следовало, что осталась последняя машина. У неё, правда, не работает правый подфарник и нет щётки на «дворниках». Впрочем, успокоил он, «дворники» не всегда нужны, дождя сегодня нет, да и достать их при желании можно. А правый подфарник — он не очень-то обязательный. Самый важный поворот — левый, а он как раз работает.

Дружно согласились, что левый поворот важнее, но Иван уже почувствовал, что инициатива стремительно перебегает на нашу сторону. Он твёрдо глянул на механика и откопал ещё один вопрос, который всеми был упущен.

— Цвет какой?

— Хороший цвет. Жёлтый.

— Цвет детской неожиданности, — уточнил Иван.

— Ну, не знаю... Людям нравится.

Мы с Иваном переглянулись и сразу поняли друг друга. Подавляющее большинство «Запорожцев», бегавших по нашим дорогам, почему-то были окрашены

в этот ужасный, неопределённый цвет, который нельзя назвать жёлтым. Будто на заводе не хватило жёлтой краски, и, поискав глазами, туда добавили обычной грязи, недостатка в которой у нас не наблюдается.

Мой продвинутый напарник прекрасно знает, что последних билетов в кассах не бывает. Если хорошо поискать, то найдётся ещё один. Или два. Или три... Иван уже стоит возле руководящей Полины Семёновны, пригнулся и что-то говорит, делая знаки в мою сторону. Семёновна понимающе улыбается.

— Да, особый случай. Не каждый день... Слушай, Костя, а тот голубенький, что в боксе стоит, ты кому его держишь?

Костя поскрёб пониже спины.

— Так он заказанный. Лёха глаз на ево положил. Просил оставить, говорил, что придёт на той неделе. Я даже помыл его. Проверил, приготовил.

— Вот и хорошо, что приготовил. Человек в дальнюю дорогу поедет. Лёха никуда не убежит. Ещё один вагон с «Запорожцами» едет.

Спустя некоторое время владелец поглаживал новенький голубой «Запорожец». Иван послушал работающий двигатель, потом сделал пару кругов по площадке, проверил, как переключаются передачи и, довольный улыбаясь, вышел из машины, хлопнув широкой дверцей.

— Потянет! Давай садись, тянись пока за мной, ты ведь не знаешь Братска. До плотины тебя провожу, а дальше уже сам. Давай сейчас рассчитаемся, здесь удобней. Потом будет некогда.

— Ладно, давай.

— Что-то много ты даёшь. Я ведь говорил тебе — по таксометру. А лишнего не надо, убирай, всё равно не возьму.

— Ты столько времени на меня убил...

— Ничего не убил, всё нормально. Тебя сегодня прихватило, а завтра меня прихватит — люди помогут. Надо выручать друг друга, по-другому жить нельзя. Мы же люди, не волки. За меня не переживай, я своё заработаю, день не кончился. У тебя впереди дорога, деньги пригодятся.

— Спасибо. Тогда ещё минутку на меня потрать. Ты вот говоришь — заводи, поехали. А мне, думаешь, так просто поехать? Я никогда не то, что не ездил, но даже не сидел никогда в «Запорожце». С какой стороны к нему подходить? Где мотор да как капот открывать? Как заводится этот зверина? Ты же водитель, скорее меня разберёшься. Покажи хоть что-нибудь.

— Добро. Садись рядом, запоминай.

Рассказать — одно, поехать — другое. Тем не менее, тронулись. Вышли на основную трассу. Здесь пришлось понервничать, потому что впереди шёл колёсный трактор «Беларусь». Иванова «Волга» легко обошла его и скрылась впереди. Но мне наставник велел держаться только правой стороны, возле обочины. Никого, говорил, не обгонять. Про трактор не говорил...

Тракторист заметил, наконец, плетущийся позади «Запор», съехал на обочину, потому что выстроившиеся за мной начали сигналить.

Иван ждал возле плотины.

— Ну что? Первые километры на колёса намотал?

— Намотал. Потихоньку доберусь. А тебя клиенты заждались.

— Это точно. Давай. Удачи тебе.

— Ещё раз спасибо за всё.

— Не за что. Привет!

Он махнул рукой, «Волга» умчалась, а я постоял, проводил её взглядом. Молодец мужик! Побольше бы таких. Скольких клиентов потерял...

Плотину проехал без приключений, в потоке машин. Свернул сразу за ней, остановился. Вот она — знаменитая Братская ГЭС! Сходил на смотровую площадку, чтобы поглазеть на каскад воды, падающий со стометровой высоты. Подышать влажным воздухом. Просто постоять, подумать о разном.

Человек действительно на многое способен.

Эпохальные мысли, подобные вышесказанной, посещают, наверное, разные головы, бывающие здесь в разные времена. Стриженные, лохматые, с косичками и наголо бритые. Братская ГЭС, одно из величайших сооружений в мире — плод человеческой мысли и гигантских усилий. Мы тоже что-то можем!

Теперь займёмся другой эпохальной задачей — как добраться до дома? На носу вечер, за ним ночь, а езда по ночной дороге — тёмный лес для меня. И как приручить неведомый четырёхколёсный агрегат, рычащий подо мной?

Агрегат как будто уже не спорит с ездоком, повинуется, едет по дороге. Не сильно выделяется среди других машин. Но всё время кажется что-то не то. Он не окончательно смирился — в любой момент может что-нибудь случиться. Как застучит, забренчит, завоет! Или отвалится. Что тогда? Ведь наездник начинающий, только рулём научился ворочать да на педали давить. И даже этому обучался совсем на другой машине — на «Москвиче». Там всё иначе.

Да, кстати, а работают ли тормоза? Ага, работают. Это уже лучше — остановиться смогу в случае чего. Как-то даже веселей.

За размышлениями такого свойства проехал через город, миновал окраины и вышел на тракт. Здесь едва не совершил большую глупость.

Увидев в начале трассы толпу людей, начал притормаживать. Хорошо знаю, что все эти бедолаги пытаются уехать в Усть-Илим или в посёлки, что будут по дороге. Не смогли сесть в автобус, подтвердив версию, что он не резиновый. Сам много раз стоял в этой толпе — как не помочь?

Хорошо, что затем подоспела более трезвая мысль — а вдруг что-нибудь случится в пути? Сломается машина или под откос улетим? Нет, земляки, извините. Водитель не готов возить других, ему бы самому доехать.

Начало трассы выглядело так, будто этот участок отдан автошколе, специально для обучения начинающих «чайников». Ровная, сухая, далеко видная лента асфальта и — ни одного внешнего раздражителя. Ни догоняющих, ни встречных машин. Катись, как только можешь. А мы можем! Не откажем себе в этом удовольствии! Стрелка спидометра быстро поднимается — 80, 90, 97 — всё, кажется, предел. Ничего, на первое время этого хватит. Остановимся на восьмидесяти.

Машина летит вперёд, колёса пожирают километры, мотор урчит ровно. Ничего не бренчит и не отваливается. Красота! Хоть песни пой.

Есть, правда, одно маленькое беспокойство. В умеренных дозах оно поступает из неба. Как-то странно, непроницаемо-мрачно смотрит оно на голубого жучка, сквозь тайгу ползущего по дороге. Что там затевается? Очень может быть, что затевается нам не нужное, повышающее процент ДТП.

Через десяток километров выясняется, что почва для беспокойства имеется. Лобовое стекло становится мокрым — дождь. А кто-то сегодня утверждал, что дворники не потребуются. Где они, кстати, включаются?

Ещё через десяток километров начинается дождь со снегом. Потом уже просто снег, без дождя. Падает красивыми крупными хлопьями. Что ж, всё по расписанию. Середина октября. Покров...

Юмора добавим. Снег говорит о том, что мы не сбились с пути, едем в верном направлении. С каждым километром понижается температура, а из этого вытекает, что движемся строго на Север, в город, где в одной из квартир на улице Романтиков очень ждут папу. Пусть не на белом, не на розовом коне, зато на голубом «Запорожце». Более современный вариант.

А теперь без юмора. Как будем ехать?

Дорога постепенно становится белой. И скользкой. Надо снижать скорость, пока не занесло. Проехал, судя по времени, около восьмидесяти километров. Остаётся сто семьдесят. Дорога всё хуже и хуже. Скоро начнётся затяжной Седаковский подъём с несколькими поворотами. Смогу ли подняться на него?

Вот уже и начался. Плавно загибаясь, дорога уходит высоко вверх. Колёса конечно будут скользить по снежной плёнке. Ничего, попробуем подняться. Но это ещё не самое грустное. Похоже, что меня ждёт кое-что похуже.

Где-то в полукилометре впереди смутно просматривается ползущий наверх гружёный лесовоз. В гору ползти трудно, и он делает это, как может, — едет посередине дороги, занимая проезжую часть. Тяжёлый груз придавливает его к земле, поэтому подняться по скользкому покрытию ему даже легче, если правильно «поймать» дорогу. Обойти его слева, кажется, можно, но всё-таки рискованно. Это понятно даже мне, начинающему.

Хорошо бы самому догадаться о другом. Не стоит сейчас подниматься вслед за ним. Лучше подождать внизу, пока он выйдет наверх.

Но хорошие мысли плохи тем, что приходят поздно.

Даже при малой скорости мой агрегат неумолимо догоняет лесовоз. Уткнувшись сейчас носом в его забрызганный грязью зад. Тогда придётся почти до нуля сбросить обороты двигателя, а это — нож в горло. Мой слабосильный моторишко не вытянет на подъём. Надо будет долго и нудно пятиться назад, что тоже очень опасно на такой дороге. Придётся с нуля начинать подъём.

А-аа, была — не была! Разве нам не знакомо это всеильное восклицание? Ещё как знакомо! Решаюсь на обгон. Высунулся слева, вижу — дорога свободна, никого нет. Давлю на железку, прибавляю газу. Вперёд!

Железка тут же показывает, кто в доме хозяин. С машиной происходит что-то непонятное — она едет не туда. Отчаянно жму на тормоз. Стоп! Двигатель заглух. В наступившей тишине гляжу остекленевшими глазами на мир. Но мир не дрогнул ни одной былинкой. По-прежнему деревья стоят застывшей монолитной толпой. Тихо кружатся крупные снежинки. Ничего в мире не изменилось.

Изменился лишь вектор моего движения. Неведомые силы развернули машину почти на 180 градусов. Теперь она смотрит не на Север, как надо водителю, но назад, в Братск. Но мне туда не надо.

Если точнее, то машина стоит наискось. Задняя часть на дороге, а передняя нависла над кюветом. Надо срочно вытащить, развернуться. Только кто подскажет, как это сделать? С чего начинать?

Стою, оглушённый, подавленный. Озираюсь, не знаю, что делать. В голове звенит. Будто ложка в пустом котелке. Противная мелкая дрожь в коленях... Нет, это никуда не годится. Надо брать себя в руки.

Снова сажусь в машину, запускаю мотор. Переключаю передачи, пробую на малых оборотах, на больших, но скоро убеждаюсь, что все мои попытки изменить положение не приносят ничего, кроме потерь. Напрасно сжигается бензин, резина стирается об дорогу, теряются нервные клетки. Колёса крутятся на месте, про-скальзывают, словно мылом намазаны. Ни малейших сдвигов ни туда, ни сюда. Без посторонней помощи не обойтись. А где её взять?

Лесовоз уже выполз наверх, скрылся за бугром. Меня он, наверное, видел в зеркало, но не остановился. Его тоже понять можно. Ему, во-первых, самому надо как-то выбраться с грузом. И вряд ли он вообще мог помочь — во-вторых. Теперь дорога пустынна. Никого. Ни сверху, ни снизу.

Хоть бы кто-то проехал... Ведь давно уже стою. Куда все подевались? Ага, кто-то едет! Мимо. Даже не посмотрел... Через двадцать минут следующая машина. Тоже мимо. А дрожь в коленях усиливается — теперь уже от холода. И руки мёрзнут. Скоро к моим бедам добавится ещё одна, и она хуже всех вместе взятых — уже темнеет, а я тут в одном костюмчике. Вот тогда запоёт и запляшет счастливый обладатель машины... Нет, лучше не надо.

Ещё полчаса проходит. Сумерки сгущаются.

Быстро приближается машина со стороны Братска. Быстро потому, что перед подъёмом разгоняется. Легковая. «Волга», такси. Может, остановится? Нет, этот не будет тормозить — у него полная машина пассажиров. Разбег набрал, тем более. Не будет. Опускаю поднятую руку, но смотрю с надеждой — вдруг?

Такси уже близко и... Господи, да неужели такое наяву бывает!? Неужто Иван? Откуда? Не может быть!

Да, таких совпадений в жизни не бывает. Но оно было. Со мной.

Он остановился выше. Подошёл, покачал головой.

— Как тебя угораздило?

Дальнейшие подробности сегодня уже не важны. Добавлю только, что мой спаситель, братчанин Иван (даже фамилии не знаю) сделал всё возможное, чтобы повторно помочь совершенно чужому человеку. И это таксист — ловкий, как мы привыкли думать, делец, который своего не упустит и «с руками оторвёт». Честный, открытый человек — продавец, таксист, официант. Смешно? Признаюсь — тоже был такого мнения, пока не встретил Ивана. Все мы очень разные.

Машину он вытащил, отогнал наверх, вернулся пешком, а мне сказал:

— Давай вместе до Седаново. Потом сразу назад вернусь, меня ждут. Ехать буду тихо, а ты держись за мной. На тормоза не дави, лучше совсем ими не пользуйся. Старайся идти внатяг.

— Ты бы ещё сказал, что это такое.

Он и это объяснил. С черепашьей скоростью мы преодолели более десятка километров. Без происшествий скатились по крутому, скользкому спуску, где один бы я наверняка улетел бы под откос. Опять Иван потратил дорогое время на стороннего человека. С ним ехали четверо пассажиров. Конечно, за деньги ехали. И были, возможно, не очень довольны задержкой в пути. Но как-то сумел он объяснить необъяснимое, нашёл и здесь подходящие слова.

Заночевав в рабочем общежитии на полу, на следующий день добрался до дома, где, конечно, заждались и переволновались. Ехал опять с приключениями (как без них?), но меньшего масштаба. Спасибо Ивану.

Только потом, когда всё утряслось, до меня дошло очевидное. Вполне мог

бы спросить его адрес или записать номер машины. Мог позвонить руководству таксопарка, где он работал, рассказать, какой замечательный человек и водитель Иван. Мог, но не сделал... Но есть надежда, что обо всём знает ТОТ, кто послал его мне. Знает и даст Ивану то, чего он достоин.

Какими ветрами забросило его, городского таксиста, в это глухое место? Десятки дорог расходятся от Братска в разные стороны, ведут в разные посёлки, но он оказался здесь, почти за сотню километров, и именно в этот момент, когда он так нужен. Не могу даже представить, что бы делал без него... Но как могло такое сойтись в одной точке? Есть хоть кто-нибудь, кто ответит на это? Увы, кроме невнятного бормотания о неких «случайностях», мы, люди, ничего не можем сказать. У каждого из нас живут в памяти истории, когда подобным образом «повезло». Мы привыкли объяснять это случайным стечением обстоятельств.

Но нет ничего случайного. И большинство не всегда право.

Участие ангела-хранителя — единственно возможное объяснение случившегося. Обязан уточнить, что это утверждение человека, много повидавшего и пережившего, готового ответить за каждое свое слово.

Знаю, что сегодня многие мои сограждане улыбнутся, услышав про непонятного ангела-хранителя. Кто-то, возможно, покрутит пальцем у виска. Что ж, каждый волен сам делать выводы из происходящего. В те времена, когда покупался «Запорожец», я и сам, пожалуй, улыбнулся бы такой версии. Но времена меняются, жизнь расставляет всё по своим местам. Должны меняться и мы.

Ещё несколько слов о доброте.

Отзывчивость когда-то считалась главной добродетелью у русских людей. Но теперь она уходит в прошлое. Или в небо. Или в песок. Неохотно (ох, как не хочется покидать людей), с оглядкой, но уходит. И всё-таки есть надежда, что она вернётся. И должна вернуться, если народ хочет сохраниться как народ. Пусть нам того не дожидаться, но есть дети и внуки...

Добрых людей и сегодня достаточно много, несмотря на смутные для России времена. Добрых дел тоже много. Но знаем мы о том мало, потому что доброта не кричит о себе, не даёт прибыли и тиражей. Охотников сражаться за неё — единицы. Не потому, что не платят. Духовных командиров недостаток. Сам дух в дефиците. Но придёт время — и мы поймём, дойдём, задумаемся...

Все мы, в большинстве, остаёмся добрыми людьми. При любой смуте и при любых начальниках. Не стоит этого стесняться и скрывать.

Белая сирень

Посадить дерево — это каждому приятно. Ещё приятней, если сумеешь сбереечь его, сможешь вырастить. Пройдут многие годы, однажды ты остановишься перед ним, удивлённо поднимешь голову — оно, оказывается, уже высоко над тобой! Шумит зелёными ветками, собирает птиц и людские взгляды. Ты, кто способствовал вырасти ему именно здесь, стоишь внизу, совсем маленький, в сравнении с ним, не скрываешь улыбки, гладишь ладонями шершавый ствол и вспоминаешь далёкий день, когда дерево было слабым ростком.

Если у вас до сих пор такого дерева нет, посадите завтра же, не откладывая. Ещё несколько приятных минут добавьте к своей жизни.

Катя любит сажать деревья. Нетрудно догадаться, что Катюшка, Катя и Екатерина первая — одно и то же лицо, в зависимости от времени суток и настроения. Но вот, что интересно, — на её лице легко читается «Катюшка» (неграмотный прочтёт), если она сажает очередное деревце.

Родом она из тёплой, дождливой Белоруссии, где, говорят, даже кол, воткнутый в землю, рано или поздно зазеленеет.

Жизнь, однако, повернула так, что пришлось поселиться в Прибайкалье. И началось великое переселение деревьев из Европы в Азию и наоборот. Сначала из Восточной Сибири в Белоруссию переехали два саженца лиственницы. Прибыли в сумках, среди гостинцев и вещей, запелёнутые в мокрую ткань.

Лиственницы притерпелись к теплу и частым дождям, стали жить. Сам видел — растут. Одна возле дома, что на берегу Днепра, другая на кладбище, где упокоены родные. Надо признать, что переселенцы узнаются не сразу, не с первого взгляда. Нужно постоять, погадать, пока поймёшь, что это обычная сибирская лиственница. Здесь она уже другая — с европейским акцентом. Более приземистая и развесистая, не устремлённая ввысь, как на родине. Хвоя у неё отрастает длиннее и чаще, поэтому ветки выглядят много пушистее.

Можно поинтересоваться — почему из многих других выбрано именно это дерево? Но тогда надо назвать некоторые склонности самой сеяльщицы, мало известные в широких кругах.

А склонности, надо заметить, масштабные. Катя любит всё большое, широкое, полное, раздольное. И потому глаза её ликуют и горят при виде Тажеранских степей в Прибайкалье и самого Байкала, бездонного, как небо. И по той же уважительной причине воды в питьевом бачке, что на даче, непременно должно быть больше половины. Меньше никак нельзя. По тем же соображениям выбрана красавица лиственница — она возвышается над всей тайгой.

Белоруссия, тем не менее, тоже помнилась. Снилось постоянно, не хотела забываться. Родина как-никак, и всё этим сказано. Снились Днепровские кручи, утопающие в цветущей белой сирени.

Кручи есть и на северной Ангаре. Ещё и покруче тех, что на Днепре. Вот только белая сирень никогда здесь не росла и не цвела. Да просто не сажали, потому и не растёт. Вот мы возьмём и попробуем. Посадим.

Росток белой сирени был выкопан в известном городе Орше, в его Заднепровской части, окутанной зеленью садов. И началось далёкое, рискованное бегство побега на Восток. Надо заметить, что это было очень непростое путешествие. Ведь сначала надо добраться до города Москвы, ещё более известного, чем Орша. Ехать пришлось на такси, на автобусах, в поезде и в метро. В тесноте, темноте и почти без воды, с малым запасом земли на корешках.

Маме Кате пришлось нелегко в известном городе Москве. На руках у неё были не только обычные вещи, нужные (и не очень) в дороге, но ещё и две хорошенькие девочки, шести и трёх лет от роду.

А маме всё равно не страшно. Она учительница и потому провела воспитательную работу с детьми дошкольного возраста. Объяснила, что теперь они совсем не маленькие девочки, им можно доверить такое ответственное дело, как охрана вещей.

Девочки вникли и взялись поработать сторожами, пока делаются обязательные вокзальные дела.

Наконец, всё позади, билеты зарегистрированы. Сторожа получили заслуженный гонорар — чай в бумажных стаканчиках и вкусные булочки. Стакан чаю в Шереметьево ещё не стоил сотню рублей.

Томившийся в сумке сиреневый росток слышал, должно быть, что люди пьют чай. Ему тоже очень хотелось пить. Хотя бы простой воды. Ведь он второй день в пути. Но как все не могут знать своей судьбы, так не знал её и он. И, если хорошо подумать, тем лучше для него, пусть привыкает.

Пить бедняге не придётся ещё долго. Ну, во-первых, до Восточной Сибири сначала надо долететь самолётом.

Лететь надо через пять часовых поясов, через половину огромной страны, самой протяжённой из всех стран. Будучи задвинутым куда-то под сиденье, где тебя поминутно пинают, надо терпеть перепады давления, неприятную трясучку, по имени «турбулентность», и другие неудобства. Даже добравшись до конечной точки, до города Усть-Илима, следует ещё подождать.

Ждать, пока они все наговорятся, наобнимаются, наедятся да выспятся и лишь назавтра вспомнят про тебя, живущего на честном слове.

— Вот этот прутик надо бы посадить на нашей даче, — говорит жена мужу, раскрывая последний, самый неприметный пакет.

— Так это надо ехать туда. А когда я соберусь?

И здесь высвечивается ещё одно обстоятельство, оттягивающее посадку прутика. Муженёк-то нерасторопный. Не бежит, не берётся сразу за дела, как все нормальные люди. Ему, видите ли, сначала надо обмозговать, в затылке почесать да собраться, а на это время нужно.

Уже и на дачу он приехал, и место подходящее приглядел, а всё равно стоит, раздумывает над прутиком, приживётся ли сирень из далёкой республики? Попробуй угоди этой иностранке.

Южная сторона сразу за домиком, здесь теплей и светлей, Марьин корень растёт, и никто не затопчет его в этом месте. Вполне комфортное местечко — живи да радуйся. Но тут земля посуше, влага быстрее испаряется. Понравится ли такое растению из дружественной, но дождливой Белоруссии.

Росток прижился, выбросил листочки. Даже чуть-чуть попрос за лето. В бодром состоянии ушёл под снег. Выпал он рано и сразу много. Не пожалел хозяин снега зимой — накидал его горкой над прутиком. Лишним снег не будет. Особенно ранней весной, когда прежде времени земля оголится, а по ночам навеваются морозы.

Казалось, что всё наладилось в жизни белой сирени. Разрослась она следующим летом, расправила ветки под щедрым сибирским солнцем. К одному побегу добавились ещё два. Вокруг куста мы сделали просторную лунку, заполняли её водой в жаркие дни, убирали сорняки, удобряли.

Глаза людей ласкали кустик, покрытый листьями, похожими на зелёные сердечки. Мы ждали, что пройдёт год-другой, и среди листьев появятся кисти белых цветов, дающих дивный аромат.

Но кустику выпала трудная судьба.

Лишь весной, когда сошёл глубокий снег, хозяин заглянул за домик и ахнул — кустика нет. В лунке виднелись три жалких пенька, оставшихся от сирени. Пеньки были не выше спички. На них хорошо заметны следы острых заячьих зубов. Вспомнилось, что ещё осенью дачники жаловались на набег ушастых.

Расстроились мы крепко. Особенно Катя — прямо до слёз. Она вложила в затею столько усилий. Ей так хотелось, чтобы здесь, на северной Ангаре, жил кусочек её заднепровского детства...

Чем тут можешь? Но помочь очень хотелось. Опускаюсь на колени, чтобы получше рассмотреть торчащие из земли пеньки. Вижу, что один из них выделяется другим цветом коры. Сверху он такой же коричневый, погибший, как два других. Но ближе к земле цвет меняется, становится светло-серым.

Это уже интересно. Он, кажется, живой.

Будто внештатный агент полиции, приближаю свой любопытный нос вплотную к пенькам. Слегка надавив ногтем, оставляю полоску на коре. Полоска зелёная! У нас, кажется, не всё потеряно. Жива надежда!

Один из побегов уцелел. Он ещё может развиваться, если ему помочь. А помощь какая? Да самая простая — полить вовремя, доброе слово сказать. Тёплый взгляд бросить, проходя мимо, да не наступить нечаянно. Сорняки удалить, чтоб не душили болеющее растение. Пусть оно кажется бессловесным и бесчувственным — это далеко не так! Бывалые огородники и садоводы убеждены, что всякое растение чувствует любовь и ласку, оно обязательно ответит взаимностью.

К концу лета здесь уже зеленел, тянулся к солнцу молодой побег. Но и на этом не кончились испытания судьбы.

Ещё более жестокий удар последовал поздней осенью, в конце октября, когда хозяин расслабился и долго не появлялся на даче. Кот Мяус, тоже считавший себя хозяином на этих шести сотках (и не без оснований, конечно), к этому времени переехал на зимнюю квартиру. Здесь у него была совсем другая жизнь — ленивая, сытая и не очень интересная. Лежи себе в мягком кресле, позёвывай да мультики смотри по телевизору. Тоска, одним словом.

Росток, оставленный без присмотра, был быстро обнаружен желающими пожевать. Ну, хоть что-нибудь.

А случилось вот что. Октябрьский снег, выпавший на Покров, оказался дурной шуткой. Следом грянула оттепель, и весь снег растаял. На долгое время земля осталась без покрывала. Затем морозы прижали. И забегал лесной народец — холодно без одеяла в убежище, в норе или маленькой норке, куда легко залезает мороз. Когда приходят такие передряги, есть лишь один способ спастись — хорошо поесть. И делать это каждый день, пока не выпадет снег.

Глухой осенью, когда грибы, ягоды и всё самое вкусное в лесу подобрано, подъедено, тогда в ход идёт остальное, что только жуётся. В том числе и мох, и кора, и молодые побеги. Добрались и до нашей сирени безобидные лесные мышки — подчистую обглодали всю кору вокруг побега. Ругать их можно сколько угодно, но и понять тоже можно. «Голод не тётка» — так это называется у людей.

Тем не менее, в этой истории, как и в большинстве других, предусмотрен (не автором, конечно, но самой природой) счастливый конец.

Весной, когда мы с Мяусом, оба по уши виноватые, склонились над погибшим ростком, какая-то идея ударила в усатую голову кота. Запустив лапу в лунку, он стал рыть землю. Хорошо зная, что пушистые кошачьи лапки снабжены очень острыми спецкрючками, мягко, но настойчиво отстраняю кота от занимаемой должности. Вряд ли он поможет нашему горю.

Ямку, однако, он успел расковырять. В глубине вижу жилистый корешок. Тогда и в моей безусой голове тоже возникла идея.

Осторожно снимаю землю с верхней части корня и — о, чудо! — вижу живую почку. Она лишь одна, других нет, и она никогда не видела солнечного света, поэтому представляет собой белую точку на тёмной поверхности корня. Но несомненно одно — это начало будущего побега. Прекрасный урок для отчаявшегося в жизни человека — даже дважды уничтоженное растение способно начать всё сначала. Как хорошо, что человеческие слабости не известны в растительном мире...

Дважды наступать на грабли — это мы умеем. Весь лоб был бы синим, если бы не рассасывались синяки со временем. Но третьего раза не будет! Заявляем ответственно и даём честное слово сравнительно честного человека.

В итоге сравнительно честный человек выполнил обещанное. Что не совсем традиционно, но... Вбил несколько кольев вокруг лунки, обтянул их тонкой металлической сеткой. Теперь ни заяц, ни мышь, ни один грызун, даже очень голодный, не прогрызёт такую защиту. Ну, разве что медведь. Но он, думается, лучше погрызёт что-нибудь посущественней, самих грызунов, например, если попадутся под горячую лапу да меж когтей не проскочат.

Защита несла караульную службу на «отлично». Ни в этом году, ни в другом, ни в последующем грызуны до сирени не добрались.

Из единственной уцелевшей почки наконец-таки вырос куст белой сирени. И было у него всё, что нужно, — ветки, листья, много новых побегов. Кроме одного, самого главного — цветов. Ростом куст догонял своих опекунов, но упорно не давал цветов. Каждую весну мы с надеждой ждали, что покажется первая цветочная кисть. Увы... Сказывался, должно быть, неласковый северный климат.

Растению требовались перемены.

Они нужны были и нам, людям, жителям большой страны. Многие чувствовали — надо что-то менять в своей жизни. В народе возникло и быстро разошлось слово «застой». Намёк на болотное существование...

Зазвучали революционные слова «перестройка», «кооператив», «индивидуальная собственность» и другие. Зато тема построения мифического общества, окружённого забором, где всем хорошо, тишь, гладь и благодать, и где даже стихийных бедствий не бывает, — эта тема отошла на второй план, затем и вовсе исчезла.

Думающие люди сообразили — что-то будет.

Брожение вскоре началось и у нас. Как и следовало ожидать, первой забродила самая активная часть семейства. Она, представьте, мне и говорит:

— А не переехать ли нам в Иркутск?

— Не понял.

— Сейчас поймёшь. Работу тебе уже здесь не найти. В газету путь закрыт, сам понимаешь. Или ты хочешь сторожем до самой пенсии работать? С двумя дипломами... Надо себя уважать и семью. Бесполезно искать другую работу. Скажи спасибо, что эту дали. Город небольшой, все нужные люди предупреждены.

Для того, чтобы уехать, имелись и другие причины.

Супруга выкладывает ещё один аргумент.

— Дети растут. Одна уже школу заканчивает, в институт будет поступать. Ей языки нравятся, ты знаешь, а ближайший институт иностранных языков как раз в Иркутске.

Да, всё было так, всё бесспорно. Но уезжать не хотелось.

Разговоры о возможном переезде велись несколько лет. Мы всё никак не могли решиться. Но всё-таки решились и сразу узнали, что самое трудное — прощание с землёй, обихоженной своими руками. Было это настолько тягостно, что не хотелось даже хлопотать о продаже участка. Будто ты, дееспособный, живой человек, осознаёшь свою беспомощность у постели умирающего. Ты понимаешь, что конец неизбежен. Все слова уже сказаны, тянутся тяжёлые минуты, пора уйти и что-то оборвать. Но оборвать ты не в состоянии. Мозг говорит — надо, а сердце не хочет ничего слышать.

В последний раз «Запорожец» прибыл на дачу, где была его привычная стоянка. Мне предстояло собрать и увезти всё ценное, что могло бы пригодиться по новому месту жительства. В салон машины загружались обрезки досок, строганные бруски, посуда, инструмент, рабочая одежда и все памятные, милые сердцу вещицы, какие с годами набираются в каждой семье.

Уже куплен дом в посёлке на берегу Иркутта, в часе езды от Иркутска. Вот туда и поедут в контейнере несколько кустов, выкопанных на даче. На память. Это широко разросшийся Марьин корень, таёжный красавец пион, молодые побеги малины. И, конечно, куст белой сирени. Он окружён особой заботой — укутан в отдельный мешок, с большим комом влажной земли на корнях. Посажу его на новом месте — в Шаманке, возле дома, на видном месте.

Давно истекло отпущенное на сборы время, но бывший хозяин дачи всё медлит, не уезжает. То там постоит, то здесь потопчется. То сюда, то туда без нужды заглянет. И чего, спрашивается, заглядывать, если всё уж осмотрено, проверено. Пора уезжать. Но не идут ноги к машине... Не снимается рука с тёплого брёвнышка под окном... Не могут глаза оторваться от домика, от беседки, от теплиц, от печально поникших кустов. Неужели это всё? Неужели никогда не увидать этого?

Рассказывать о последних минутах всегда трудно. Трудно даже сейчас, когда столько лет уткло с той поры.

* * *

Годы, сбитые в десятилетия, отлетели, как листья, в далёкое прошлое. Молодые целинники, когда-то валившие лес, превращавшие таёжные угодья в грядки, стали дедушками, бабушками. Поседевшие романтики Усть-Илима часто встречаются, вспоминают город, где вместе с молодостью каждый оставил часть сердца. Мечтаем, говорим о настоящем и будущем, поём те же песни, что пелись там, у костра.

Из дачной жизни в «зоне рискованного земледелия» взято и сохранено всё лучшее. Творчество прежде всего.

Ну, а что наш многострадальный куст? Жив ли он, совершивший великое путешествие из Европы в Восточную Сибирь? Ведь ему пришлось вынести ещё одну пересадку и 800-километровый переезд от северной Ангары до Иркутта.

Жив бродяга! И, конечно, зацвёл. Ещё как зацвёл!

Всё он выдержал и перенёс, потому что хотел жить. В высоту вымахал больше двух метров, деревом стал, но не успокоился на этом — решил размножиться. И выполнил намеченное. Теперь два сиреневых куста встречают гостей по обе стороны въездных ворот нашего деревенского дома.

Белая сирень — символ весны, той весны, которая лишь однажды бывает в

нашей земной жизни. В памяти каждого из нас она бережно хранится — светлая, чистая и звонкая, как апрельская капель.

Оба куста исправно несут свою службу. Украшают ворота, каждую весну раздают на все четыре стороны роскошные кисти белых цветов. Цветут они сразу после черёмухи, и потому в деревенской усадьбе так хороши тихие майские вечера: солнце плавно погружается в мохнатые сосновые лапы, стихает птичья перекличка, а воздух незаметно насыщается неповторимым, смешанным ароматом — отцветающей черёмухи и распускающейся сирени.

Иногда кажется, что два дерева белой сирени — мы сами. Они продолжают нашу жизнь, как дети. Ведь они тоже помнят нас молодыми, помнят прикосновения наших рук. Давно живут вместе с нами, делят все наши радости и переживания. И каждую весну приносят надежду, зовут в полёт. Что ж, мы это обдумаем. Почему бы и нет? Стряхнём с крыльев пыль, полетим.

ПОЭЗИЯ

ЯКОВ ШАФРАН

«Я душой нахожусь на донецкой аллее...»

* * *

Кончается лето, последние дни.
Дожди и туманы всё чаще и чаще.
Погода всё больше осенней сродни,
И неба лазурь по-сентябрьски звеняща.
Светясь белизною, восходит луна
В пока ещё летний, но в сумерках вечер.
Однако не летне скромна и скучна
Глядит, чуть сощурясь, с небес, издалече.

Листва потускнела, но лето живёт,
Ещё посещает небесная просинь.
А время бежит, устремляясь вперёд.
В душе поселяется ранняя осень.
Земля не просохла ещё от дождя.
И волны прощальные запахов, цвета.
О, лето, о, лето, прошу, уходя,
Меня не лишай наслаждения светом.

ШАФРАН Яков Наумович родился в 1950 году. В 1973 году окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998 Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986 г. Автор восьми книг прозы и поэзии. Печатается в журналах: «Берега», «Подъем», «Сура», «Александр», «Голос эпохи», «Новая Немига литературная», «Северо-Муйские огни», «Дальний Восток», «Сибирь», «Перископ», «Метаморфозы», «Автограф», «Клаузура», «Литерра», «Литкультпривет!», «Великороссъ» и др.; в альманахах: «Невский альманах», «Рукопись», «Московский Парнас», «Иртышъ-Омь», «Тарские ворота», «Врата Сибири», «Параллели», «Крылья», «На крыльях Пегаса», «Отчизне посвятим», «Донская сотня» и др.; на сайтах журналов: «Невечерний свет», «Родная Кубань» и газет: «День литературы» и «Российский писатель». Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н.С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Живёт в г. Туле.

* * *

Предложили о книгах своих рассказать,
О себе предложили поведать.
Похвалиться собой пред людьми, словно тать,—
Накликать на себя осуждение и беды.
Пусть страницы рассказов, стихов говорят —
Им даю полновесное слово,
Пусть выходят к народу без шлемов и лат,
Пусть звучат и набатом и зовом.
Что на свете сильнее всех клятв и всех слов,
Привлекательней всех говорящих голов? —
Лишь дела, что остались навеки!
Как река — изменяется ток, глубина,
То мелеет в жару, то весною полна.
Нет уж нас, но живут наши реки!

* * *

Стою у берёзки я тонкой.	Не может ни юность, ни детство
Недавно так юность была,	Свести с основного пути.
И детство смеётся вдогонку...	Нет в жизни особого средства
Неужто все врут зеркала?	От Божьей руки увести.
Но нет, всё на месте, и время	Пойду я за Ней без оглядки.
Ведёт свой незыблемый счёт,	Назад возвращения нет.
И в срок высеивается семя,	Разгадывать буду загадки
И в срок собирается плод.	Не прошлых, а будущих лет.

* * *

Выхожу я к вечернему городу,
К полноцветию красок, огней.
Он стал краше, чем знал его смолоду,
Оживлённое стал и людней.
Много новых домов, магазинов,
На дорогах обилье машин.
Но не этой по сердцу картиной,—
Он мне мил теплотою души.
И любя простираю далече
Руки сердца до края земли.
А оно обнимает и лечит
Всю страну, что сберечь не смогли.
Ибо любит оно полной мерой
Ни на что не похожую Русь,
Ту, что стала мне Матерью, Верой,
Над которой Царём — Иисус.
Но тревога и в облаке белом,
И в скользящей по небу луне
Почему-то мне в душу глядела
И шептала о грозной войне...

* * *

Я пишу, как могу, как умею,
На сердечном, своём языке,
О земле, о родимой, боля,
Каждым словом и в каждой строке.
В них и радость, и грусть, и тревога,
В них любовь, неприятие, гнев,
К осознанию духа дорога,
И забота о Новой Стране.
А когда злые мысли стучатся
И на сердце ложится тоска,

То тогда не оставят им шанса
Светлых мыслей и знаний войска.
И когда всё ж настырно и злобно
Чёрный враг наступает кругом,
Поражу его «смерчем» подобно
Я молитвой и острым стихом.
Потому не прошу я у Бога
Ни богатства, ни силы, ни лет —
Только духа и верного слога,
Чтобы встретить достойно Рассвет!

* * *

Не по времени стыло вокруг
И тревожно, и серо, и зябко.
У зелёной ольхи как-то вдруг
Стала рыжей стремительно шапка.
И тепло позабыло про нас,
Под ногами опавшие листья —
Преждевременный пишет рассказ
Осень нам живописною кистью.
Так и быть, наступай поскорей
Без чудачества, поздняя осень.
Путь уже в нарушение дней
Станет лес гол и сер, безголовен.

Чем быстрее наступит зима
И всё белым, как саван, покроет,
Тем скорей подоспеет весна
С птиц певучих щебечущих роём.
Когда снова скажу: «Разливай
Свой чудесный и бодрый напиток,
Мой волшебный и ласковый май,
Разворачивай, лето, свой свиток!»
Когда снова воскреснет душа
В возрождённом Любовью причастье.
Потекут, никуда не спеша,
Дни, часы и минуты на счастье.

* * *

Так случилось, не нужно жалеть ни о чём,
Ведь у времени нет возвращенья обратно,
И тогда, когда так получилось неладно,
Тем тяжёлым и горьким, мучительным днём.
Хорошо бы, конечно, прозреть всем слепым,
Обрести бы предвиденье грозных событий,
Избежать бы обилия кровопролитий,
Чтоб однажды не стал весь итог роковым.
Батальоны нацистов стремятся в прорыв,
И все мысли солдат отштампованы в пули.
Их в «европах» учили, «нах ост» развернули,
Сделав пушечным мясом чужих директив.
А в селеньях оставленных — месть и террор,
И нет места, чтоб не было стона и крови,
Где всё дело творят на предательском слове,
Где нацист и наёмник — судья, прокурор.
Нет обещанных благ, нет защитного зонта.
Остаётся лишь там всем сжимать кулаки.
И ответ на вопрос: «Не уйдёте, сынки?»

Не дойдёт до ушей из-за линии фронта...
Планировщику скучно — так тянется день,
Не поможет игра на бумаге в войнушку.
А таможня опять не пускает «игрушку»¹...
Но появится солнце и сгинет вся тлень²!

* * *

Я душой нахожусь на донецкой аллее
Возле сотен имён убиенных детей.
Разве может что быть на миру тяжелее,
Продолжать старику жить в подобной беде?
Я душой нахожусь у могил тех героев,
Кто погиб за свободу родимой земли, —
Кто от пули злодейской, кто в огне среди боя, —
Тяжкий крест, не щадя своих жизней, несли.
Вы не дожили дни, кто-то месяцы, годы
До великого дня возвращенья домой.
Но посев ваш велик и живучи все всходы,
Урожай будет годен для сражения с тьмой.
Вы, взирая с Небес, из Надземного Рая,
Льёте радость свою на людей, на Донбасс.
И, энергии ваши душою вбирая,
Свой для боя готовлю я боезапас.
Моё сердце стучит в такт донецкой победы.
Поднимаю бокал, посылаю свой тост.
Но ещё не закончились битвы и беды,
Потому возвращаюсь на доверенный пост.

* * *

Зазвучала осенняя песня.	Я иду поутру к вам, берёзы, —
Смолк, заслушавшись, ветер-буян.	Не хочу ли найти среди вас
И в прозрачном уже редколесье	Те далёкие, прежние грёзы,
Чередуются солнце, туман.	Мой далёкий тот юности час?
Золотые берёзовы косы	Но душа всё поёт о прекрасном,
Золотинки роняют свои.	О своём златочувственном сне.
Вот и клён пожелтел совсем рослый,	И тоска, и печаль так напрасны,
Одинок у берёзок стоит.	Когда песнею сердце во мне.

¹«Игрушка» — квадрокоптер с камерой, продаётся в интернет-магазинах как игрушка.

²Тлень — то, что тлеет, гниль.

* * *

Златокудрая осень, дивноликая осень,
Как ты рано пришла, как забыла свой срок,
Как оставила в прошлом, где-то там, среди сосен
Яро красное солнце и лето пестро.
В две-три ночи совсем пожелтела вся местность,
И дожди зачастили, заблудившись в домах.
И душе сразу стало тоскливо и тесно
Без тепла и без пения звонкого птах.
Вот и старость седа, бессловесно, неожиданно
Чужаком забралась в одинокий мой дом
И предстала как факт, как суровая данность,
Ничего не желая мне дать на потом.
Как недавно в груди ещё силы кипели.
Как теперь далеко молодые те дни.
И мерещиться стали всё чаще метели,
Даже в летние тёплые, светлые дни.
Но я утром туманным выйду в сонную рощу
И прижмусь к белоствольной берёзе родной,
Что назло непогоде растёт и не ропщет,
Пробуждаясь от сна ежегодно весной.
Так и я, растворяясь душою в природе,
Её мудрость приму как любовь, как закон,
Чтобы в жизненном долгом и трудном походе
Предо мной не скрывался вовек горизонт.

* * *

Иллюзии канули в лету, И вмиг рассосался туман. Всё время добиться победы Стремился сам Лэвиафán. Луны ли всё это творенье. Иль козни ведёт сам Сатурн, Но нужно им соединенье Подобных манкуртам натур. Ведь в этом подсолнечном мире Оленей нет дружбы к волкам. По этой причине вскормили Покорных их хищным клыкам.	Так век наш хронически болен — В нём попораны дружба, любовь. И даже на звон колоколен Не всяк шевельнёт свою бровь. Но есть для людей крепость веры: Сквозь тьму и смятение туч С неё, разметая химеры, Маяк направляет свой луч. Маяк тот — Владыка Небесный, Недремлющий Вечный наш Бог, Кто Путь указывает нам тесный — Спасения дивного срок.
--	---

* * *

Стихами душа ловит боль тяжкой сечи,
Где многоязыкие снова идут,
Идут издалече, жестоки их речи,
И ясен их зуд, и понятен маршрут.

Там стонет земля от огня и от взрывов,
Где плоть человечья оценена в грош.
Там отдыха нет, как и нет перерывов,
Там день, если жив, так на адский похож.
Но жалость не к тем, кто пришёл на зарплату,
Не к тем — поохотиться кто только рад,
А к нашему русскому брату-солдату,
Кто землю спасает не ради наград.
А жалость к обманутым ложью чумною
И к тем, кому легче от братской руки
Погибнуть, чем встать перед волею злою,
Бесстрашно восстать тьме и злу вопреки.
А жалость к обычным, простым мирным людям,
Что гибнут и с этой, и с той стороны.

Победа придёт, только мы не забудем
Безвинные жертвы сей страшной войны.

Очерк и публицистика

ВЛАДИМИР СКИФ

Иван Молчанов-Сибирский

Среди известных литературных имен Сибири имя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского несомненно занимает одно из выдающихся мест. Ещё в начале прошлого века он формировал и создавал писательскую гвардию Иркутска, а затем возглавлял её долгие годы. Как поэт, Иван Иванович Молчанов-Сибирский оставил большое, ещё не до конца опубликованное и изученное литературное наследие — стихи и поэмы, публицистику, детские стихи и рассказы, дневники и записные книжки. Он вёл большую общественную работу, искал и воспитывал юные и молодые таланты и оставался таким до конца своих дней.

В 1985 году Георгий Марков, лауреат Государственных и Ленинской премий, первый секретарь Союза писателей СССР, бывший иркутянин, вспоминал об И.И. Молчанове-Сибирском: *«У него был редкостный талант находить людям полезное дело, вовлекать их в общественную жизнь. Он был нестоицимым на добрые выдумки, которые порой превращались в радостные события для многих... вспомните знаменитую «Базу курносых».*

А вот воспоминания другого писателя, тоже иркутянина: *«Исключительно душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединенные с ярким и оптимистическим настроением...*

...Писательской организации мы не можем представить без Ивана Ивановича потому, что он выпестовал эту организацию, был многолетним и почти бессменным её руководителем, взвалив на плечи своё нелегкое дело воспитания литературной смены. ...И если в Иркутске на долгие годы создался особый микроклимат в литературной среде, то начало его идёт от «дяди Вани» Молчанова-Сибирского».

Так писал о Молчанове-Сибирском поэт Марк Сергеев — один из его прилежных учеников. А что до «дяди Вани», то так дружески, доверительно и с большой любовью называли его «курносые», пионеры-школьники иркутской школы № 6, которые под его руководством написали книгу «База курносых», а затем нередко — его друзья и коллеги. Даже Алексей Максимович Горький, подписывая Молчанову-Сибирскому свою книгу на Первом съезде советских писателей в 1934 году, оставил на ней полушутливую, полусерьёзную дарственную надпись: *«Дяде Ване Молчанову-Сибирскому. Хорошее дело делаете, дядя».* И позже, когда Горький переписывался с иркутскими школьниками и давал им совет относительно написания новой книги: *«Я предлагаю вам: когда дядя Ваня прочитает весь материал, пошлите рукописи ко мне, я бы тоже посмотрел...»*

Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился 1 мая 1903 года во Владивостоке, в семье военного моряка, баталера героической канонерской лодки «Кореец». Помните песню «Гибель «Варяга» на стихи Якова Репнинского:

*Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг.
Сами взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг».*

Начало жизни Ивана Ивановича прочно связано с военно-морской славой Иркутска. Именно Иркутск стал форпостом зарождения и развития Тихоокеанского флота. Снаряжение петровских экспедиций — Беринга и других, Российско-Американская компания, открытие и присоединение к России Алеутских островов, Аляски, первое посольство в Японии, первая навигацкая школа, первое Адмиралтейство, проект реформ российского флота, разработанный иркутским губернатором Корниловым (отцом знаменитого адмирала Корнилова, героя Севастополя). Так что маленький Ваня Молчанов появился на свет в морской колыбели восточной российской окраины, которая за три века была создана в основном силами иркутян. Не случайно его отец — Молчанов Иван Николаевич — на морскую службу был призван из Иркутска.

В 1905 году Молчановы вернулись в Иркутск, и вся последующая жизнь и судьба И.И. Молчанова-Сибирского связана только с Иркутском. В семнадцать лет Иван Молчанов работает помощником слесаря в иркутском железнодорожном депо, учится в железнодорожном техникуме. Работая в депо, он заканчивает курсы рабкоров, сотрудничает в газетах, вступает в комсомол. В те годы на железной дороге работали будущие писатели: Павел Нилин — в котельной, Костя Золотовский и Михаил Скуратов — в депо. Здесь, среди рабочей молодежи, в комсомольской среде и зазвучал голос молодого поэта Ивана Молчанова.

В 1923 году в Иркутске возникает Иркутское литературно-художественное объединение (ИЛХО) — первая в Сибири писательская организация. И это опять же не случайно. В Сибири только Иркутск имеет в историческом арсенале почти десяток летописей, отражающих историю города и края. В Иркутске появилась первая публичная библиотека. В Иркутске написан первый сибирский роман «Дочь купца Жолобова» Ивана Калашникова. В Иркутске родилась первая в Сибири женщина-писатель — Авдеева-Полевая, здесь же написан первый советский роман — «Два мира» Владимира Зазубрина.

Михаил Скуратов, поэт, чалдон и сибиряк, жил в Москве, но не забывал своей родины. Его душевная приязнь к другу юности сквозит в строках воспоминаний: *«Иван Молчанов-Сибирский! Мой друг и побратим по писательскому ремеслу. Мы оба с ним служили одному делу — русскому поэтическому Слову, русской советской Поэзии... Мы с ним оба взрастали в былом Глазковском предместье Иркутска, и даже сражались в мальчишеских уличных драках, — когда улица шла на улицу. И уже в ту пору мы с ним оба стали «илховцами» — и вошли в пятерку-шестерку юных тогда поэтов... Напомню и перечислю имена: Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Иван Молчанов, Валерий Друзин, Василий Томский (Скрылев) и аз многогрешный — тогда выступавший под псевдонимом — Михаил Бельский...»*

Первые стихи Молчанова-поэта посвящены родному городу, родному краю, родному Глазковскому предместью:

<i>Гора, за ней опять гора</i>	<i>И каждый день, и каждый год</i>
<i>Сплотили тесно плечи,</i>	<i>Упрямо камни гложет.</i>
<i>И мчится, стонет Ангара,</i>	<i>И синих вод упрямый ход</i>
<i>Совсем по-человечьи.</i>	<i>Скала сдержать не может.</i>

В 1932 году выходит первый сборник стихов И.И. Молчанова-Сибирского «Покорённый Согдиондон», где автор рисует широкий образ пробуждающейся Сибири и чувствует себя её верным сыном: // *В тайге глухой галец Согдиондон // Вонзился в небо голою вершиной. // Его изрезали со всех сторон // Глубокие и резкие морщины. // Он сед, он стар. Давным-давно оглох. // Крутые скулы топором не бриты, // Как борода косматый белый мох, // И склоны пихтою обвиты. // Стихи поэта отражают эту сыновнюю любовь: // Милый край... Тишина... Тишина. // Милый край, где привольно и дико, // Под ногами бадан и брусника, // Милый край молодого вина.//*

Первая книга Ивана Молчанова стала добротной заявкой на творческое будущее: // *Догорел осенний вечер, // Укатилось солнце прочь. // Даже собственные плечи // Не видать в такую ночь. //*

Иван Молчанов входил в сибирскую литературу вместе со своими друзьями-одногодками — Иосифом Уткиным, Михаилом Скуратовым, Львом Черноморцевым, Валерием Друзиным, Анатолием Ольхоном, Гавриилом Кунгуровым — и чуть ли не все они одного, 1903 года рождения. А ещё его литературные сверстники и друзья: Иннокентий Луговской, Павел Маляревский, Джек Алтаузен, Елена Жилкина, Константин Седых, Василий Непомнящих. С писателями старшего поколения у молодого Молчанова также дружеские отношения: с Аполлоном Тороевым, Исааком Гольдбергом, Александром Балиным и особенно с Петром Поликарповичем Петровым.

В 1933 году Иван Молчанов ведёт литературный кружок в иркутской школе-интернате № 6. Он знакомит детей с русской и советской литературой, преподаёт им азы журналистики и публицистики, и, под впечатлением литературных познаний и рассказов наставника, они пишут первую в советской России коллективную книгу о времени и о себе «База курносых».

Юные иркутяне и не знали, что продолжили давнюю традицию, начатую еще в 1835 году, когда иркутские гимназисты из собственных сочинений составили книгу «Прозаические сочинения учащихся иркутской гимназии», и их наставник, преподаватель изящной словесности Поликсентьев сумел издать её в Петербурге. В книге ребята описывали берега и воды чистой Ангары, затенённую и поэтичную речушку Каю, сверкающую и гремящую на камнях Ушаковку и, конечно, легендарный Иркут, приносящий к Ангаре отражение и прохладу Саян.

«База курносых» прогремела на всю страну, и руководство Иркутска наградило ребят поездкой в Москву. Иван Иванович получил в это же время приглашение на первый съезд советских писателей — и в Москву поехали все вместе. Уже в дороге дети прочитали в «Известиях» отзыв Алексея Максимовича Горького об их книге и приглашении на I съезд советских писателей. После съезда ребята вместе с Иваном Ивановичем побывали в гостях у Горького в Горках, где он пожелал им творческих удач. Вернувшись, дети решили писать книгу о том, как ездили в столицу, как гостили у главного писателя страны. И, конечно, вместе с ними работал и помогал им их любимый дядя Ваня.

И это не единственный пример творческого общения Ивана Ивановича со школьниками и молодежью тех лет. Вот строки письма одной из многочисленных поклонниц творчества Молчанова-Сибирского Лины Белковой: *«Кажется, давно ли это было, когда в Красноярском техникуме путей сообщения, будучи пионеркой, я слушала его горячие выступления на комсомольском собрании. Как потом, в Иркутске, в бывшем Глазковском предместье, мы — комсомольцы — слушали его*

чудесные стихи. Память о нашем сибирском поэте всегда будет жить в сердце советского человека. Его жизнь достойна подражания, и я горжусь, что в молодые годы мне довелось слушать Ваню Молчанова. Его пламенные речи и стихи многим дали направление в жизни. Я была в числе этих многих.

Лина Белкова (из многочисленной семьи Яковлевых), г. Ленинград».

А вот строки известного журналиста, ученика и друга Ивана Ивановича, соратника по работе в газетах военного времени, собственного корреспондента ТАСС в Иркутске, Александра Иовича Гайдая, поэта, написавшего две книги стихов.

Леонид и Александр Гайдаи, как и Молчанов, — глазковчане. Все они ходили по одним улицам, в одни годы, жили по соседству, и их творческий потенциал возрастал и питался соками одной и той же земли — в сосновых и берёзовых рощах над Иркутом, Ангарой и Каей. Здесь рождались не только поэтические образы у Ивана Молчанова и у Александра Гайдая, здесь обозначались и переходили в потенциал творческой реальности реплики, ситуации и эскизные черты будущих героев всемирно известных комедий Леонида Гайдая «Операция «Ы», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука».

Из воспоминаний Александра Гайдая:

«...Конечно, писательский труд — дело сугубо индивидуальное, и своими успехами, художественными открытиями авторы обязаны прежде всего самим себе, своему дарованию, но немаловажное значение имеет и та обстановка, то окружение, в котором работает литератор. Атмосфера доброжелательности, товарищеской поддержки и одновременно строгой взыскательности, какая сложилась в Иркутской писательской организации в пору работы на посту ответственного секретаря И. Молчанова-Сибирского, помогла выявить и вырастить новые таланты, способствовала росту творческой активности и молодых, и уже сложившихся опытных литераторов».

Александр Гайдай подружился с Иваном Молчановым и никогда не терял связи с ним и его семьёй, даже тогда, когда Ивана Ивановича уже не было в живых.

В тридцатые годы у Молчанова-Сибирского выходят сборники: «Стихи», «Синие Саяны», «Граница на Востоке», а также книжки для самых юных читателей: «Милая картошка», «Лисенок Тумай», «Лыженьята» с иллюстрациями иркутских художников. Голос поэта крепнет, набирает силу и звучит чище, образнее, ярче. Имя его обретает не только региональную, но и всесоюзную известность, и это видно из писем со штампами Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска, Якутска, Красноярска, Новосибирска.

Поэту пишут, к нему обращаются писатели, известные всей стране, — Александр Серафимович, Эдуард Багрицкий, Владимир Зазубрин, Самуил Маршак, Илья Сельвинский, Ефим Пермитин, Борис Полевой. Кроме просто дружеских и приветственных слов — это ещё и рецензии, и отзывы на его творчество, и многочисленные просьбы.

«Уважаемый тов. Молчанов! Ваши стихотворения «31-н» и др. производят впечатление: звучны, литературны. Вы будете расти. Стихи передал тов. Полетаеву в «Октябрь». Он читает стихи. С приветом, Александр Серафимович. 16. V. 28.»

«Внутренняя лиричность резко отделяет Молчанова от поэтов, у которых, кроме штампа, нет ничего. Сибирская экзотика для Молчанова не только эстетическое украшение, она также быт, она страна, которую нужно освоить. Он знает прошлое этой страны, он с ней в настоящем, он явственно видит её будущее. Эдуард Багрицкий. Москва. 1930 год».

«В песнях Ив. Молчанова-Сибирского есть и разлив, и язык, они увлекают и полны теми приятными неожиданностями, которые являются первыми признаками поэтического дарования. В них автор весь в обаянии своей темы — он поёт и не думает о том, чтобы это было похоже на то, как принято в “хороших домах”». Илья Сельвинский. 15. IX. 1937 г.»

В 30-40-50-е годы XX столетия Иван Иванович был в глазах современников светлой, неординарной личностью, известным поэтом, которого знали и читали не только в Иркутске и в Сибири, но по всей стране, совершающей прорыв ко всеобщей грамотности, к знаниям, издающей самые большие в мире тиражи книг. Можно сказать, что Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому повезло не только с верными друзьями, среди которых были писатели, офицеры, рабочие, пионеры, ему повезло и с необычайно широкой, отзывчивой и чуткой читательской аудиторией, которая признала и любила его. Но аудитория одна на всех, а потому главное, в чём ему повезло, — это с родиной Сибирью, восторгаться которой и воспевать которую он никогда не уставал. Названия его стихов говорят сами за себя: «Весна на Байкале», «Золотоносная тропа», «Костёр», «У таёжного ключа», «Избушка на Ичене», «Озерцо», «На берегу», «Затёсы», «Голубой дым», «Мунку-Сардык», «Безымянный ручей», «Подбрось в костёр немного веток», «Хорошо на Байкале вечером».

И не менее важным, чем родина в судьбе, стало то, что не обнесла та же судьба Ивана Ивановича до краёв наполненной, светлой чашей личной жизни — на протяжении всего жизненного пути, полного трудов и забот, был он счастлив с женой Викторией Станиславовной Молчановой, в девичестве Прушинской, и с детьми, которых в семье было шестеро. Да, он был востребован временем, уважаем коллегами по литературному цеху, которым помогал, и сумел взрастить целую плеяду известных и даже выдающихся писателей. А ещё был он осиян немеркнущим светом родной, любимой и любящей души, согрет её теплом и заботой.

Не только литературой и работой с молодежью и школьниками был занят поэт. В довоенные годы И. И. Молчанов-Сибирский несколько раз призывался в армию, где также была высока потребность в правдивом и честном слове, в подбадривающем и поддерживающем оптимизме, в устойчивой вере в общее дело, в правоте идей и устремлений целого народа. А что может быть нужнее и справедливее защиты своей земли, своего отечества? И его отправляли то на командирские сборы, то на тревожные рубежи, где вела сложную провокационную игру японская военщина, не желающая смириться с результатами давно отгремевшей гражданской войны, с господством России на Курилах, на Сахалине и на Камчатке. Ну и само собой, годы, когда гремела Великая Отечественная и у восточных границ стояла огромная Квантунская армия. Здесь, в полевой и часто боевой обстановке, росло и крепчало уже не литературное, а военное мужество и братство сильных и испытанных в боях людей.

Небезынтересно в этом смысле письмо генерал-лейтенанта в отставке Никифорова Анатолия Александровича, присланное 23 февраля 1965 г. из Москвы в Иркутск: *«В 1934 г. командный состав запаса погранвойск в полевых условиях проходил переподготовку в 1-й пограничной школе (г. Новый Петергоф). На переподготовку был направлен и поэт Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Я в это время командовал курсом переподготовки, и не могу не вспомнить этого высокого, стройного и подтянутого, с большой белокурой шевелюрой и выразительными добродушными глазами, человека. Иван Молчанов был всегда примером на курсе,*

как при обучении, так и в повседневной лагерной жизни. Он был не только редактором стенной газеты, не только интеллектуальным кладезем подразделения, но и активным спортсменом, организатором серьёзных диспутов и участником многочисленных дружеских бесед. Вспомнив его, я раскрыл пожелтевшие от времени страницы с написанными им и подаренными мне на память стихами (по-видимому, нигде не опубликованными и мало кому известными) о тех днях, которые мы вместе проводили в напряжённой учебе в лагере «Приморский хутор». 1 июля 1934 года, на 45-й день сборов, мы решили организовать прощальный вечер...

Когда выступала наша самодеятельность, я получил «боевое донесение» на листках, вырванных из полевой книжки, предназначенной для таких донесений: «Кому: т. Никифорову А.А. Лагерь: Новый Петергоф. Время: 11. 00. 1.VII.1934 г. Донесение № «Прощальный вечер»:

*Окончены речи, играет туш.
Товарищи, слушайте друга!
И вот запекает смущённый Вануш
Про солнце далёкого юга.*

*И тут же является солнце из туч
Над сумрачным Финским заливом,
Умытый дождевыми солнечный луч
Искрится цветным переливом.*

*И песне навстречу — другая встает,
Высокая песнь Закавказья.
Сегодня для нас эту песню поет
Наш друг Тадеоз Сагарадзе.*

*Подхвачена вмиг голосами друзей,
Под облако песня взовьётся,
И в песне волнуется горный ручей,
Лоза виноградная вьётся.*

*Стремительным шквалом ворвался оркестр,
По сцене поплыл Карахалин,
Танцует Шамиль, а природа окрест,
Как будто у нас на Байкале.*

*Быстрей и быстрей, как полёт колеса,
Стремителен танец кавказский.
Вот так бы и мне искромётно плясать,
Да нормы не содал я по пляске.*

*Товарищ Шумаев, есть просьба к тебе,
Зови на подмогу флейтиста,
Чтоб грянул свой марш о любви и борьбе
Наш хор и наш тенор Денисов.*

*Мы с маршем победным пройдем до конца
Единым не дрогнувшим строем
Под грохот снарядов и посвист свинца...
Да будет здесь каждый героем!»*

Прочитав это «донесение», я не удержался, чтобы тут же не огласить его всем присутствующим на вечере. Долгие, не смолкающие аплодисменты закончились возгласами: «Качать Молчанова!» Это было достойной наградой за его тёплые, проникновенные слова о своих товарищах и за тот призыв, который прозвучал в концовке стихотворения. Время было, действительно, героическое, и многие из нас в будущей войне с фашистами стали настоящими героями своего времени. Его стихи светло и правдиво показывают ту обстановку, ту удивительную дружескую атмосферу, которая окружала нас, молодых командиров. А «Песня командиров запаса» стала нашим гимном. С ней мы направлялись в походы, на охрану государственной границы, с ней мы возвращались в наш учебный лагерь. Память о поэте Иване Молчанове-Сибирском сохранится у пограничников на долгие годы, и хотелось бы, чтобы земляки-иркутяне знали его не только как поэта, но и как воина в зелёной пограничной фуражке. Генерал-лейтенант в отставке А. Никифоров».

А вот воспоминания Анатолия Срывцева, которые относятся к тем же далеким, довоенным годам. («Свидание». Кемеровское книжное издательство, Кемерово, 1972 г.): «Однажды небольшая группа литераторов Иркутска решила выехать в летние лагеря, где проходил тогда военные сборы командир запаса поэт Иван Молчанов-Сибирский. Из темноты, качаясь, плывет на нас желтоватый пучок света. Он то исчезает, то, внезапно приближаясь, ярко вспыхивает, выхватывая из сумрака станционные постройки, крышу низкого сарайчика, пестрый киоск. Обогнув вокзал, свет гаснет, скрипят колеса по гравию. И звонкий голос прорезает тишину ночи: «Товарищи писатели здесь?» Потом пучок света несётся впереди нас, освещая мачтовые сосны, белую дорогу, и, наконец, упирается в деревянный забор, полосатую будку и часового с винтовкой. Выходим из машины, минуем часового и идем по мягкой дорожке.

— Здравия желаю, товарищи писатели! — раздаётся громкий, с легким перекастом командирский голос, но в нем почему-то слышатся знакомые шуточные нотки.

— Это же Ваня! — кричит Константин Седых, встряхивая густыми кудрями. Мы со всех сторон окружаем подтянутого, широкоплечего командира в лихо надвинутой на брови пилотке. Ольхон берет в руки планшет, проводит пальцами по новеньким скрипучим ремням, которые крест-накрест перехватывают грудь Молчанова, и протяжно тянет:

— Вот это да-а! — и в комическом удивлении: — Товарищ старший политрук, неужто мы с вами цапались две недели назад на литературной пятнице?.. Непостижимо... — все хохочут».

В 30-е годы в Иркутск приехали Агния Кузнецова и Георгий Марков. Однажды Марков принёс Молчанову объёмистую рукопись и попросил посмотреть. Иван Иванович начал читать и не смог оторваться от рукописи, читал всю ночь. Наутро он, усталый, но с какой-то спокойной уверенной радостью сказал жене: «Витя! Ты знаешь, Готя написал выдающийся роман! Его надо срочно издавать!» Так первым читателем и редактором книги Георгия Маркова «Строговы» стал Иван Иванович. Об этом с теплотой пишет и сам Георгий Мокеевич в своих воспоминаниях.

«Политработнику запаса, аттестованному в звании старшего политрука,

И.И. Молчанову-Сибирскому довелось служить в Советской Армии во время боев у озера Хасан в 1938 году и событий на реке Халхин-Гол в 1939 году. ... Приобщение к воинской службе, знакомство с армейским бытом, доверительная дружба с бойцами и командирами не могли не отразиться на его творчестве», — напишет в 1983 году Александр Гайдай.

*Уходить мне на работу надо,
У дверей из ступьев баррикада,
А за нею дочка — пальчиком грозя,
Говорит мне ласково: — Нельзя!
Медленно идут переговоры,
Я иду, и смотрит дочь с укором.
Я иду и слышу позади:
— Не ходи!
Солнце плыло в пелене тумана.
Уходить собрался нынче рано.
Бушевала ненависть во мне:
Я услышал вести о войне.
И спросил я: — Доченька, отрада,
Я пойду на фронт? Сказала: — Надо!
Потеплело у меня в груди...
Помолчав, добавила: — Иди.*

Прототипом этой маленькой и такой серьёзной девочки, несомненно, явилась Света, Светлана Ивановна, дочь поэта и будущая жена великого русского писателя Валентина Распутина.

Период службы в Монголии — бесконечные дороги, заставы, бои с японцами и подкупающе мирные картины тревожного времени — все видит, все отмечает поэт:

*Трубила труба: по вагонам!
Трубе отвечал паровоз.
И травы шатались по склонам,
И ветер летел от колес.*

*На горных лиловых отрогах
Маячил далёкий дымок.
Пред нами лежала дорога
На Дальний советский Восток...*

.....

*И песня гремит по вагонам,
Синеет небес глубина,
И ждёт нас в конце перегона
Суровое дело — война.*

А война никогда не заставит себя ждать:

*Мы вспоминали, как играют дочери,
И задремали беспокойным сном...
Вдруг в тишине хлестнула очередь
Ручного пулемета за бугром.*

.....

*Чертили небо молнии зигзагами
И в горы ударяли вкривь и вкось.
Враги бежали в панике оврагами —
Нет, нападение их не удалось.*

*Ещё хлестала по бегущим очередь
И гром глушил врага последний крик...
И, может быть, в кроватках наши дочери
Во сне отцов увидели в тот миг.*

А вот и мир посредине войны — его всегда больше и он понятен каждому.

*Подходит к Керулену караван,
К просторным дымным юртам Ундурхана.
Как путники, покинув океан,
Ещё несут дыханье океана,*

*Так караван доносит зной пустынь,
А в бурдюках — остатки терпкой влаги.
В осенний холод ворвалась теплынь.
Верблюды медленно вступают в лагерь,*

*Несет старик-погонщик от майхана
Бойцам в подарок тучного барана.*

Стихи Молчанова-Сибирского тех лет — это вообще редкое в нашей литературе широкое полотно предвоенной дальневосточной грозы: бои у озера Хасан, бои у Халхин-Гола, где фактически рождалась и закалялась в боях та армия, которая потом, в сорок первом, пережив первые разгромы, выстояв и набрав силы, неудержимо двинулась на запад, чуть ли не до Ла-Манша.

Подарочное издание «Бои Халхин-Гола» (Москва, Воениздат, 1940) и в обиходе имен, кто готовил это издание: Герой Советского Союза, генерал армии Георгий Жуков, генеральный секретарь СП СССР Владимир Ставский, писатель Константин Симонов, Евгений Петров, Всеволод Вишневский и другие — стоит скромное имя молодого офицера Ивана Молчанова, выступившего в этом издании с очерком «Экипаж Михаила Рыбкина».

Уже в 1942 году и позже, после всех сражений в Отечественную, в 1948 году, выйдут книги Молчанова-Сибирского, обращенные к тем дням и годам: «Полевая почта» (Иркутск, 1942) и «Мои товарищи» (Иркутск, 1948), из которых всегда будут доноситься до нас знойное дыхание монгольских степей, пулеметные очереди, артиллерийские канонады и грохот танковых гусениц. «Застава», «Городок», «Пограничный пост», «Ночная схватка», «Посылка», «В секрете», «Дружба», «Перед сраженьем», «Русская гармошка на Хингане», «О чем ты думаешь, солдат» и десятки других стихотворений — это не просто поэтические циклы о войне, это летопись сражений, живые страницы нашей истории, близкой и вечно живой.

Когда была объявлена война 1941 года, иркутские писатели во главе со своим секретарем Иваном Молчановым-Сибирским опубликовали в газете обращение

и объявили себя полностью мобилизованными для фронта. Писатели высказали просьбу Политуправлению ЗАБВО направить их в действующую армию, на запад, но их направляют на Восток — здесь, у наших границ стоит, и будет стоять до своего полного разгрома в 1945 году, огромная Квантунская армия — миллион прекрасно вооруженных и обученных солдат и офицеров Японии.

Десятки очерков и рассказов посылает в редакции военных газет военкор Молчанов-Сибирский. Вместе со своим давним другом, а теперь и фронтовым побратимом, с которым они, случается, делят поровну последнюю походную картофелину или последний глоток воды, с Георгием Марковым, пишут они и подписывают двумя фамилиями многие корреспонденции. «Герои первых боев», «Встречи. Из дневника писателей», «Город полотняный», «На переправе», «Семнадцать против двухсот», «Дух традиций» — везде их имена «Иван Молчанов, Георгий Марков» стоят рядом.

И, конечно, строками множества стихов освещает поэт и этот период жизни. Из воспоминаний Игоря Дружинина, писателя и фронтового товарища Ивана Ивановича: *«У него были удивительные глаза. Можно было и не спрашивать, удались стихи или нет... Сам искренний и правдивый во всем, он требовал от поэзии правды и откровенности...»*

...Вдали от Родины, за Хинганом, в маленьком маньчжурском городке мы встретили День Победы над империалистической Японией. Мы вместе ездили в часть — писать очерк о победителях. Редакционный фотограф запечатлел нас у машины: с пожелтевшего уже снимка молодо смеется счастливый, влюбленный в жизнь человек. Иным я его и не представляю».

Через долгие дни и тяжкие годы приходит светлый и ослепительный день Победы. Майор И.И. Молчанов-Сибирский с орденом Красной Звезды, «Монгольским орденом», с медалью «За победу над Японией» заканчивает, и уже навсегда, свою военную страду. И разве можно не отметить эту победу стихами? И поэт пишет стихи, своеобразные, с отображением в них своей жизни, в память отца и во славу всех, кто сражался за Россию.

*Мы так любили в детстве слушать
Рассказ отца про Порт-Артур!
Пред нами возникла суша,
Форты, глазницы амбразур.*

*Для нас бессмертною былиной
Вставали дни тревог и гроз —
Сраженье на Перепелиной
И Электрический утес.*

*Мы в бескозырках из бумаги
С любимой песнею «Варяг»
Сражались яростно в овраге
В пылу мальчишеских атак.*

*.....
Прошли года. Забыты игры,
Но песни старые звучат.
На западе пылают «Тигры»
От метких выстрелов ввучат:*

*Потомки моряков «Варяга»
Врагу не сдали Сталинград.
Крепка старинная отвага,
Умноженная во сто крат...*

*Вновь Порт-Артур...
Уже над фортом
Родные флаги зацвели.
Подходят к старым пирсам гордо
Моей державы корабли.*

Военкор и поэт майор Молчанов-Сибирский печатал в редакциях военных газет «Героическая красноармейская», «На боевом посту», «Советский боец» рассказы и очерки не только о бойцах и офицерах, он, как наставник, хорошо поработавший в культуре, посвящал свои статьи и выступления не только войне, но и русской литературе. Это позволяли ему его познания в литературе, в истории, его эрудиция и бесконечная работоспособность.

Им написаны статьи о М. Горьком (1943 г.), о Е.А. Баратынском (1944 г.), о А.С. Грибоедове (1945 г.), о Салтыкове-Щедрине (1946 г.), о романе Фадеева «Молодая гвардия» (1946 г.)

Статья, написанная к 150-летию со дня рождения А.С. Грибоедова, — газета «Героическая красноармейская», № 12 от 14 января 1945 г.: «Как воин на посту погиб знаменитый русский писатель и пламенный патриот Александр Сергеевич Грибоедов. В расцвете сил и талантов прервалась его кипучая жизнь, озарённая горячей любовью к своему народу и к великой Родине.

...По образному выражению Гончарова, читающая публика «развеела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратила миллион в гривенники»... Многие стихи превратились в пословицы и поговорки, обогащая русский язык».

Но вот и для Молчанова и его друзей закончилась война. Теперь домой, домой, к мирному труду, к родному городу, где друзья, библиотеки, жена и дети и всё-всё, за что сражались и не дожили многие фронтовые товарищи.

*В походной, пробитой ветрами шинели
Солдат возвращался с победой домой.
Он ехал, и сёла навстречу летели.
Мгновенье... покажется город родной.*

.....
*Иркутск возникает уже из тумана,
Возлюбленный с детства, окрепший в борьбе.
Солдат прошептал: — С перевалов Хингана
я видел тебя, возвращаюсь к тебе.*

.....
*Всё — ново, всё — радость влюбленному взору:
Заводы и мост, заменивший понтон.
Поднялся солдат на Весёлую гору
И городу отдал глубокий поклон.*

Очерки о писателях, о русских поэтах-патриотах он создаёт и в мирное время. Иван Молчанов-Сибирский пишет статью о Михаиле Исаковском «Всегда с народом» (газета «Советский боец», 1949 г.).

И, наконец, Пушкин. «Наш Пушкин» — газета «Советский боец», № 131 от 5 июня 1949 г. Очерк посвящен 150-летию со дня рождения великого русского поэта, который, как и вся русская поэзия, сражался с врагами на всех фронтах — многие бойцы и командиры возили с собой в карманах шинелей и в рюкзаках томики Пушкина.

Патриотизм, как одну из составляющих черт русского характера, присущую и ему самому, прежде всего замечал Молчанов-Сибирский у других и подчеркивал эту национальную особенность как у воинов, так и у литераторов, о которых писал. Его чувства и мысли, его рассуждения о русском патриотизме актуальны и сегодня. Хотя многие стихи и очерки военных лет написаны Иваном Ивановичем за пределами России, в них поэт остается верным сыном Отчизны. И мы видим и слышим, как острога разлуки с Родиной дала Молчанову новый импульс, творческий взлет. Это не требует доказательств, надо только прочитать произведения из его фронтовых тетрадей 1941–1946 годов, где предстают и война, и несладкие годы на чужбине, и природа, к которой поэт тяготел всем своим существом, пусть то были Маньчжурия или Россия, Хинган или Мунку-Сардык, озеро Байкал или река Керулен. И, конечно же, родное Глазковское предместье: *// Оно не такое теперь, как бывало: // Уже забралось на вершину горы. // Трамваи по рельсам бегут от вокзала // И смотрят в зелёную синь Ангары. // Здесь памятно всё: каждый дом, каждый мостик // И каждая тропка в сосновом бору, // Где часто буянит низовка от злости // И листья с бессмертьем вступают в игру. //*

В послевоенные мирные годы Иван Иванович много пишет о родной природе, о строительстве ГЭС на Ангаре, о новом освоении края, и все это проходит через его чуткое, доброе и отзывчивое сердце поэта. В его большом поэтическом наследии сохранилось много неизвестных, неопубликованных стихов, датированных сороковыми и даже двадцатыми годами. Этот, не освоенный издателями и литературоведами, осенённый светлым вдохновением, творческий пласт поэта Ивана Молчанова-Сибирского ещё на пути к читателю. Поэты — всегда пророки. Такой взгляд в будущее есть и в стихах Молчанова-Сибирского: *// Увлечённый прибоем рокотом, // Я безмолвно лежу на песке, // Бурь прошедших овеванный грохотом, // Ожидая грядущих в тоске. /*

Как будто поэт чувствовал в минуты прозрения, что случится с нами в будущем. Иван Иванович Молчанов-Сибирский был не только публицистом, поэтом, прозаиком, он являлся и внимательным, влюбленным в литературу читателем, тактичным, неподкупным редактором, прирожденным педагогом, а ещё и бесшменным, с 25-летним стажем, руководителем Иркутской писательской организации. И это в самые грозные и воистину трагические годы жизни страны. Молчанов редактировал, наставлял на творческий путь, благословлял и прочил высокую писательскую судьбу многим сибирским литераторам. Ему доверяли первое знакомство со своими рукописями Георгий Марков, Константин Седых, Василий Балябин, Франц Таурин, Михаил Скуратов, Борис Костюковский, Гавриил Кунгуров, Владимир Козловский, Александр Гайдай, Николай Печерский, Василий Непомнящих, Леонид Огневский, Иннокентий Луговской, Вячеслав Тычинин, Юрий Левитанский, Марк Сергеев, Анатолий Шастин, Юрий Самсонов, Петр Реутский, Леонид Кокоулин, Анатолий Преловский, Виктор Киселев, Алексей Самсония, Игнатий Дворецкий — имена, широко известные в стране. В его писательском архиве хранится огромное количество писем и телеграмм российских литераторов со всех концов страны: Александра Твардовского, Бориса Полевого,

Александра Яшина, Льва Стекольников, Александра Смердова, Сергея Сартакова, Николая Яновского, Ефима Пермитина, от приморского писателя Георгия Халилецкого, новосибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, молодого, безвременно ушедшего иркутского поэта Ивана Харабарова.

Молчанов-Сибирский встречался, общался и вел переписку, и ему дарили свои книги Максим Горький и Александр Яшин, Марк Лисянский и Николай Рыленков, Лев Кассиль и Василий Ажаев, Сергей Сартаков и Павел Нилин, Афанасий Коптелов и Николай Задорнов.

О нём вспоминали и писали на страницах своих произведений, в статьях и очерках, посвящённых его творчеству, Максим Горький, Георгий Марков, Иннокентий Луговской, Михаил Скуратов, Анатолий Ольхон, Гавриил Кунгуров, Анатолий Срывцев, Василий Трушкин, Марк Лисянский, Василий Лебедев-Кумач, Александр Гайдай, Леонид Огневский, Игорь Дружинин, Пётр Боровский, Леонид Кокоулин, Владимир Козловский, Марк Сергеев, Анатолий Преловский, Елена Жилкина, Пётр Реутский, Ростислав Смирнов, Леонид Огневский, Виктор Киселев, Анатолий Шастин, Виктор Конев, Иван Козлов и многие-многие другие.

Иван Иванович Молчанов-Сибирский, человек потрясающей порядочности, необыкновенной сердечной чуткости по отношению не только к своим братьям-писателям, но и к совершенно незнакомым людям, бескорыстный и удивительно тактичный даже в мелочах, оставил глубокий след в памяти своих современников. Его книги выходили огромными тиражами в 30, 50, 100 и даже 110 тысяч экземпляров, это, по нынешним меркам, были фантастические тиражи. «Молчановские» книжки были в каждой школьной и сельской библиотеке, поскольку выходили в свет не только в Иркутске, но и в Москве: «Лисёнок Тумай» (1934), «Таёжница» (1954). В Чите: «Костёр» (1949), «Стихи для маленьких» (1954). В Красноярске: «Зорька» (1951), «Живой уголок» (1953). В Хабаровске: «Таёжная тропинка» (1953). В Чебоксарах: «Иринка» (1959). В Новосибирске: «Здравствуй, лагерь!» (1951), «В школе и дома» (1954), «Иринка» (1961).

Елена Викторовна Жилкина всегда говорила о неподдельном чувстве в лирике Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского: «Иван Молчанов нашел родник той настоящей поэзии, который никогда не иссякнет и будет питать сердце человека, сколько бы он ни прожил на свете. Горячей силой жизни продиктованы стихи Молчанова, обращённые к нам, его современникам». Елена Викторовна с живою радостью любила повторять строфу из стихотворения Молчанова-Сибирского «Ветка кедра»: *«Я принес тебе веточку кедра, // Что растёт на вершине скалы, // В ней дыханье байкальского ветра, // Запах моря и свежесть смолы.»*

В воспоминаниях Леонида Огневского, посвящённых Молчанову-Сибирскому, чувствуется тот самый «сибирский характер», о котором много пишут, говорят и спорят. Огневский адресует нам не просто воспоминания, он передаёт колорит того самого времени, в котором пестовались известные в Сибири таланты. Он как бы проливает на нас тот свет, ту радость общения, которую испытывал и он, встречаясь с дорогим и близким ему человеком.

В книге есть воспоминания и Леонида Кокоулина, который ещё совсем молодым, юным человеком пришел к Молчанову.

Неоднократно писал о Молчанове-Сибирском и Марк Сергеев. Но особенно хорошо, по-сергеевски мягко и сердечно он написал свои воспоминания: «Мне всегда казалось знаменательным, что Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился первого мая, когда оттаивает Сибирь от зимнего оцепенения, выплескивая

первую зелень, когда гром оркестров и нарядные толпы, движущиеся подобно весенним рекам, зовут тебя из будничности твоей квартиры на простор, когда всё вокруг добром откликается в сердце твоём, радостью первоцвета, пронзительностью неба и взгляда, парадностью марша, торжественностью события. Иван Иванович и был по-майски добр и щедр.

Уже выросли поколения, которые знают Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского по книгам, по воспоминаниям друзей и товарищей по работе в литературе. Да, вырастают дети, поколение сменяет поколение — и это неизбежно. Но мы, знавшие Ивана Ивановича живым, не можем представить себе без него ни Иркутска, ни нашей писательской организации, ни собственной судьбы.

Он ремонтировал паровозы, в годы послевоенной разрухи каждый из них был на счету, по-журналистски поддерживал все новое, доброе, он выступал вдохновенно и безотказно в рабочих общежитиях и воинских частях, в школах и в пионерских лагерях, он весь свой темперамент и щедрое сердце своё отдал без остатка городу, который любил с детства, хотя родился не в Иркутске, а во Владивостоке, в семье военного моряка, баталера канонерской лодки «Кореец». Уже в молодости Ивана Ивановича отличает особенное свойство души, исключительное душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединенных с ярким оптимистическим настроением, которое сохранял он даже в периоды тяжелых болезней и жизненных неудач, не обходивших его.

К этому следует приплюсовать заботливость, организаторский талант, неуспокоенность сердца. Именно эти качества сделали его одним из выдающихся организаторов литературного процесса в Сибири и особенно в Иркутске. Может быть, одной из главных особенностей тона в разговоре друг с другом, существовавшего в отделении Союза писателей, когда возглавлял его Молчанов-Сибирский, была открытость, желание помочь друг другу даже острым и беспощадным словом. Какие порой разгорались баталии! Как спорили! Как остро и интересно говорили, не опасаясь, что за резкое слово в адрес товарища придется при случае расплачиваться. И уверенность эта покоилась на том, что и сам Иван Иванович не боялся подставить под бой свои книги, свои рукописи, подавая живой пример другим.

*Поднимались на такие кручи,
Где никто еще не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.*

*Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.*

*Пот струится. Подниматься тяжело.
И орел пониже нас парит.
Спутница солдатская — баклажка —
Большие суток без воды гремит.*

*То она поет и веселится,
То грустит о чём-то в тишине.
Русская гармошка за границей.
На маньчжурской дальней стороне.*

Это написано в сорок пятом... У кого из однополчан, из тех, кто принимал участие в последнем сражении войны, не вздрогнет сердце, не вспыхнет память, разбуженная этими давними, но вечно живыми строками».

Заметный, яркий след на земле и в сердцах современников оставил поэт и гражданин Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Об этом свидетельствуют и его произведения, воспоминания его друзей и коллег по творческому цеху и те, кого он вводил в литературу, кто рядом с ним жил и работал. И удивительно, есть судь-

бы, как бы повторяющие другие судьбы, не в деталях и особенностях, а в главном, стержневом содержании, что, должно быть, говорит о прочности заложенных традиций, о духовной близости поколений, о зеркальности предопределения, о том, что всё прекрасное на земле имеет, и будет иметь продолжение.

Мягкий по характеру, интеллигентный, внимательный, умеющий создать душевную обстановку общения — таким был Иван Иванович Молчанов-Сибирский.

В 60-е годы в прессе и на устах многих звучало выражение «Иркутская стенка». Это молодая группа начинающих писателей — Александр Вампилов, Валентин Распутин, Геннадий Машкин, Глеб Пакулов, Дмитрий Сергеев, Альберт Гурулёв, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, ломая некоторые представления о литературных процессах, вносили в судьбы российской словесности новые освежающие тенденции, веяния, представления.

Но скажем честно — подобное у нас уже было. В 20-е годы, ломая поднадоевшее декадентство и кокетливую вычурность в поэзии, молодые, начинающие литераторы Иркутска — А. Вечерний, А. Оборин, Д. Алтаузен, М. Скуратов, И. Уткин, И. Молчанов — вносили в литературу нового века чистоту и простоту языка, ставили новые задачи и цели перед литературой. Возможно, это была Иркутская стенка номер один. Во всем этом нет никакой фанатичной предопределенности, заданности по круговому движению. Нет, это вечно текущая, обновляющаяся жизнь, это школа, это прочно заложенные традиции, это творческое лицо Иркутска, его литературный бастион, это блистающее зеркало жизни, в которое еще много лет, всегда, будут всматриваться наши современники и потомки.

Проблемы социальной сплочённости

1

Задумывая материал на тему, указанную в заглавии, я обратил внимание на слова британского искусствоведа Эйлина Рибейро. В своей книге под названием «Мода и мораль» он утверждал, что: *«мораль — это не только «стадный инстинкт в отдельном человеке», как писал Ницше; она призвана обеспечить социальную сплочённость.»* (1) Невольно возник вопрос: неужели в западноевропейских сообществах возможна какая-то сплочённость, да еще социальная? У них всегда была только одна сплочённость, военная — для внешней агрессии против России!

Но потом здраво рассудил, что под «моралью», как средством сплочения, в их понимании, чаще всего, имеется в виду свод внешних правил поведения, которые соблюдаются гражданами, потому что это соответствует их личным интересам. На Западе хорошо научились регулировать общественные отношения с помощью законодательства, которое разрабатывали и совершенствовали долго и тщательно, чтобы в нормативных актах нашли своё воплощение основные моральные нормы и правила. Немецкий бюргер или американский фермер соблюдают их сознательно, формально, нередко не соглашаясь с ними, силой воли смиряя свою гордыню, свои эгоистические устремления. Но люди практичные и рациональные, они всегда жили и живут умом, и умом понимают, что только социальный мир обеспечивает лучшие условия для предпринимательской деятельности. Только при мирном сотрудничестве сословий возникают благоприятные условия для содержания семьи и воспитания детей.

Реальные успехи на этом пути убедили европейцев в правильности такой модели жизнеустройства. Эпоха Просвещения была провозглашена ими не по прихоти учёных мужей, а всё по той же закоренелой привычке европейцев «жить умом», надеяться только на него, укреплять его, делать сильнее с помощью усвоения всё новых и новых знаний.

Но «способ жизни» — по расчёту не оправдал себя. Ум человеческий без благотворной опеки его души способен завести в самые мрачные «дебри» субъективизма. Масштабы неблагоприятных последствий от стремления довериться только «разуму» среди учёных мужей не спрогнозировало ни одно научное учреждение. По мнению писателя Исайи Берлина, за всю историю западноевропейской общественной мысли было только два известных мыслителя — Жозеф де Местр и Иоханн Георг Хамман, которые остались самыми непримиримыми противниками наступившей эпохи Просвещения. (2) Они считали главными воспитательными средствами в жизни человека — семью и религию. И оказались правы: *«просветившись новыми «практичными» знаниями, европейцы двадцатого века с самого нежного возраста стали «барахтаться в тине эгоистического расчёта».* (3)

Сплочённость для русского человека — понятие в своей основе прежде всего духовное. Расчётливому уму западноевропейских обывателей кажется какой-то вредной «блажью» наш особый взгляд на христианскую веру. Свяtitель Игнатий Брянчанинов описывал его так: *«у нас в России люди более православны по чувству сердца, нежели по умственному убеждению».* (4)

И эта потребность «верить сердцем» в нас неистребима, несмотря на происходящие в окружающем нас человечестве глобальные изменения сознания. Невзирая на то, что в нашей собственной стране растёт масса среднего класса, в которой уже большинство по своим убеждениям — новые язычники, идолами которых являются соблазны общества потребления.

Суть этого глобального процесса изменения человеческого сознания убедительно описал наш философ Иван Александрович Ильин: *«человек зажил такими органами души, которые бессильны при обращении к священному, которые берут только внешнюю сторону мыслей»*. (5)

Поэтому от ново-языческой публики, составляющей ныне большинство мирового сообщества, не приходится ждать ни сочувствия, ни понимания нашей тяги к коллективизму. Они не в состоянии постичь, что самое многочисленное у нас сельское население не могло бы существовать без коллективных форм выживания, без образования крестьянских общин в сельском хозяйстве, без церковных общин в церквях, где постепенно формировался наш чисто русский жизненный уклад.

Еще в начале двадцатого века британский учёный и писатель Исая Берлин, несмотря на весь свой заряд отрицательной энергии против России, вынужден был констатировать, что *«возникнув в 40-е годы XIX века доктрина социальных обязательств художника — русская, поскольку в сердце и кровь своих сторонников въелась глубже, чем в своих первых создателей из Парижа и прочих мест»*. (6)

Исайя Берлин только делает вид, что не знает, почему эта самая доктрина «въелась» именно в наши сердца и нашу кровь. А ответ прост: в наших условиях проживания без заботы об общественных интересах никак нельзя сохранить и укрепить страну. И подобная доктрина нужна не только «художникам», но и всем гражданам России.

Возьмём яркие примеры из XIX века. Что двигало братьями Бахрушиными, когда они построили огромное общежитие для петербургских вдов с детьми? Какой ангел посетил княгиню Орлову-Чесменскую, которая отдала почти три миллиона рублей из своего наследства на обустройство монастырей и церквей? Ответ на этот вопрос только один: чувство социальной ответственности за общую судьбу своего народа, любовь к своим соотечественникам, которым очень не просто живётся.

Можно привести еще сотни и тысячи имён православных людей, помогавших Святому делу сплочения народов России. Благодаря им формировался чисто русский жизненный уклад, только в присущих ему формах, как бы отдельно от общего капиталистического развития российской экономики и соответственно «капитализации» самих общественных отношений. *«В Петербурге между Думой и Гостиным двором против портика Руска существовала полуподземная часовня, где купцы служили молебны (в том числе по завершении сделки)»*. (7) Эти реальные знаковые приметы истинно православной Руси были всё же редкостью на фоне многочисленных столичных развлекательных учреждений.

По моему частному мнению, весь трагизм нашего положения в мире в минувшие двести лет состоит в том, что русский национальный уклад так и не смог сформироваться у нас основательно и надолго! И прежде всего потому, что таких, как Бахрушины, Третьяковы, российских дворян и купцов, мещан и чиновников было у нас не так много. Большинство представителей этих сословий жили обособленно, редко, или совсем не участвуя в общественных делах. С грустью писал

о нашем духовном одиночестве писатель и философ Пётр Чаадаев: *«В своих домах как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками»*. (8)

Автор книги «Соблазны и отторжения массовой культуры. Российский опыт» Т.С. Злотникова дала довольно точную характеристику нашему образованному человеку: *«Светский человек в деревне чужд и одинок. Впрочем, чуждость и вытекающее из неё одиночество — едва ли не генетически закреплённое состояние русского интеллектуала, к какой бы социальной группе он не принадлежал»*. (9)

А почему он чувствует себя одиноким — такой воспитанный и умный? А потому, что видит в качестве своего идеала только европейский тип человека. И смотрит на своего соотечественника, как на бесконечно чужого ему по духу местного аборигена, которого надо еще учить и учить простым вещам. На первый взгляд — странно звучит фраза из той же книги Т.С. Злотниковой: *«интеллектуал призывает к изменениям ментальным, смыслополагаемым, а масса эти призывы воспринимает прямолинейно, как призыв к радикальным изменениям в социальном плане»*. (10)

Но, нет ничего утопичней, чем призыв к изменениям менталитета населения страны, в которой ты сам живёшь, как иностранец. «Ментальные» изменения накапливаются веками по мере изменений основных условий существования. И при самом активном участии только тех интеллектуалов, не просто желают их для того, чтобы жить «по-западному», комфортно в «окультуренной» кем-то среде, а реально занимаются духовным окормлением ближних своих, потому что любят свой народ, и его духовное своеобразие — всей душой, всем сердцем своим. Таким любящим, сердечным гражданином был Ф.М. Достоевский.

Современные политологи утверждают: *«русскость ведь не национальность, а сознательно выбранная система ценностей и угол зрения»*. А еще это *«способ приспособления к действительности»*. (11)

Самое главное, по своей природе, наш «способ приспособления к действительности» не эгоцентричен, в нём обязательно присутствует коллективистское начало. Он никому из национальных меньшинств не опасен, поскольку основан на православной вере, самой человеколюбивой и мирной религии. На это обращала внимание политолог Н. Нарочницкая. «Имеющий уши да слышит». Но лукавые карьеристы, духовные чужаки, делают вид, что не имеют ушей, не слышат аргументов специалистов. Они выставляют у нас русскость как «пугало», как повод, чтобы нас всех рассорить, а самим захватить власть в России.

Их идеологи, либералы не оставляют без критики ни один пример коллективизма в нашей общественной жизни. Например, авторы книги «Умом Россию понимать», зная всю историю формирования нашего менталитета, тем не менее иронизируют над «идеалом единодушия» на народных собраниях Древней Руси. Явно критически они относятся к целованию икон и совместной клятве, целованию креста представителями власти и разных слоёв населения. (12)

2

Поселившись или родившись в России, дорогой мой соотечественник, ты или принимаешь эти истины духовно, или отторгаешь. И не надо кривить душой, пытаясь спрятать своё «отторжение» выдумками о каком-то русском «национализ-

ме». По этому вопросу в общественном мнении пора давно снять все недомолвки и все ложные политические уловки. Заявляйте о своих убеждениях и сердечных верованиях прямо, но не оскорбляя наших национальных чувств, а потом или участвуйте в укреплении «социальной сплочённости», или отойдите в сторону и не мешайте.

Здесь к месту привести описание отношения поэта Бориса Пастернака к нашей общей родине: *«Пастернак любил всё русское (кроме сталинского периода). И верил в то, что он непосредственно причастен к внутренней жизни русского народа и разделял его надежды, страхи и мечты»*. (13)

Вот это драгоценное чувство причастности к внутренней жизни дороже всего в настоящем гражданине России. Тогда все явления в жизни, все идеи он пропускает через своё сердце, и отбирает именно то, что необходимо для укрепления нашей социальной сплочённости.

А есть в России и другие граждане. Они живут только по своим представлениям и верованиям, основанным на другом миропонимании, и воображают, что имеют право жить «самостоятельно» от российского общества и не признавать духовных авторитетов большинства. И дело тут не в личных пристрастиях и вкусах. Отвергая самого яркого выразителя мнений большинства, они, как правило, отвергают и тот «угол зрения» который он предлагает обществу. И не просто отвергают, а вместо него настойчиво навязывают свои представления, которые имеют иные мировоззренческие основы, во многом чужие для представителей русского менталитета.

Помню, как удивил меня напечатанный в журнале «Новый мир» за 2019 год отрывок из воспоминаний Ревеки Фрумкиной о её жизни в эвакуации во время Второй мировой войны. Когда она ходила в школу: *«...там читали Достоевского, которого уже тогда не переносила. В частности, очень хорошо помню ощущение, что его читать не стоит»*. (14)

Многочисленные заявления в подобном тоне можно найти в материалах по всей либеральной литературе и российской периодике последних тридцати лет. Не осталось ни одного русского национального мифа, символа, которые бы не пытались «развенчать» либеральные «дворники», которые таким образом «расчищали путь» для утверждения «универсальной» для всех обывателей мира потребительской идеологии и эгоцентризма, как мировоззрения! Чтобы потом, после многих лет такой «зачистки» с удовлетворением констатировать, как писатель Галина Юзефович: *«Не осталось этих самых вещей, о которых все и так знают, все знают про что-то своё»*. (15)

Жаль, что не было возможности спросить у автора этой фразы: а как в таком «разобранном на части» обществе вы собираетесь жить?

К сожалению, в российском обществе отчуждение разных слоёв и групп населения продолжает оставаться одной из главных проблем достижения социального мира и экономического процветания. Слишком много еще во властной «элите» эгоцентристов, которым не хочется заниматься долгим делом просвещения и воспитания нашего народа. Павел Руднев как-то писал в «Новом мире», что российский театр 1990-2000 годов *«пытался разглядеть в пьесах замоскворецкого москвитянина (А.Н. Островского — В.С) образ положительного коммерсанта, нужного эпохе социально-экономических перемен»*. (16)

Сегодня уже мало кто из театральных деятелей рискует, пытается ставить такие «назидательные» пьесы с положительными героями «рыночных» времён.

Чуткие к атмосфере в обществе, особенно в мегаполисах, режиссёры и продюсеры «уловили» совсем другой «заказ», заказ на увлекательные авангардные постановки, где шокируют зрителей разными мерзостями! Павел Руднев в той же статье с горечью замечает по поводу постановки пьес М. Горького. *«Понимаешь, что в России сегодня narosли новые предпосылки для классовой борьбы и ненависти, и горьковские аргументы вдруг начинают звучать правдиво и сильно!»* (17)

Так и хочется воскликнуть: да что мы за народ такой!? Когда уже нам надоест воевать друг с другом? Из чего опять «narosли» эти самые «*новые предпосылки*» для нового массового «мордобоя»? Из неукрощённой алчности, из непростительного легкомыслия граждан России, возомнивших себя членами всемирного общества потребления, которым всё нипочём!?

3

Чем больше занятий и отраслей экономики рождал научно-технический прогресс, тем разнообразней становилась социальная структура российского общества. Урбанизация захватила и нашу, преимущественно сельскохозяйственную страну! Постепенно набирали силу российские горожане. Политолог Егор Холмогоров верно заметил, что это было *«совершенно другое сословие»*. Ценностями наших «бюргеров» — горожан были *«рационализм, чуждость мистицизму и мечтательной лени, тяготение к протестантской этике, расчётливость... Отсюда симпатия к старообрядцам и протестантам»*. (18)

Е. Холмогоров считал известного писателя А.И. Солженицына «обломком» этого сословия, *«уничтоженного большевистской властью под корень»*. Кажется, перед тем как исчезнуть, оно дало «своему» писателю наказ добиться целей, о которых мечтало. Отсюда все идеи А. Солженицына, как «обустроить Россию», и какой бы хотели видеть её русские «горожане», если бы в начале двадцатого века их не уничтожили большевики. При другом исходе Гражданской войны, возможно, на сто лет раньше был бы у нас свой средний класс, всюду царил дух «рационализма» и «расчётливости», а (не дай Бог!) и протестантизма.

Но не дано было нам самим Создателем превратиться по жизненному укладу в одну огромную Швейцарию. История страны свидетельствует — не такой мы народ, чтобы «упиваться», как единственным счастьем — хозяйственной деятельностью, которая приносит в семьи покой и достаток. Да и суровый климат не даёт ощущения полной гармонии с жизнью, а требует постоянной борьбы за выживание. А здесь нужны вдохновляющие общие мифы и коллективные усилия государственного масштаба. Политолог Наталья Нарочницкая писала: *«высокая идея нужна и потому, что мы многонациональны и окружены иными цивилизациями, и потому, что живём на огромной территории с тяжелейшими природными условиями, недооценёнными как большевиками, так и нынешними идеологами. Те и другие оказались утопистами, веря во всемогущество идеальных общественных институтов для Африки и Сибири, тундры и Франции»*. (19) Золотые слова! Но кто из политиков и когда руководствовался ими?

Большевики, казалось бы, были большими мастерами по части пропаганды «высоких идей». Как тонко и верно заметил один из политологов наших дней: они *«возвели в закон русские культурные традиции, коллективизм и агрессивный анти-индивидуализм, резко отрицательное отношение к богатству, традицию*

сильной государственной власти. Но всё это было сделано под эгидой марксизма. Марксизм (во всяком случае по форме) полностью находится в русле западноевропейского мышления и культурных традиций с их рационализмом, просветительством и протестантской этикой». (20)

В этом всё дело. У марксизма не было уважения к тысячелетним традициям, идеалам, святыням русского народа, которые основаны на православии. А именно они помогли нашему народу выжить! Я удивлялся, читая русофобские высказывания Карла Маркса и особенно Фридриха Энгельса. Очарование от их европейского гения проходило по мере того, как они начинали рассуждать о России и православии. Перед нами были обычные брюзжащие немецкие «бюргеры», которым православная, традиционная Россия, как духовный феномен, просто мешает в осуществлении их глобалистских идей. *(И зачем в советском еще университете я совершил героический для нашего курса поступок — законспектировал тексты всех четырёх томов «Капитала»?)*

Самонадеянно взяв на вооружение «экспортный» вариант власти трудящихся, большевики принялись грубо «переучивать» население России, открыто разрушать церкви и обрекли себя на поражение в идейном сражении за будущее страны. Где-то глубоко внутри своей души — русский человек чувствовал враждебность к нему советских космополитов-комиссаров. Они ментально и эстетически не совпадали друг с другом.

В чём же одна из фундаментальных причин их успеха? Во время общения с населением они чаще всего морально «переигрывали» бывших господ, интеллигенцию, офицеров и солдат, участников и сторонников Белого движения, которые даже в условиях гражданской войны не могли победить свою гордыню и презрение к «простонародью». Становится просто стыдно за бывших дворян и буржуев, когда читаешь мемуары белогвардейцев. Вот что пишет один из белых офицеров: *«Нельзя не заметить недоброжелательность жителей родной Сибири к нашим частям. Нас встречают косыми взглядами, а нередко бросают прямо в глаза несправедливое отношение проходивших частей к крестьянам. Красные два дня назад вышли отсюда, оставив хорошие отзывы о себе. «Ничего не взяли без спросу, и грошей», — говорит мне старуха». (21)*

А вот документальная запись о марше «Белого воинства» по Восточной Сибири *«они зверствовали безотчётно, с ухарством и злобой». Они (капеллевыцы) сожгли шесть сёл, расстреляли несколько сот человек, они будто мстили за свой трудный путь и разгром». (22)*

Если собрать подобные свидетельства только из одной такой объёмистой книги воспоминаний, и рассказать о них нынешним студентам и школьникам, станет понятно, почему «красные» победили «белых»!

Красные тоже далеко не всегда отличались гуманностью к противнику, часто применяли методы «красного террора», но у них была большая цель — показать себя защитниками простых трудящихся, и они упорно следовали ей. У «Белых» было только смертельно обиженное самолюбие и презрение к «быдлу».

Действия «Белого воинства» в Гражданскую войну полезно изучать нынешним политикам и социологам. Да и каждому нынешнему новоиспечённому «барину» из опыта прошлого надо усвоить опыт: как нельзя относиться к Ближнему своему, кого он по бесовскому внушению считает «быдлом».

Но, как давно известно, прошлое ничему не учит. В том же либеральном журнале «Новый мир» в наши дни можно встретить рассуждения о советском време-

ни одного известного либерального писателя, который сочувствует униженному (надо полагать, представителю интеллектуальной элиты) «*ради торжества плебея!*» Другой интеллектуал сетует, что из-за победы большевиков «*Россия потеряла осанку*». (Очевидно, осанку гордых господ.)

«Гордые» господа — рыночники сегодняшних дней явно забыли очевидный факт из не очень далёкого прошлого: наши недальновидные господа из времён царской России уж до того допекли своим снобизмом и презрением простых тружеников, что обрадовались они простому человеческому вниманию и вежливости каких-то одержимых чужаков в кожаных куртках: Смоленских, Свердловых, Урицких. Большинство рабочих и крестьян настолько устали от барства и стервозности привилегированных классов нашего отечества, что быстро соблазнились большевистским лозунгом о солидарности всех трудящихся масс! Уж до того достали, что под горячую руку попало и духовенство!

В деле создания нового государственного устройства большевикам хватало хладнокровия и умения обращаться с населением. Но там, где шла речь о наших духовных русских святынях, проявлялась в красных комиссарах нескрываемая сатанинская враждебность ко всем этим «иконам с тараканами», как писал будущий председатель революционного комитета Петрограда Лев Троцкий. В романе «Обитель» Захара Прилепина есть по сути документальный рассказ о том, как красный комиссар во время обыска в церкви пинает сапогом мощи русского святого!

А уж «рыночные» космополиты девяностых годов этой враждебности часто совсем не скрывали. Образно говоря, все пытались «переделать» русский народ под себя! И только ради своих интересов!

4

Каждый раз, изучая историю России, убеждаешься, что идеологи Запада были не утопистами (как считает известный политолог Н. Нарочницкая), а, скорее, «рационально мыслящими» политиками. Сами убеждённые индивидуалисты по мировоззрению, они сознательно делали ставку на такой же тип людей в других странах. Задача — соблазнить, заморочить им головы, сделать их якобы своими союзниками, а потом по возможности подчинёнными маргиналами во всемирном обществе потребления. При воздействии на сознание людей с русским менталитетом они целенаправленно использовали подмену основных духовных понятий.

Для иллюстрации возьмём сборник научных статей российских учёных под названием «Язык, культура, творчество». А в нём несколько примеров. В нашем языке такая категория как *искренность* постепенно заменяется понятием *толерантность*. Учёные-филологи отмечают, что «*в последние десятилетия «конкурентом» слова ТВОРЧЕСТВО стало понятие КРЕАТИВНОСТИ. Пришло оно в русский язык вместе с новыми западными рыночными технологиями и ценностями постиндустриального общества.*» (23)

Так незаметно для неискущённого читателя или студента высокое понятие творчество, направленное на самовыражение субъекта, было незаметно заменено (говоря по-нашему) на торгашескую креативность. То есть, на создание «изюминки», «бренда». Цель процесса словотворчества здесь — успех товара. Новое слово вошло в народ, и стало сознательно использоваться во многих средствах массовой информации.

Ядом гордыни, самовлюблённостью пропитана мода, все виды искусства, устройство быта и весь жизненный уклад всемирного общества потребления, которое рождается на наших глазах. Оно соблазняет нас своим «раем» много лет. Но его идеологи в своих призывах «жить по их образцу» почему-то забывают разъяснить российским потребителям их рекламных роликов, что при огромных затратах на борьбу с холодом, с большими расстояниями — себестоимость продукции в России в разы выше, чем на Западе, и, значит, жить «по-ихнему», на их уровне обеспеченности может только очень ограниченное количество граждан.

Профессор Андрей Фурсов в одной из статей приводит научные данные об отчаянных попытках русских дворян царской России жить «по-французски». Наши дворяне не могли получить от своего хозяйства такой же доход, как немцы или французы со своей благодатной земли с высокой урожайностью. Разница в доходах от земли была огромной в пользу западноевропейских землевладельцев. Чтобы жить, «как они», российские помещики брали в банках огромные кредиты, закладывая земли своих поместий и крепостных крестьян. По этой причине многие владельцы усадеб попадали в беспросветную финансовую кабалу.

Сегодня, с таким же отчаянным упорством, наши «рыночники» пытаются любыми способами дотянуться до показателей уровня жизни самых развитых стран. И тут всякие «высокие идеи», о необходимости которых пишет Н. Нарочницкая, являются для эгоистов всех мастей серьёзной помехой на пути к благополучию.

Вспомнилось интервью белорусской (по рождению) писательницы Светланы Алексиевич, не так давно отмеченной Нобелевской премией по литературе, очевидно за то, что разгадала и «по достоинству оценила» главный секрет души западного человека. *«В Европе люди умеют жить для себя не ради идеи страны, светлого будущего, а для себя здесь и сейчас».* (24)

Точнее было бы сказать, что «хозяева жизни» коллективного Запада пытаются заставить все нации и народы жить по их волчьим законам эгоцентризма. Причём, для них неважно, где проживают «воспитуемые» — в африканской пустыне или сибирской тайге. Они должны быть практически независимыми от особенностей своей нации потребителями с жадной познания всё новых и новых экзотических блюд. Вот как красочно описывают наступление новой эры либеральные культурологи: *«...промышленная эра с её массовым производством и массовым потреблением требовала коллектива, то теперь общество распадается на мириады особей, каждая из которых защищает и культивирует свою инаковость в интимной среде — у себя дома».* (25)

Демонстрация «инаковости» совсем не пугает властные структуры. Потому что эта жалкая демонстрация своей неповторимости допускается только за закрытыми дверями, в семьях! Идеологи общества потребления поощряют увлечённость обывателя частной жизнью как единственным достойным занятием, культивируют её, как важнейшую жизненную ценность, во многочисленных телесериалах.

Есть семья, есть частная жизнь, а общества по сути — нет. Тебя как чип встроили в общую социальную систему, где внедряются общие стандарты, формируется «рыночный» жизненный уклад. Вознаграждение для работника по найму — это, по сути, не оплата за труд, а пропуск в потребительский «рай»! При найме на работу руководство частных фирм планирует размер оплаты именно по такому принципу: самый низкооплачиваемый служащий, вахтер или официант должны получать определённый минимум: ровно столько, чтобы выжить в городе, снять

квартиру, обеспечить себя питанием и одеждой! Работодатели давно обдумали и всё подсчитали.

Чтобы при этом ты не чувствовал себя ничтожным «винтиком», тебе внушают, что такая обеспеченная жизнь — это результат твоих личных усилий. И ты — полноправный «член общества». Такую потребительскую идеологию западные «управители» пытаются навязать не только близким духовно нациям, но и всем народам, которые в силу другой ментальности должны обустроить своё существование по-своему! Без этого условия — никакого благополучия для большинства создать невозможно!

Наш православный люд всегда отличался коллективистскими традициями, которые было принято называть соборностью. Русский философ Г.П. Федотов расшифровывал это слово как *«органическое равновесие личности и общества»*. (26)

Другой русский философ Н.И. Ульянов утверждал, что *«знаменитые капиталистические отношения с их обменом и универсальной техникой, на которые столько надежд возлагали социалисты, немало не сблизили нации, скорее сделали их внутренне более отчуждёнными»*. (27)

Но так философ Ульянов видел мировой процесс в первой половине двадцатого века. С тех пор научно-технические достижения, особенно внедрение во многие сферы жизни компьютерной техники, международное разделение труда, превращение туризма в мировую индустрию, сделали как бы неактуальной саму проблему духовного сближения наций. Никто не ставит общих гуманитарных целей, которые бы увлекли всех!

Структуры, управляющие миром, не могут допустить какие-то коллективные поиски простыми гражданами иного смысла жизни. Средства массовой информации делают всё, чтобы увлечь обычного телезрителя или читателя туристическими поездками с целью знакомства с национальными блюдами разных стран и континентов. О туризме по объектам культурного наследия мало кто вспоминает. На одну телепередачу по культуре приходится десять передач о путешествиях по кухням народов мира.

В этих условиях российскому гражданину, пользуясь советом барона Мюнхгаузена, придётся самому вытаскивать себя за волосы из мешанского потребительского «болота». А еще из либеральной космополитической «трясины». Обитатели этой трясины умеют «крепко дружить», когда надо делить бюджетные деньги, частные гранты, добывать хорошо оплачиваемые рабочие места. И «национальный вопрос» (кроме русского) в необходимых случаях умеют решать проверенным древним методом — сплочением, независимо ни от каких разногласий. А вот «прочим российским согражданам» вместо духовного объединения предлагаются всякие литературные фантазии, например, «любовь к Прусту», которая *«объединяет сильнее, чем национальная общность»*. (28)

Важнее всего здесь вопрос: кто выступит в роли главных объединителей? Больше всего заинтересованы в сплочённости, например, государственные служащие, работники военно-промышленного комплекса, большие трудовые коллективы крупных градообразующих предприятий самых разных отраслей экономики. Роль их представителей во всех социальных инициативах, во всех государственных делах должна только расти.

Патриотическая идеология сплочения, которую они должны нести в массы, будет, ни больше, ни меньше, а духовной основой выживания страны. Но всем нам еще предстоит выяснить, насколько в силу своих нынешних качеств отдель-

ные социальные слои российского общества способны к положительным переменам и совместной работе?

Мы знаем из истории, что у каждого из них была «своя правда», своё отношение к судьбе общей родины. Нам для объединения всегда был нужен внешний толчок, общая опасность, которая потребует и «высоких идей» для достижения победы! В царской России так и делали, назначая в этот период на высшие командные должности в государственной системе настоящих российских патриотов.

Британский учёный И. Берлин в книге о России заметил, что *«долгие годы войны Наполеоном повлекли за собой патриотическое одушевление, а далее, как результат, общей причастности к единому идеалу, ширящегося чувства равенства всех сословий, в кругах идеалистически настроенной молодёжи начали ощущать некую новую связь между собой и отечеством — связь, которую никогда не внушило бы полученное воспитание»*. (29)

Это довольно точное описание состояния российского общества в первые десятилетия девятнадцатого века. (Невольно вспомнишь поговорку, что со стороны виднее.)

Но такое же духовное преображение требуется от российских граждан сегодня, и не только среди молодёжи. Главная ценность такого преображения будет в том, что «за ростом патриотически окрашенных национальных чувств» должен последовать и неизбежный рост чувства ответственности за всё, что происходит в нашем отечестве. Нынешняя международная обстановка способна «разбудить» к активной общественной деятельности любого из нас.

Приложение:

- 1) Рибейро, Э. Мода и мораль. — Москва : НЛЮ, 2012. — С. 7.
- 2) Берлин, И. И.Г. Хамман и происхождение современного иррационализма. — Северный волхв. Ад Маргинем Пресс, 2015. — С. 36.
- 3) Уэльбек, М. Человечество. Стадия 2. — Москва, 2011. — С. 12.
- 4) Брянчанинов, И. Письма о подвижнической жизни. — Лучи Софии, 2001. — С. 252.
- 5) Ильин, И. Аксиомы религиозного опыта. — Минск : Издательство Белорусского экзархата, 2006. — С. 44.
- 6) Берлин, И. История свободы. Россия. — Москва : НЛЮ, 2001. — № 4. — С. 32.
- 7) Лихачев, Д. Заметки о русском. — Москва : Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. — С. 344.
- 8) Русские философы, конец XIX века, середина XX века. — Москва : Книжная палата, 1996.
- 9) Злотникова, Т.С. Соблазны и отторжения массовой культуры. Российский опыт. — Москва : Согласие, 2020. — С. 220.
- 10) Там же.
- 11) Народы перед зеркалом : эссе, статьи, очерки. — Москва : Дружба народов. Культурная революция, 2014. — С. 28.
- 12) Лукин, А.В., Лукин, П.В. Умом Россию понимать. — Москва : Весь мир, 2015. — С. 29, 74.
- 13) Берлин, И. История свободы. Россия. — Москва : НЛЮ, 2001. — № 4. — С. 455.
- 14) Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2019. — № 8. — С. 237.

- 15) Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2017. — № 2. — С. 230.
- 16) Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2020. — № 1. — С. 231.
- 17) Там же.
- 18) Холмогоров, Е. Улица Солженицина // Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2018. — № 12. — С. 145.
- 19) Нарочницкая, Н. Русский мир. — С.Пб. : Алетийя, 2008. — С. 23.
- 20) Народы перед зеркалом : эссе, статьи, очерки. — Москва : Дружба народов. Культурная революция, 2014. — С. 28.
- 21) Сибирь : коллекция представлений XX век : книга для чтения по сибирской литературе. — Красноярск, 2020. — С. 131.
- 22) Там же, С. 73
- 23) Язык, культура, творчество. Мировые практики изучения. — Москва : Гизозис, 2020. — С. 155.
- 24) Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2020. — № 1. — С. 231.
- 25) Генис, А. Конь в кармане. — Москва : Дело, 2016. — С. 41.
- 26) Русские философы, конец XIX века, середина XX века. — Москва : Книжная палата, 1996. — С. 92.
- 27) Там же, С. 7.
- 28) Кушнер, А. Биография // Новый мир : литературно-художественный журнал. — Москва. — 2018. — № 3. — С. 224.
- 29) Берлин, И. История свободы. Россия. — Москва : НЛЮ, 2014. — № 4. — С. 11. Религиозно-философские основы истории. — Москва : ФиВ, 2015. — С. 229.

Минусинск, январь 2023 г.

ТАМАРА БУСАРГИНА

«Себя каждый день — из себя доставать...»

О Владимире, тогда ещё Смирнове, я кое-что уже слышала, но познакомилась с ним попозже. Как познакомилась — не помню, а вот при каких обстоятельствах услышала его имя, помню хорошо. Приехали с Глебом на Байкал, и мама нас спрашивает: «Не повстречалась ли вам красивая девушка в джинсах и голубой куртке?» Мы, естественно, никого не заметили — мало ли их тут ходит? Как оказалось, девушка знала от Владимира, что в Молчановском распадке, на самой горке, живёт знакомый ему писатель Глеб Пакулов и, к маминой радости, попросилась переночевать — мама без нас чувствовала себя неуютно в большом доме. Девушка рассказала, что приехали они с поэтом Смирновым погостить в дом Есипёнка Николая, но хозяина дома не застали. Володя пошёл в магазин, что на причале, да что-то долго ходит, а уже темнеет... Визиту девушки мама не удивилась — однажды так же пришла к нам хорошенькая китаянка, знакомая Есипёнка, редактора иркутского книжного издательства, хлебосольного и весёлого хозяина. Домик его так удобно стоял на самом берегу Ангары, миновать его было трудно. Мама успокоила девушку, рассказала ей о таком же случае с Колиной китаянкой — к вечеру в продмаге хлеба не купишь, Володя поплыл в Листвянку, а там из-за шторма застрял — не по зубам нашей «пепелаце», старенькой переправе, байкальские шторма.

Владимир, как и Глеб, службу проходил на Дальнем Востоке: Глеб на море, Скиф в морской авиации. Моряки для Глеба — это уже знак качества. Конечно, в середине семидесятых было не так очевидно, что Скиф будет определять лицо не только сибирской поэзии, но и российской. Как подтверждение моему не единичному мнению, цитирую слова выдающейся русской поэтессы Светланы Сырневой: *«Поэзия Владимира Скифа неукротима и многогранна. В ней явлена целая гамма чувств и страстей — от любви до ненависти, от праведного гнева до тихого покаяния, от искромётного веселья до ностальгической грусти. Разливаясь, как река в половодье, лирика Скифа созвучна широте и безоглядности русской души».*

И ещё привожу взволновавшие меня строки автографа Сырневой на книге «Ночь ледохода», подаренной Скифу в 2013 году: «Дорогой Владимир Петрович! Без Ваших горячих, трепетных, выстраданных стихов не было бы русской лирики в той могучей полноте, в том необъятном многообразии, которые так дороги любому чуткому сердцу. Искренне Ваша Светлана Сырнева. Июль 2013».

В те давние дни моего первого знакомства с Володиёй, Глебом, придя от Распутиных, рассказал мне, что Виктория Станиславовна, тогда ещё тёща только Валентина Распутина, поделилась с Глебом своей заботой: вот Светочке повезло — Валюша такой талант! А Володя как? — Да так же, только в рифму! — бодро ответил Глеб.

В будущем, насколько мне известно, Виктория Станиславовна младшим зятем была вполне довольна. Оно и понятно — Володя скоро вписался в большую молчановско-распутинскую семью, он открытый, контактный человек. Общение его и с нашей семьёй тоже сложилось как-то просто, естественно. Признáюсь —

мы, как старшие по возрасту, иногда и пользовались его добротой. Особенно я: его помощь в тяжкие для меня годы болезни Глеба, внимание его и Жени ко мне после его кончины для меня бесценны. Их дары со своего огорода, всякие соленья-варенья, а уж грибы... Мне дороги все эти приветы из времён нашей с Глебом баснословной байкальской жизни в пади Молчановской.

Я пишу о том, что знается и помнится из нашего почти пятидесятилетнего знакомства, не претендую вовсе сообщить о Скифе нечто обстоятельное и важное — о нём столько всего написано! Эпизод о девушке в джинсах и голубой куртке, о чём сам Скиф едва ли помнит, хороший повод порассуждать о... да о чём угодно! Можно и о женщинах, ведь это у поэтов существенный, если не основной, повод писать стихи.

Анна Керн утверждала, что Пушкин любил лишь двух женщин — свою Музу и няню! Как много они дали русской поэзии! Няня воспринимается в единственном числе, а вот Муза? Это у кого как... Вот и Блок говорил, что в его жизни были лишь две женщины: первая — жена Люба, Любовь Дмитриевна Менделеева, вторая — все остальные. Женщину, что числится в единственном числе, можно знать всем, а легкокрылую, эфемерную, непостоянную Музу, что под разными именами посещает поэтов, подбрасывает страсть и огонь в их поэтический костёр, лучше пристально не рассматривать. Не надо её пугать. И пугаться не стоит: ну, явится незваной, погостует, и... поминай, как звали. Обидно, конечно, что поэзия, великая русская лирическая поэзия, зачастую помнит эту гостюшку лучше, чем имя той, что помогала мужу творчески состояться во всякие сезоны. Умные жёны всё понимают. Скифу досталась умная. Евгения Молчанова всё понимает — она не только жена поэта, она и дочь поэта. Ей посвящены лучшие стихи — и любовные и оправдательные:

*Много в сердце вызревает дум...
Как Горбовский, говорю стихами:
«Не ревнуй!*

*Я с ней делил свой ум,
Как вино холодное в стакане».*

*Ты со мной во сне и после сна,
Я тобою — перенаселённый,
Потому слоняюсь дотемна,
В разных женщин
и в стихи влюблённый.*

*Я влюбляюсь, я горю, как спирт,
И сгораю, потухаю быстро.
Ты прости мне
искромётный флирт —
Это искры, это только искры.*

Конечно, бывает по всякому — я выбрала варианты, наиболее, на мой взгляд, подходящие нашему случаю. Особенно Блок — «она пришла с заката... звала меня куда-то...» Всё это поиски «вечно женственного», чувственного, творческого... Мы знали — Скифу категорически противопоказано жить в «пустотах нелюбви».

*Манок любви звучит, как песня счастья,
Как пламень, полыхающий в крови,*

*Во имя жизни и во имя страсти
Слепой, всепобеждающей любви.*

*Я чувствую, увы! Я прорицатель чувства.
Я чувствами живу. Я чувствами богат.
Чувствительность, любовь —
высокое искусство,
Как молнии огонь, как громовой раскат.*

Любовь витает повсюду и в любом обличе:

*Я до сих пор сижу, гадаю
Как много на земле ворон.
Но лишь одна не улетает,
Кричит: — Люблю! И я влюблён.*

Влюблён, пока не встретил белую ворону, «что мне дыханье принесла». Мне представляется, что его сердце словно реактор с термоядерным топливом, но, кажется, горение безотходное и безопасное — «я ни одну из вас не бросил». Он готов «стреляться на дуэли, за всех на свете оскорблённых женщин», потому, что без них, так окрашивающих всякую любовь — никуда! Любовь вплетена во всё видимое и невидимое, любовь сопровождает поэта в полёте «по краю космоса», в обыденной жизни выступает как «целительный глоток святого вещества», переживания любви помогают приятно расставаний, как некой неизбежности, как смены времён года:

*В моей душе не гаснет осень,
Хотя Байкал застыл уже.
Холодным инеем заносит
Мою тропу к твоей душе.*

Признаки очередного увлечения Скифа Глеб замечал и даже завидовал. А я бы уж точно постаралась не замечать влюблённостей Глеба, если бы это продолжило его стихотворчество. Да ладно — никто не разберётся, да и я тоже не знаю, что значили женщины в творческой судьбе Скифа, да и сам он заблудился... «*Простите, женщины! // Я с вами // В леса дремучие забрёл*».

Это прекрасно — там, в дремучих лесах, наяды, которые, как известно, плещутся не только у ирландских скал, напели ему такую чудесную песню — заглянул поэт в чистый, прозрачный лесной ручей:

<i>Так много внутреннего света В твоих глазах, в лице твоём, Что кажется — сияет это Живой, огромный водоём.</i>	<i>Что я подумал: ну, а мне бы — Быть отражением твоим. Белеет инеем ограда. Зима справляет Рождество. А ты, как тихая лампада, Стоишь у сердца моего.</i>
<i>Сияет снег, сияет небо... Ты так близка по свету им,</i>	

И никаких там жадных аорт и смертоносных скорпионовых поцелуев.

Скиф понимает женщин-поэтов. Тех, кто был рядом — почитайте его стихи о Татьяне Суровцевой. Понимал и всех дальних, ушедших:

*Иду по осенним последним цветам,
По лапкам сухим иван-чая,
По жухлой траве, по истекшим годам,
Потери свои различая.*

*За мной не одна продвигается тень.
Теней, как деревьев — не меньше...
И тени за мною следят целый день
Глазами покинутых женщин.*

*Они молчаливы. Я тоже молчу,
Ступаю, прощенья не чая.
Послушно тяжёлые тени влачу
По лапкам сухим иван-чая.*

*От них не избавиться, их не предать.
Я отдан им всем безраздельно.
Мне с ними, наверное, век коротать
И помнить о каждой отдельно...*

Удивляться тому не надо — поэт всегда поймёт поэта. Удивимся другому — как можно уложить мятежную суть Марины Цветаевой в четыре строчки:

*И дружила — не служила,
И кружила — не ждала,
В небе звёзды всполошила,
На земле колокола.*

Ёмко и точно. Как древнегреческая эпитафия.

А что уж говорить о знакомых женщинах-поэтах. Я тоже знала, не однажды видела в Иркутском художественном музее замечательного поэта Светлану Кузнецову. Она приходила в музей с Георгием Леви. Художник звал её Ундиной. Кузнецова оправдывала это имя. Женщина-волна, дева-волна, жаждущая земной любви и понимающая её обречённость. Лицо Кузнецовой было чрезвычайно привлекательно, лёгкая «гурановость» придавала ему пикантность. Высокая «бабетта», большие немигающие глаза, «нездешность» которых Светлана подчёркивала неимоверным макияжем — в те времена было не принято так выделять глаза — всё это действовало на мужчин неотразимо (кто в Москве к ней только не сватался, даже Арсений Тарковский). А я вот думаю — неужели отбил охоту всякого замужества у Светланы мой однокашник Карякин, незаметный (я его имени не запомнила), бесцветный человек, за которым она тогда была замужем? Может, я и ошибаюсь, но, судя по стихам, женски-вселенски-печальным, счастливой её не назовёшь. Ранняя смерть Светланы Кузнецовой отозвалась в Иркутске болезненно. А вот как она отозвалась в душе Владимира Скифа:

<i>Запою твои горькие песни, В изголовье поставлю свечу, Зашепчу над тобою: «Воскреси!» И услышу в ответ — «Не хочу!».</i>	<i>Не хочу. Ты моё «Завещанье» Прочитай — и узнаешь тогда, Что меня моё чёрное знание Торопило уйти навсегда.</i>
--	---

*Встало куполом Чёрное Знание
Посреди затверделого дня,
Мне присвоило новое званье...
Вот и вы проводили меня.*

*Это званье пойдите — измерьте,
Суетливое дело верша.*

*Это знание — из жизни и смерти,
До него досягнула душа.*

*Потому-то и живо сознание,
Что с души начиналось, с неё.
Я-то знала, храня, как преданье,
Это вещее знание моё».*

Понять, сострадать, помогать людям чем можешь научила Владимира большая дружная семья. У него пять сестёр и — вместе с ним — трое братьев. Какой счастливец! Семья сделала его ответственным человеком. В моей семье это поняли быстро. В пору, когда у Скифов ещё не было бани, он приводил своих прелестных дочек в нашу. Мама моя не могла надивиться на него — такой прекрасный отец из него вышел! Да он и брат прекрасный, и дед заботливый! Он умеет отвечать за всё — за семью, страну и поэзию. А главное — он пишет прекрасные стихи:

*В небе — утро светлое,
Мокрая лоза.
Воскресенье вербное,
Чистая слеза.*

*Молодые, терпкие
Веточки сломлю,
Воскресенье вербное
В сердце расстелю.*

*Выйду к Божьей матери
По её следам,*

*На церковной паперти
Нищему подам.*

*Воскресенье вербное,
Звонкий благовест.
Оживёт над церковью
Золочённый крест.*

*Поплывёт над Родиной,
Осенит поля.*

*Видится не проданной
Русская земля.*

Рыцарское отношение к поэзии роднит Скифа с Геннадием Гайдой, но есть маленькая разница — Гаيدا предпочитал и вдохновенно рассказывал публике о том, что было уже отобрано самим временем, а Скиф, словно боясь упустить хоть какие-то крупинки поэзии в своей округе, непонятным чутьём отыскивал их в Усолье, Ангарске и Бог знает где. Вбежит, бывало, в нашу кухню, восторженный, с тоненькой книжечкой в руке, которую сам же и помог издать, засадит нас куда-нибудь в укромное место (это, как водится, за кухонный стол) и заставляет слушать блистательные (у него они все блистательные!) стихи какого-нибудь начинающего поэта, напечатанные в местной, нашей или другой какой провинциальной прессе. Глеб слушает внимательно, стараясь уловить, не пропустить главное, смотрит на Володю с надеждой, что всё «блистательное» впереди? Где среди поэтов сыщешь такую щедрость?

Я с некоторой оторопью посматриваю на семитомное издание его трудов, а ведь есть еще двухтомник и десятки единичных изданий, и не только стихов, а уже и прозы. Скиф просто поражает неслыханной по мгновенности реакции на всё — на высверки «дня сущего и грядущего», на события тысячелетней давности, на людей, живущих или живших рядом, и совсем не обязательно близких по трудам и духу, просто соратников по выступлениям и дачным заботам. Он почтил своими стихами память поэтов, писателей, художников и даже философов, русских и зарубежных, давным-давно и недавно ушедших от нас. И кажется, что

рифмованный отклик на событие, встречу, на прочитанное и увиденное ему ничего не стоит, всё происходит как-то естественно, без особых усилий и насилий над собой. Он не ждёт, когда «призовет поэта к священной жертве Аполлон», для него «заботы суетного света» тоже повод для поэзии. Глеб не очень удивлялся широте интересов Скифа, даже считал, что жажду чтения он, как Глеб и Геннадий Гайда, приобрел во время морской службы. Но откуда у него это умение всё виденное и слышанное мгновенно, с полоборота, зарифмовать, причём сильно, образно:

*В меня бросают люди якоря
И чайки в сердце падают отвесно,
И даже шторм, меня благодаря,
В моей душе отыскивает место.*

Это четверостишие я цитирую из стихотворения Скифа 1964 года, когда матросу Володе Смирнову едва исполнилось 19 лет.

Как бы то ни было, а благодарный землянин лет этак через сто-двести, а то и гораздо раньше, узнает о тех поэтах, писателях, художниках Иркутского Прибайкалья, которые по каким-то причинам не вошли в антологию культуры, но жили-были, творили у всех на виду. Будущие исследователи будут удивляться предусмотрительности нашего поэта, который пренебрёг русским «авось», остановил время в его зримых приметах, показал не только события (кое-какие сведения о них могут и сохраниться), а пульсацию событий, их переживания, думы, печали и радости поэта. Словом, оставил образ своей невозвратной России. А следующие трудящиеся земляне, те, которым удастся благополучно пережить времена всеучёного Водолея, например, орнитологи, дендрологи, всякие флористы точно воздадут хвалу человеку, не позволяющему себе неряшливо, без внимания и должного пиетета относиться ко всему вокруг тебя летающему, ползающему, растущему и пахнущему.

Поэт и критик Юрий Брыжашов из Краснодарского края решил посчитать всех персонажей, кому были адресованы стихи. Вышла немислимая цифра — 350. Хотела и я последовать его примеру, подсчитать всех птичек, насекомых, какие попались Скифу на глаза и в строчку, да побоялась. Не справлюсь! Нет таких птичек, которых у нас нет. Кроме одной, что вызвало у меня некоторое опасение: будущие диссертанты копыя сломают, исследуя особенности пищевого поведения байкальского попугая. Энтомологи тоже позавидуют: они, возможно, потеряют способность летать по небу с кузнечиком, как это умел делать Скиф:

*На Байкале
У меня между пальцев
Вырастают перепонки...*

*...Наутро
Я летаю по небу
С красным кузнечиком...*

А лето на ключ будут запирать уже не муравьи по каким-то им завещанным предками приметам, а программисты по «исчислению математических таблиц»:

*Стало сыро и голо, и пусто
Посреди обнажённых ветвей.
Осыпаются листья и чувства,
Запер лето на ключ муравей.*

Не станем завидовать — не видать им синих мотыльков, что пляшут над высушающей лужей... И деревья все воспеты и травы все при деле — Скиф даёт отцовский совет дочери Саше быть благодарной лопуху, «сторожу каждой избы», как благодарен он, посвятивший целые стихи жаркам, колокольчику, кровохлёбке, ромашке, шиповнику, можжевельнику, кукушкиным сапожкам. Это не просто наблюдения природы, не просто экспонаты его поэтического гербария — они «помочи» России:

*Полынь, полынь — душистая трава —
То зелена, то от печали ржавая.
К тебе приходит русская вдова
И приникает горькая Держава.*

Пыталась представить, как бы мог выглядеть такой вот памятник-ковчег, где вся живность поместилась. Только в сердце поэта!

Я часто замечаю за собой такую странность, просто какую-то навязчивую идею, желание определить главное свойство человека. Почти у всех, с кем меня сводила судьба, я пробовала отыскать некую формулу их бытия, нечто главное, что определяет отношение к миру, к окружению. Я поняла — дело это зряшное. А вот по отношению к Скифу я, кажется, нашла эту формулу. **Открытость миру** — вот его главное свойство. Это свойство не приобретёшь, оно даётся рождением и, кому повезёт, остаётся из детства. Внутри Скифа действует антенна, настроена она на всё сразу — на далёкое и близкое, на все стороны в пространстве и во все протяжённости во времени. Вселенная Скифа необъятна — от родной деревни, где Дёмушка от обиды плачет, до Полинезии, куда Гоген спрятался от цивилизации, ему есть дело до малой птахи, зябнувшей в байкальскую стынь, и до Млечного Пути. А Млечный Путь совсем рядом, он нежно вплёлся в гриву жеребёнка (представьте, какая фантастическая цветовая феерия, сродни восприятию ребёнка). И тут же обобщение взрослого — «шла работяга-лошадь по земле // несла на холке мирозданье». Вот так просто у поэта Скифа небесное опускается на землю, отепливается и одомашнивается: все дачные домашние хлопоты, будь то засолка грибов и огурцов, колка дров — всё это «живой водой в невидимом ковше» освящает сам Николай Угодник. Конечно, байкальской водой — где чище-то сыщешь? У Скифа заоблачные миры всегда где-то рядом, они неусыпно бдят мир людских забот, малых и больших, «тот мир, где жили мы с тобою», мир природы, мир семьи, мир страны. И это всё Байкал.

Много пишущего (пером и кистью) народа в семидесятых-восемидесятых годах поселилось на Байкале, но ни в чьей судьбе он так явственно не отразился, и никто так, во всю ширь и глубину, его не отобразил. Байкал, допустим, у Глеба Пакулова в романе об Аввакуме выявлен опосредованно — мятежный протопоп сродни Байкалу с его необузданной стихией, свойственники они и по-другому: Аввакум и Байкал, каждый по силам своим, призваны хранить вековечные устои на земле родной, и на тверди земной. Байкал Скифа многолик.

*Он — вечный, вечный, драгоценный,
Он место в космосе искал.
И если есть душа Вселенной,
То это, все-таки, Байкал.*

Он космическое явление, он «процеживает звёзды ковшом безмерной глубины», с его утёсов видна вся вселенная, его всесилье таково, что неистовство двух

байкальских, гибельных для людей ветров, дикой Сармы и коварного Баргузина, Байкал воспринимает как озорство двух подгулявших бродяг:

*И вот гудят, беснуются, воркуют,
Друг друга
Стороною облетая,
Два ветра,
Два байкальских властелина:
И Баргузин,
И дикая Сарма.*

Для Скифа это лишь одна из его ипостасей, о неистовом Байкале у него много стихов, но еще больше о другом — когда волны приходят «почесать о камни // свои аквамариновые спины // и, словно нерпы, // резво унести //.

*Утром холод стоит и целуются флоксы,
Чтобы завтра себя от мороза спасти.
Осень падает навзничь, и некая плоскость
Порывается в космос её унести.*

*Неужели навек там останется осень,
Её тёмный багрец упадёт на звезду.
Неужели меня моя стылица бросит,
На свидание к ней я уже не приду.*

Такому Байкалу больше доверия, появляется надежда — «неужели меня моя стылица бросит?». И действительно, уж если и не совсем бросит его мучить эта самая коварная **стылица** (и где слово взял?), то преобразуется она в тихую грусть, умиротворение, примирит с жизнью. Прекрасное, лучшее для души состояние: именно тогда рождаются стихи, которые хочется перечитывать. В природе всё ясно — никто и ничто не покушается на извечный порядок. И пусть так будет всегда:

*Кроны пышные распарив,
В знойном воздухе, в лучах
Дремлют кедры-государя
С думой древнею в очах.*

Именно в такие минуты душевного затишья рождается щемящая душу жалость и любовь к Байкалу:

*Байкал влажно утыкается
В мою ладонь,
Ища сердечной защиты —*

это можно написать лишь от отчаяния, когда со своего берега отчётливо видишь дымы из труб БЦБК. Очень важная сторона байкальского бытия (может, с неё надо и писать эти заметки) — Скиф как байкальский дачник. Определяющим здесь будет слово «байкальский»: если бы дело состояло в саде-огороде и его плодах, то для этого в наших краях есть более благоприятные места. Но земля, обихоженная прежними хозяевами, деревенские корни Скифа сделали своё дело — для него «всё звучит с душою в лад», когда потрескивает печка, младший брат прибирает двор, и всё в радость:

*Прошёл алмазный дождь, полил живые грядки,
За всходами следить желанно, сладко мне,
На даче у меня сегодня всё в порядке —
Вот только нет его в запущенной стране.*

Простое дело — копать грядки, или наблюдать как «Выбирается жук из расщелины // и туманы вздыхают коровами». И тут же «...является утро с обновлениями», и вот его роскошное начало:

*Грянет лето, взорвётся крапивою,
Лопухами, как мамонт, ушастыми,
Лебедою, как дева, красивою
И махровыми маками красными.*

Есть и другие простые и не очень дела у Скифа, но все они вплетены в очень естественное, но такое обычное дело, которое он обозначил для себя так: «Я несусь стерегу Россию». Никто в Иркутске не написал о России столько стихов. Многие из них не только публицистического, но и душевного свойства. Не однажды слышала, мол, проходные стихи, «на потребу». Да, на потребу, прежде всего на потребу собственной его души, души русского человека, которому судьбой суждено жить на пространстве в одиннадцать часовых поясов, в стране, которая и не страна вовсе в обычном понимании этого слова, а, как говорила Екатерина Великая, континент — куда ж нам деться от козней, от зависти, которую извечно питают к нам «все богомерзкие умы, все богохульные народы»? В любовной и пейзажной лирике у поэта много разных смысловых, чувственных, образных значений, найдёшь желание поиграть со словом, увидишь неожиданно придуманный, затейливый звукоряд, а в патриотической лирике всё предельно ясно, непреложно, демаркационная линия «свой-чужой» чётко, без всяких полутонов, прочерчена.

Скиф убеждён — не на земле, а «там, на небе, свивается русская нить». А тогда что нам остаётся — любить. Любить Отечество, «которое Бог послал». И тогда рождаются строки, которые на чью-то потребу не пишутся.

*К родной земле любовь невыразима,
Когда царит осенняя печаль.
Моя душа, заботами теснима,
Уносится в неведомую даль...*

*Душе от счастья никуда не деться,
В родном краю смогла себя согреть.
Душе охота пасть и разреветься.
И посреди России умереть.*

В родном краю, где вольно дышит Байкал, звучит в бурю как тысячи органов и издаёт в штиль тенькающие береговые всплески, Скиф обострил слух — в его поэзии много звуков. Они навесяны морем, живущим в невероятном звуковом диапазоне, жизнью природы и просто бытом: каплет роса, тикают часы в маминой спальне. Он часто прибегает к ассоциациям, всяким, бытовым и культурным. — «небо... как серая шейка // припустилось на озеро дней». У него много всякого движения, порой несусветного — «сумерки встали на лапы», «качается время», много глаголов. Вкупе со сравнениями они создают живой кадр:

*Тишина. Вдруг старый тополь
Зазвенел, как истукан,
А потом завыл, затопал
И захлопал ураган.*

Когда такое читаешь, то тебе и думать некогда — как это истуканы звенят. Действительно, звона и хлопа, и мистического движения — здесь много. Всё четверостишие гудит, топают, хлопают. Я это не читала, а смотрела, как мультик. Байкал многоцветен, но, насколько я знакома с байкальской живописью иркутских художников, ни один закат, ни один рассвет, ни просто панорамное полотно не укладывается в нечто цельное, собирательное, обобщающее. Другими словами — этюды не хотят складываться в картину. Даже у Георгия Нисского и Рокуэлла Кента. И дело не в мере таланта художника, а в свойствах самого Байкала — он не терпит устойчивых состояний, он пребывает в переходном. Он так живёт и дышит. У Скифа много этюдов — восходов, заходов солнца, таинственных глубин и тихих заводей, где прячутся глупые мальки. Но я бы вполне могла принять многие стихи Скифа за картину, портрет на байкальском фоне. Например, «Сегодня тучи над Байкалом друг друга брали на таран // Я видел: молния скакала // Как белый выстрел по горам». Я вообще люблю, даже ищу в поэзии картины. И вижу их — это профессиональное. Вот попалась на глаза такая милая картинка:

*Хрустящий воздух.
Свет сугроба.
И тишина. И белизна.
Сухие зонтики укропа
На снег роняют семена.*

Байкал не соразмерен человеку. Нельзя объять необъятное. Помню — как-то под осень я ехала в порт с последним пароходом. Еще в Листвянке заметила, что луна полная, значит, ехать будем по лунной дорожке — не впервой. Так и ехали. Покойно, красиво. Вдруг я обернулась назад и не узнала луну — линза Байкала сделала её огромной, в полнеба, кроваво-красная, она низко висела над горизонтом воды. Я осталась наедине с чем-то огромным, невиданным, невоготу раскалённым, и это нечто на моих глазах быстро погружалось в воду, во тьму. Не помню, сколько времени продолжалась эта Дантова мистерия. Разве это можно описать? Разве можно передать мои чувства восторга-страха? Читаю у Скифа: «горит Байкал серебряный, хрустальный, лазурный, перламутровый, зелёный, свинцовый, сизый, дымчатый, туманный, чешуйчатый, глубинный, золотой». А тот, который я видела в ту ночь, какой? Может это и был «планеты совестливый глаз», который возник у Скифа? Из множества поэтов, писавших о Байкале, так никто не сказал:

*Потом, расслабленный, в печали
В упор разглядывает нас,
Моей тайги глазной хрусталик,
Планеты совестливый глаз.*

Недавно, чтобы развеять кое-какие сомнения по поводу поэмы «Месяцеслов», я спросила у Володи:

— Ты как её писал? Из старых стихов составил? Или летом про лето, а зимой про зиму? Оказалось неожиданно просто — сидел в рождественские дни в городе, отчасти в деревне Ширяево в гостях у земляков Куклиных, и целый год вспомнил. Не какой-нибудь конкретно, а просто год. Многое прояснилось. Писан «Месяцеслов», что называется, «в один дых», а потому весь годичный цикл являет собой некую цельность, когда круговорот жизни людской на отрезки не поделишь. А потому в «Месяцеслове» Скифа, в отличие от «Месяцеслова» Байбородина, годичный круг жизни обозначен не в хронологическом, не в событийном значении, не вплетён, как положено, в трудовые земледельческие будни и праздники. Год у Скифа живёт в чувственном, каком-то дыхательном измерении, вот так — «вдох-выдох». А макушка года чуть сместилась с макушки лета, апогей авторского переживания природы и, возможно, творческого взлёта — это янтарная пора август–сентябрь. Станный какой-то месяцеслов. Драматургию всего цикла определил январь, где весь месяц, как сутки — с восхода до заката. Точно так же и весь год — от восхода до заката. И всегда восход такой: «но вот уже рассвет заговорил стихами // и счастье, как цветок, // взошло в моей душе». В природе всё хорошо, всё в свой черёд, а у людей, когда уходят годы, уходят и друзья, «стреляют в Белый Дом // и вздрагивает свечка // и ходят мимо сна тяжёлые кресты». Много о чём можно поразмышлять, читая «Месяцеслов». Я, допустим, пожалела, что Пётр Первый изменил название месяцев — всё было так точно. «Завыла февралём космическая глотка»... жуткий, прямо скажем, образ, да ведь так оно и быть должно, февраль по-старому, «плотый», а колючий январь и прозван «сичень», и груды снега в декабре дело обычное — он, декабрь-то, недаром «грудень». И все другие месяцы несли положенные им смыслы. Но русские смыслы у нас не в чести.

Глеб и я знали, что Скиф человек широких интересов, много читает, знает, как никто в Иркутске, западную поэзию, у него большая библиотека по искусству. Но, честно скажу, мы не очень понимали, как возник и для чего ему обширный литературно-художественный помянник. Что это — записи трудолюбивого школяра, конспект-самоучитель в стихотворной форме? Тщеславное желание открыть читателю нечто, что никто до него не заметил? Похвастаться — вот какой я эрудит?

Со временем я, кажется, поняла, для чего понадобилось Скифу это невиданное и неслыханное дело. Мы, русские, люди эпиметеевской культуры, мы должны непременно заглянуть вглубь времён, чтобы хоть что-нибудь понять про нас, сегодняшних. Оглядываться назад — к этому у нас особый вкус. Даже, кажется, был с Глебом разговор на эту тему, что отвечал Володя, уже не помню, но что бы ответил сейчас, догадываюсь. Прошлое для Скифа естественное окружение, «живая городьба веков»: если она есть, то «ночь, как косточка черешни, за-ка-ты-ва-ет-ся под кровать». Т.е., это даже не просто «хочу всё знать». Это один из путей к себе через историю, традиции. В этом же ключе можно понять «Слово о полку Игореве». Володя не раз нам читал это, как сам определил, «поэтическое переложение с древнерусского». Историзм в подходах к событиям какой угодно временной дальности основан на убеждении, что сущность человека не меняется, меняется лишь антураж, события, в котором проявляется человеческая сущность. Те же страсти, своеволие, те же распри «князь на князя», и та же правда — «лучше быть убиту, чем полонёну». Доставшееся нам Слово-свидетельство от тех времён провоци-

рует соблазн — нет, не потягаться, это бессмысленно, а примерить — впору ли нашему слову «словеса старого времени», возможно ли ими передать смысл, дух и музыку «Слова»? И, видимо, не покидает Скифа надежда, сопоставив прежние времена с сегодняшними, попытаться «русский узел развязать»? Попытка не пытка... Помню — после одного из прочтений (а Скиф прекрасный чтец) Глеб сказал: «Главное, уловил кое-какую музыку. Ведь там, в «Слове», полифония») Кое-какую музыку — это уже того стоило.

Я плохо представляю себе, как писал Володя стихи о давным-давно и не очень давно ушедших творцах. Их много, но кто-то из них так тебе близок и интересен, что впору роман, повесть или поэму пиши. А Скиф решил всем сёстрам по серьгам. И так можно. Для меня в этом цикле нашлось много любопытного и верного. Кюхля, персонаж из роскошной пушкинской поры, аттестован как «пристяжной у бессмертья». По-моему, лучше не скажешь. Пиши Кюхельбекер в любую другую эпоху, литераторы не дали бы его в обиду, но на фоне Пушкина... В русской поэзии Скиф всё охватил — от тредьяковско-державинского камнепада XVIII века до тихоструйного Северянина, отдал дань многим советским поэтам. Читатель может вспомнить что-нибудь из истории литературы, вспомнить о том, например, что Клюев умер в Томской тюрьме, а Аполлинер, чего я и не знала, белорус по происхождению. А начинающий поэт, прочитав стихи о Франсуа Вийоне, вполне может решить: если не притаилась в тебе хоть чуточка его бесстрашия перед жизнью, рассчитывать не на что. А еще я с удовольствием вспомнила, что знаменитая, точнейшая, просто формула России — «Русь, ты вся поцелуй на морозе» — принадлежит Велимиру Хлебникову.

Я долго не хотела читать стихи Скифа о художниках. Моя педагогическая практика сформировала у меня стойкое убеждение, что литератор непременно будет выискивать на плоскости холста какой-нибудь сюжет, рассказ. Но Скиф — другое дело, ведь он окончил педагогическое училище, где готовили многостаночников: при нужде в педагогах, что в деревне обычно, выпускник-словесник вёл физкультуру и рисование — рисование и история искусств в училище были обязательными предметами. Скиф и сам рисует. Так что я недавно всё-таки прочла стихи о художниках. Кое с чем могу и согласиться, с тем, допустим, что в картинах импрессиониста Клода Моне явлен «мир дыханья, свет икон», а в некоторых картинах Пикассо (кроме, конечно, голубого и розового периодов) слышатся отзвуки литавр, что у Дега, действительно, есть явные предчувствия кинематографа. Понял Володя даже муки пуантилистов, пытающихся соединить «алгебру с гармонией» и т.д. Скиф разжёл желание просмотреть альбом репродукций Эдуарда Мане, он, оказывается, художник «плотоядный», а в стихотворении Леонардо да Винчи Володя даже вызвал зависть:

*Как эпохам грешным вызов —
Из живого далека —
Смотрит в душу Мона Лиза,
Пережившая века.*

*Время мчится: Троя, Спарта...
С болью: быть или не быть? —
Завещал нам Леонардо
Эту женщину любить.*

*Время глухо. Вечность зыбка.
Умирает каждый след...
Но хранит её улыбка
Потаённой жизни свет.*

*Пребыванье в мире шатко,
Нам спастись нельзя уже...
Но улыбки той загадка
Открывается уже.*

ему, счастливику, «улыбки той загадка открывается...» А мне что-то не открывается. Уж и не надеюсь. Вообще-то, Скиф взаправду — везунчик и открыватель улыбок и миров. Всё в его творчестве неожиданно и чрезвычайно интересно!

В конце заметок, воспоминаний принято делать какие-то выводы, заключения. Да что-то не хочется. Просто не знаю, как это должно выглядеть. За наше долгое знакомство я не помню, чтобы Скиф, при всей его контактности, свободе общения, что называется, обнажался, «выпрыгался». Он всегда держит себя в узде. Это признак культуры. Конечно, годы нас меняют. Судя по творчеству, он в молодости мог похвалиться силушкой непомерной — «поймаю солнце, как мотылька и засушу на память». Не знаю, когда он это написал. Знаю, что не сегодня. Мы, кажется, безвозвратно освободились от романтических иллюзий, что с солнцем у нас даже лозунги одни. И Маяковского подзабыли. А жаль. И всё-таки, солнечные лучи, и не мотылькового размера, всегда на Скифе пребывают. Скиф выглядит достойным, удачливым человеком, он и вправду такой: и в семье, и в творчестве, вроде всё в порядке. Но все знают — не всё даётся просто, не всё было гладко. Иначе бы не родились такие строки; «Сижу на вражеском пиру // или на дружеской пирушке // Мои собратья по перу, // Наполним ядом наши кружки...». Писательская тусовка — дело тонкое, свой успех заслужен и выстрадан, а успех другого — это как посмотреть. При жизни издать семитомник! Как это возможно? Завистников у него не счесть! Правда — по сегодняшним временам это просто «opus grandiosus». Порадоваться бы, что нашёлся автор, который, в отличие от всех остальных, не смирился с явным пренебрежением государства к писательскому труду, с непониманием его роли в судьбе государства и формировании мироощущения народа. Теперь писательство что-то вроде хобби — «землю попашет, попишет стихи». Конечно, у Скифа много друзей, он и сам многим помогает, и всё-таки обидно: чтобы увидеть в печатном варианте плоды своего очень тяжкого труда, приготовься отведать всякого горького под завязку! Так быть не должно!

Владимир Петрович Скиф, вне зависимости от того, состоит ли он в какой-либо должности в иркутском Союзе писателей России или нет, нужен всем. Он человек публичный, любой писательской встрече, дружескому застолью или юбилею, которое ведёт Скиф, успех обеспечен. То же и на собственных поэтических вечерах. Хотя, просмотрев сейчас более или менее внимательно подаренное мне семитомное издание, осмеливаюсь сказать — он не даёт о себе верного представления. Хочется, чтобы Владимир Скиф, автор прекрасной пейзажной и любовной

лирики, раздумчивых стихов о России, чаще являл публике своё настоящее поэтическое лицо. Скиф прошёл опущенные судьбой «все крутояры, все глухомани», честно и сполна выполнил положенное поэту — «каждый день себя — из себя доставать». Читатели должны это оценить.

Жизнь продолжается. Пусть она будет долгой. Поэту в России надо жить долго.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

«Спасителя я повторяю имя...»

(ПОЭМА О САМОМ ГЛАВНОМ)

1

Святую Землю снова вспоминаю
От Сирии до жаркого Синая!
Влечёт меня туда, как в отчий дом,
Где я сроднился с каждым уголком,

СКРИПКО Валерий Иванович родился в 1948 г., окончил юридический факультет Иркутского государственного университета. Публиковался в коллективном сборнике стихов «Стихи по кругу» (Иркутск, 1990). Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Сибирь» (Иркутск), в московских журналах «Наш современник», «Москва», «Природа и человек. XXI век», в московских газетах «День литературы», «Литературная газета». С 2007 года живёт в городе Минусинске и активно сотрудничает с минусинской местной газетой «Власть труда», его стихи публикуются в литературно-художественном приложении к газете «Зелёная лампа». Лауреат литературной премии «Русский позитив» за 2013 год: одной из лучших статей в категории «Критика» признана статья Валерия Скрипко «Читая Астафьева». Учредители премии — Российский фонд мира и журнал «Москва». Публицистика В. Скрипко — статьи, заметки, обзоры, рецензии, очерки — освещает различные вопросы и явления общественной жизни. В. Скрипко активно сотрудничает с многими сайтами. Профиль Валерия Скрипко объединяет все публицистические материалы автора, размещенные на сайте ежедневного интерактивного издания «Завтра». Страница В. Скрипко есть на крупнейшем российском литературном портале Проза.ру, предоставляющем авторам возможность свободной публикации произведений. В Иркутске готовится к публикации книга «Спецназ духа». Член Союза писателей России. Живёт в г. Минусинске.

Где близко Небеса,
                                   в таком соседстве
 Душе уютно,
                                   как в далёком детстве,
 Где смерти нет,
                                   где деревенский рай
 И утром кличет бабушка: вставай!
 Но там уют — мальчишеский, беспечный,
 В Святых местах — он выстраданный, вечный.

2

Сегодня мы летим из Подмосковья,
 И день, как праздник в аэропорту,
 Весь мир готов я охватить любовью,
 Преобразить мирскую суету.

Тому, кто пьёт коньяк за стойкой бара,
 Сказать бы:
 на Святой Земле — весна,
 Очнись от потребительского сна,
 От «рыночного» тяжкого угара!
 Ведь сгинет всё, что видишь ты вокруг,
 Летим со мной, там — вечность, милый друг.
 Мне говорит паломник незнакомый:
 — Ну, в долгий путь!

Не скоро будем дома.

— Здесь мы не дома, а в гостях пока, —
 Поправил я седого старика!
 Наш Дом в пространстве возле Иордана,
 Вот прилетим, и встанем рано-рано,
 На сердце будет тихо, хорошо...
 Навек бы из пустыни не ушёл.
 Когда б не строгость пограничных правил,
 В пещерах жить мечтал не я один,
 И Господа, и веру бы прославил
 Среди холмов библейских и долин!
 Там взгляд не ощущает расстоянья,
 И монастырь темнеет за рекой,
 Зовёт тебя, зовёт на покаянье,
 Покаешься и обретёшь покой!

3

Летим над морем, Турция в тумане,
 Не видно мест, где жили христиане,
 С надеждою блеснёт сквозь облака

Дорога в те далёкие века!
По ней апостол Павел шёл в Эфес,
При нём там было множество чудес,
И проповедью честною своей
Он к новой жизни возрождал людей!
Сквозь тучи вижу Патмос иногда,
Апостол Иоанн приплыл туда,
Потом Христос пришёл с небес к нему,
В темнице из камней рассеяв тьму!
Мерцал на солнце моря синий фон,
Был Патмос справа, а потом Афон,
Казалось мне, лучами от земли
Молитвы в небеса с Афона шли!

4

Мы прибыли. И как же был я рад
Войти сегодня в Гефсиманский сад,
Как будто в храм, и в страхе, и в надежде.
Я с трепетом, неведомым мне прежде,
Хотел коснуться каждого листа,
Как будто край хитона у Христа!
И кажется, что придорожный камень
Потрогал он горячими руками,
С тех пор сияет камень, как алмаз,
И греет душу каждого из нас!
Идёшь ли в крепость и в места другие,
Любой поход, как будто литургия,
Где хор церковный, обращаясь к нам,
Поёт по переулкам и садам!

Здесь всё имеет смысл, своё значение:
Закат — библейским кажется свеченьем,
И Благодать от святости во всём,
Что, напитавшись древностью, несём.

5

Я шёл и слышал, как стучат копыта
Коней Давида, все приметы быта
Тех славных лет вставали предо мной,
И дивный хор я слышал за спиной!
Жизнь не прошла — она пройти не может
Там, где Господь её продлить поможет,
Как облако живое он хранил
В пространстве — древний город, полный сил.

Спаси их Боже, им неведом страх,
Заслуживают вечность на коленях,
И в кельях, и в пещерах на холмах!
Глоток воды с расщелины, маслина —
Всё, что им надо, как дары земли,
И снова к небесам Отца и Сына
Дороги их с мольбами пролегли!
Трудись, монах, за нас, за грешных, тоже,
Мы братья,
                                но заблудшие, похоже,
В угаре суеты все дни парим,
Едим и пьём и глупости творим!
В гостях у Саввы — тишь, и нет границы
Меж Небом и Землёй, и дух стремится
К высокому — блажен, спокоен он.
И где-то между скал шумит Кедрон.

8

Вот древности ожившая картина:
Пещера Иоанна Дамаскина,
Там христианской церкви фронт и тыл.
Вошёл и пред иконою застыл,
И стыдно стало мне, неловко там
Предстать туристом по святым местам.
— Прости, монах, — шепчу я виновато, —
Ты видел Богородицу когда-то,
Чей голос правду Божию явил,
А ты смиренно голову склонил.
В пещере-келья, каменное ложе,
Они ту встречу с Небом помнят тоже,
И древняя икона на стене
Молиться без конца внушает мне.
И я щекой прижался к ней, молился,
Слова любви со страхом подбирал....
А гид уже, теряя время, злился
И всех в автобус с шумом собирал.

9

Мы ожидаем праздник в Галилее.
Вези нас, гид, на берег поскорее,
Где наш Христос святой оставил след,
О, вечно будь со мной, Гиннисарет!
Тебя, как дар природы, здесь прославил
Примерный иудей — историк Флавий.
Но проглядел Израиля кумир,

Как здесь рождался христианский мир.
Мы, словно рыбаки, поверим в чудо
И в Дух Святой, что царствует повсюду.
Мы в здесь как дети, мы в волшебном сне...
Так это наяву казалось мне.

10

Сверкает утром море под окном,
Мы в Тверии — другую жизнь начнём!
Христос ходил по берегу с рассвета,
И берег благодарно помнит это...
Проснусь, взгляну в рассветное окно,
Неужто это счастье мне дано:
Дышать, любить, грехов оставить тьму
И верить только Богу одному!?
Не буду прежним я, я точно знаю,
Я здесь не новичок, я вспоминаю.
И древность вся на лучшем из морей,
Страницы биографии моей!
Наверно, я останусь здесь монахом,
Пойдёт пусть суета земная прахом,
Но что-то в сердце, что-то, не пойму,
Противится желанью моему.
Возможно, что с небес внушают тайно,
Что жизнь дана мне вовсе не случайно,
А чтоб раскрыться в ней душа могла,
Благословив на добрые дела!
И тесно жить в монашеском уставе
Тому, кто за спиной, в миру, оставил
Своих любимых и своих родных.
Иной сценарий лет моих земных.
Но если жить по заповедям буду,
Остаток дней — надежда есть на чудо,
Всем существом я буду здесь и там,
И всю любовь Спасителю отдам!

11

Причастья ночь!
У нас над головою
Огромная и полная луна,
Всего себя я небесам открою,
Вкусив просфору² и глоток вина!

---

²Просфора — специально приготовленный хлеб для причастия.

Согреет всех молящихся
Причастье,
Мы в чудном сне
    в холодный поздний час,
Поют хоры, мы утопаем в счастье,
И грек-священник причащает нас!
Он вынес из кувуклии, как чудо,
Вино и хлеб — их освятил Христос,
И до последних дней я греться буду
Глотком вина, который грек принёс.
Не надо мне иной, хоть царской пищи,
Не надо блюд изысканных, пиров,
Навек я той просфорой насыщен!
И это в жизни — лучший из даров.

12

Домой вернувшись, я молился в храме
И странно так старушки-прихожане
Молчали и смотрели на меня...
Какой-то трепет благостный храня.
*Я был там! — на Святой, родной земле
Куда душа теперь всегда стремится!*
Старушкам тем на их немой вопрос
Ответил я: — *Я свечи вам привёз!*
Их опалил на Пасху в день весенний
Господь огнём небесным
Воскресенья,
И те, кто был на службе в этот час,
Мне говорили: *рады мы за вас,
От тех свечей небесное тепло
Отраду в наши души принесло!*

г. Минусинск, февраль, 2023 г.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

«Час мужества пробил на наших часах...»

О «Сиянии России-2022»

Нынешние Дни русской духовности и культуры пришлось на год, когда Россия вверглась в новые испытания. Едва справившись с пандемией коронавируса, 24 февраля 2022 года страна вступила в военную спецоперацию на Украине. В обществе резко повысился запрос на патриотизм, что вполне ожидаемо.

Коренных изменений в программах не произошло (действовали, как обычно, две — городская и областная): организаторы и участники «Сияния России» ещё больше убедились в необходимости отстаивать лучшее в духовно-культурном опыте страны, острее осознали, какая ответственность легла на Россию, пытающуюся, но не сумевшую избежать военного конфликта с заболевшей нацизмом Украиной. Слова Валентина Распутина: «Всю жизнь я писал любовь к России» по-особенному вспоминались в эти дни.

Встречи с известными российскими деятелями литературы и культуры, иркутскими писателями, концерты русской народной песни проходили в традиционном порядке, с учётом того, что 2022 год оказался богат на юбилеи: 85-летие основания Иркутской области, 85-летие со дня рождения всемирно известных писателей В.Г. Распутина и А.В. Вампилова, 100-летие со дня рождения известного сибирского литературоведа и критика Н.С. Тендитник.

В связи с этим одновременно в Музее В.Г. Распутина проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Валентин Распутин. Исконное и злободневное в сознании художника», вышел в свет фотоальбом «Открытое слово» с фрагментами из произведений В.Г. Распутина, его интервью и перепиской с критиком В.Я. Курбатовым. В памятные августовские даты А.В. Вампилова на малой родине драматурга, в Кутулике, состоялся фестиваль любительских театров и был издан фотоальбом «Травы пахнут здесь сильнее». Научная библиотека ИГУ к концу года выпустила электронный диск «Ответственность перед талантом» — указатель произведений Н.С. Тендитник, внушительная часть которых посвящена двум названным писателям, бывшим её студентам.

Несмотря на то, что гостей из столиц и других регионов России прибыло немало (сказались последствия недавней пандемии), намеченное удалось выполнить полностью.

Гостями «Сияния России» 2022 года стали:

Елфимов Аркадий Григорьевич (Тобольск) — общественный деятель, книгоиздатель, фотохудожник. Председатель общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», им же основанного в 1994 г. Почётный член Российской академии художеств. Награждён Золотой медалью Российской академии художеств (2014).

Кирюшин Виктор Федорович (Москва) — советский и российский журналист (выпускник МГУ им. М.В. Ломоносова), поэт, переводчик и эссеист, книгоиздатель. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Международной гильдии писателей. С 1986 по 1996 г. — редактор, главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Автор поэтических сборников: «Стезя», «Чередование тьмы и света», «Накануне снега и любви», «Неизбежная нежность», публикаций во многих периодических изданиях, антологиях: «Венок славы», «Русская поэзия: XX век», «Русская поэзия: XXI век», «Час мужества», «Молитвы русских поэтов».

Лауреат нескольких литературных премий. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Шумейко Игорь Николаевич (Москва) — историк, писатель, журналист. Член Союза писателей России. Кибернетик по образованию, работал в Министерстве внешней торговли СССР, в сфере общественных связей. В настоящее время — заместитель генерального директора фонда «Наследие митрополита Питирима».

Автор 16 книг, среди которых: «Вторая мировая. Перегрузка» (новое дополненное издание под заголовком «Гитлеровская Европа против СССР. Неизвестная история Второй мировой»), «Апокалипсис в мировой истории. Календарь мая и судьба России», «Романовы. Ошибки великой династии», «Русская водка. 500 лет неразбавленной истории», «Большой подлог, или Краткий курс фальсификации истории», «В России надо жить долго»; публицистических эссе в периодических изданиях.

Лауреат нескольких литературных премий.

Семушина Татьяна Владимировна (Москва) — популярная певица российской эстрады в жанре народной песни. Солистка Москонцерта, и вокального трио «Лада». Преподаватель Государственного музыкально-педагогического института им. М. Ипполитова-Иванова.

Лауреат международных и всероссийских конкурсов.

Вихров Григорий Иванович (Москва) — поэт, член Союза писателей России (СССР с 1989 г.). Его стихи переведены на 18 языков народов мира.

С 1984 по 1992 год — жил в Иркутске. Окончил исторический факультет Иркутского госуниверситета и Высшие литературные курсы Литинститута им. М. Горького. Служил в войсках СА в Крыму. После переезда в Тулу преподавал в Тульском педуниверситете им. Л.Н. Толстого. Как и в Иркутске, много выступал с творческими вечерами и лекциями о поэзии в Туле и Тульской области, затем в странах Западной и Восточной Европы. Особое место занимали Чеченская Республика, Республика Дагестан.

В 2001 году по приглашению Штаба Северного Флота, во время подъёма лодки «Курск», провёл литературные встречи с личным составом авианосца «Адмирал Кузнецов», эсминца «Безудержный», пограничниками Тульского погранотряда, воинами десантных дивизий.

Автор десяти поэтических сборников, среди которых: «Мои дорогие», «Страстная неделя прошла», «Близость» (переводы с французского, 1996), «Два лепестка сакуры», «Трилистник», «Все в тебе и все из-за тебя», «О! Сколько имён у любви моей!...».

Победитель Всемирного фестиваля поэзии (г. Льеж, Бельгия, 1990); лауреат премии «Святого Мигеля» (Франция, 1998); участник Дней русской литературы разных лет в России и за рубежом.

Зайцев Сергей Леонидович (Москва) — российский кинорежиссёр-документалист, сценарист, продюсер, музыкант. Крупный деятель кинодокументалистики. Член Союза кинематографистов и гильдии кинорежиссёров России, Союза писателей России, президент киноклуба «Русский путь», один из инициаторов создания и член Правления Ассоциации документального кино СК РФ и проч. Главные темы: история Русского исхода, Русского Зарубежья.

Режиссёр док. фильмов: «Лики Отечества», «Чаша», «Погибли за Францию», «Подводники», «Союзники. Верой и правдой» и др. Продюсер: мюзикл «Левша» (автор проекта А. Шевцов, постановщик М. Корнев), док. фильмы — «Русский триумф на чужбине. Пионер видеоэры инженер Понятов», «Эмигрант. Борис Зайцев», «Солженицын и Струве» и др.

Обладатель многих наград, призов. Самым большим количеством премий удостоены док. фильмы «Погибли за Францию» (2003), «Союзники. Верой и правдой!» (2010).

Неоднократно принимал участие в Днях русской духовности и культуры «Сияние России» по приглашению В.Г. Распутина, управления культуры администрации г. Иркутска и художественного руководителя Иркутского театра народной драмы Михаила Корнева.

1. Обзор городских событий.

25 сентября. 11.00.

После литургии в Соборе Богоявления состоялся традиционный Крестный ход. Приняло участие более 500 человек: священники и прихожане иркутских храмов, гости «Сияния России». Молебен «Во здравие Земли Иркутской» на площади у старейшего иркутского храма Спаса Нерукотворного Образа провел митрополит Иркутский и Ангарский владыка Максимилиан. Владыка обратился к собравшимся с пастырским словом, затем передал слово мэру города Иркутска Р.Н. Болотову. Праздничные песнопения были исполнены хором собора Богоявления. Церемонию сопровождали звоны с колоколен собора Богоявления и Спасской церкви.

После двухлетнего перерыва вновь состоялся концерт русской духовной музыки «Пою Имени Господа Вышняго». В концерте приняли участие хор молодежи и студентов ИГУ, рук. Т.А. Ромашенко, хор русской песни «Прибайкалье» ДДТ № 1, рук. Н.В. Муха, фольклорный ансамбль «Ковчег» МБУК ГТК «Любимовка», руководители О.А. Костоусова, Е.Б. Карпухина, и архиерейский хор «Знамение», рук. Т. Поподько. Прозвучали духовные песнопения, русские народные песни в обработке М. Жарова, фольклор, духовные канты. Концерт состоялся в актовом зале 3-го корпуса ИГУ, зрители тепло принимали выступления, было отмечено разнообразие жанров и коллективов.

Иркутский городской театр народной драмы.

В продолжение традиции торжественное открытие состоялось в Иркутском городском театре народной драмы, представившем спектакль «Сказание о Святом Александре Невском» (автор М.Г. Корнев) — историческую драму о доблести и славе русских воинов, защитников Отечества под руководством князя Александра Невского в непростое время становления государственности нашей Родины. Гостями вечера были писатели Виктор Кирюшин и Игорь Шумейко (Москва), режиссер, продюсер Сергей Зайцев (Москва), иркутяне писатель Юрий Баранов, ху-

дожники Александр Москвитин, Евгений Турунов, журналистка Ольга Соболева, члены Советов ветеранов и Советов пенсионеров Иркутска, протоиерей о. Марк Косолапов — настоятель храма св. блгв. князя Александра Невского, а также студенты и школьники. Со словом приветствия выступил начальник управления культуры А.С. Чернышов.

26 сентября 2022 года в 18.30 здесь же проведен вечер поддержки и памяти «Иркутск–Кировск–Донбасс». В программе — видео из Кировска, с места событий, рассказ о поездке на Донбасс артистов театра, концертные номера — песни дружбы, благотворительный аукцион картин. Свои работы безвозмездно представили иркутские художники Павел Авенариус, Владимир Мироненко, Наталья Балакина, Игорь Смирнов, Сергей Жилин, Александр Шипицын, Дмитрий Лысяков, Андрей Ростовцев, Карл Шулунов, Геннадий Кузьмин, Сергей Юдин, Ирина Соловьева, Евгений Турунов, Анатолий Алексеев, Наталья Довнич, Ольга Ильина, Юрий Квасов, Дмитрий Дорохин — всего 25 работ в поддержку ЛНР и ДНР. На вечере проданы 4 картины. Также был показан видеоряд воинов-иркутян, участников СВО, погибших на Донбассе.

По программе пребывания в Иркутске давнего друга нашего города, режиссёра и продюсера документального кино Сергея Зайцева, **27 сентября 2022 года** в Театре народной драмы состоялся его творческий вечер. Сергей Леонидович говорил о роли документального кино в жизни современного общества, трансформации языка киноискусства, связанной с глобальными социальными изменениями в мире, показал фильм «Мой мастер Класс», ответил на вопросы присутствовавших в зале лицеистов города и студентов.

30 сентября содержанием встречи Сергея Зайцева со студентами, будущими кинематографистами, педагогами Иркутского филиала ВГИК им. С.А. Герасимова стал профессиональный творческий разговор. Гость рассказал о современном положении дел в российском и мировом кинематографе, о формировании программы кинофестиваля «Русский путь», президентом и организатором которого он является. Тему продолжил показ нового фильма С. Зайцева о своем педагоге, актере и режиссере Игоре Классе («Мой мастер Класс»), последней работой которого в кино стало участие в этой документальной ленте. Вышедшая в 2021 году, она уже получила несколько наград на международных кинофестивалях: «Золотом Витязе» (Севастополь), «Бородинской осени» (Можайск), «ЕвразииДок» (Минск), Фестивале биографического фильма (Москва), а также екатеринбургском фестивале «Россия», на котором Игорь Класс был удостоен специального диплома жюри с формулировкой «С восхищением безграничным талантом артиста». Студенты долго не отпускали гостя, задали много вопросов о профессии, о фильме, о жизни.

Большой цикл мероприятий традиционно прошел в ИрНИТУ благодаря усилиям сотрудников кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна, с выставкой произведений студентов и преподавателей — в память о её создателе и руководителе Виталии Георгиевиче Смагине. Народному художнику России, Почетному гражданину города Иркутска и Иркутской области В.Г. Смагину, чьё имя теперь носит кафедра, в 2022 году исполнилось бы 85 лет.

Среди других культурных акций, проведённых управлением культуры г. Иркутска, назовём следующие:

— **фестиваль деревянной скульптуры «Звёздная ладья»** с участием мастеров Дома ремесел и фольклора МБУК МИГИ им. А.М. Сибирякова, Иркутского реабилитационного техникума, Техникума архитектуры и строительства;

— торжественное открытие стелы «Иркутск — город трудовой доблести!» — присутствовали ветераны труда, волонтеры, члены патриотических организаций «Молодая гвардия Единой России», курсанты Центра «Патриот», кадеты «Юнармии»;

— в каждой библиотеке «Централизованной библиотечной системы» — творческие встречи иркутских прозаиков и поэтов, представителей всех писательских организаций области, журналистов, священнослужителей, художников и просто талантливых людей с юными и взрослыми читателями;

— музыкальный вечер «**Вся жизнь моя — Иркутская история**» — для тех, кто участвовал в становлении области: ветеранов труда, детей войны, пенсионеров. Звучали песни о комсомоле, Иркутске, стихи и песни послевоенного и военного времён, вспоминались трудные, но дорогие сердцу годы. Вечер посвящён юбилею Иркутской области;

— просмотр и обсуждение фильма «**Василий и Василиса**» по рассказу В.Г. Распутина — в киноклубе «Калейдоскоп» Центра духовно-нравственного воспитания прихода им. Преподобного Сергия Радонежского;

— в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых — литературные и познавательные часы, встречи с читателями, мастер-классы, книжно-иллюстративные и виртуальные выставки.

Всего проведено около 300 мероприятий.

*Из отчёта Ольги Михеевой,
главного специалиста
управления культуры г. Иркутска*

Из хроники Юрия Харлашкина, методиста ОГАУ «ИДЛ»

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ, 25 сентября

Ровно в полдень гости «Сияния России» и иркутские литераторы возложили цветы к могиле В.Г. Распутина. Со словом памяти о выдающемся писателе-земляке выступили председатель ИРО СПР Юрий Баранов, советник губернатора по культуре Владимир Скиф, прозаик Владимир Максимов, поэт Григорий Вихров.

ВТОРОЙ ДЕНЬ, 26 сентября

15.00. ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского — круглый стол «Литература после В.Г. Распутина: судьба, развитие и перспектива». Мнениями по заявленной теме обменялись Г. Вихров, В. Кирюшин, И. Шумейко (Москва), А. Елфимов (Тобольск), Ю. Баранов, В. Семенова (Иркутск); участвовали директор библиотеки Л. Сулейманова, замдиректора В. Кутищева, читатели. Вёл заседание Ю. Баранов.

* * *

Первым выступил **Григорий Вихров**, чей творческий путь три десятка лет назад был успешно начат в Иркутске. По его утверждению, именно в городе на Ангаре он сформировался как поэт, и, сравнивая распутинские времена с нынешними, высказался не в пользу последних. Тогда, при отсутствии безграничной свободы самовыражения, была, он считает, иерархия в литературе, и настоящие таланты занимали достойное место. Ныне представления о ценностях размыты, и

немало писателей отказались от идеалов. Вихров выразил надежду, что нынешнее военное противостояние между Россией и Западом заставит многих определиться в позиции. Что касается самого поэта, то его устремления видны в его стихах. Например — в прочитанном сегодня.

Голос

Ласковый голос в холодном краю
Спасает в чёрные дни.
— Верни Солнце в Отчизну мою,
И в сердце моё верни!

У очага живого пою —
Угли слезам сродни:
— Верни Солнцу Отчизну мою!
И в сердце её верни!

Боже! А я под кресалом стою.
Искрою, сохрани!
Верни Отчизне любовь свою!
Молитве любовь — верни!

Аркадий Елфимов, известный иркутянам размахом культурной деятельности в Тобольске, выразил тревогу по поводу засилья на полках книжных магазинов и библиотек иностранной переводной литературы. Уже известна цифра — она составляет 80 процентов российского книжного рынка. И за рубежом российская книга представлена скудно, в отличие от китайской, которая занимает, по его словам, «гектары площадей» на международных выставках. Мы явно отстаём от других стран.

Елфимов также рассказал о последних изданиях «Фонда возрождения Тобольска», на счете которого, помимо альманаха, внушительный список редких исторических книг и книг современных авторов. Курс взят на эксклюзивные издания в высокохудожественном оформлении («пусть недёшево, но красиво»), которые затем безвозмездно передаются в сибирские библиотеки, а в последнее время отдельные выпуски поступают в библиотеку администрации президента нашей страны.

Виктор Кирюшин, поэт и тоже опытный издатель, начал с того, что в прошлом, ещё в 90-е годы, проходило немало дискуссий по проблемам литературы, но теперь иная картина.

— Всё раздробилось, атомизировалось... Кроме книг есть интернет, в котором легко утонуть. Когда-то мы радовались, что можно издаться за свой счёт, но скоро выяснилось: институт редактуры уничтожен, и качество выпускаемых книг упало. До сих пор помнятся имена редакторов, которые постоянно работали с талантливыми писателями: Агнесса Гремницкая, Людмила Барыкина... Поднялась мутная волна, настоящему таланту пробиться невозможно. Есть премии — «Национальный бестселлер», «Большая книга». Автор награждается, а через год его забыли. Разрушена система распространения — книги оседают там, где они вышли.

— Но поэзия существует, — продолжил Виктор Фёдорович. — Это Евгений Чепурных, Юрий Перминов, Мария Аввакумова, Виктор Петров... После объяв-

ления спецоперации на Украине — всплеск литературы. Выходят сборники патриотической поэзии «Позывной — Победа» — первый, второй, третий. Их заметили в администрации президента России. В итоге общий тираж составил уже 35 тысяч. Распространяется на Донбассе, в госпиталях. Темы: поддержка российских воинов, положение на Украине. Война — большое испытание, лирика необходима, но такая, как «Жди меня» К. Симонова.

Стихотворение В. Кирюшина «Донбасс 2014» прозвучало словно вступление к событиям 24 февраля 2022-го:

Срезана пулей рябины макушка,
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт
И кукует кукушка.
Дни или годы
Считает она?
Может, вот здесь,
У разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся,
И крестик нательный,
Мамой подаренный,
Не сохранит.
Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напорочила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым,
Нательным крестом?

Юрий Баранов остановился на теме качества произведений, создаваемых на земле Приангарья.

— Чем дальше уходим от времени Валентина Распутина, тем виднее величина таланта и духа нашего выдающегося современника. У него каждая строка на месте, одно вытекает из другого... Достигнуть этого непросто.

Коснусь проблем в детской литературе. Книги распространяются бессистемно, на столичные издательства выйти затруднительно, преимущество у частных издателей, которые больше заботятся о переводной литературе. Среди авторов много шведов, финнов, норвежцев. Остро не хватает книг для детей по истории России, например, о войне с Наполеоном 1812 года. К этому добавлю: нас есть авторы, которые выпускают по десять книг в год. Стилистических ляпов у них множество, но такие литераторы находят пути проталкиваться на конкурс «Лучшая книга года»...

Игорь Шумейко, автор увлекательных книг как раз на тему российской истории, отметил влияние В.Г. Распутина на жизнь и культуру России, несмотря на ярлык «деревенщика» и «заединщика» из числа патриотов, которые, по мнению

диссидентов, «ходят строем». Но образ губернатора Трескина в книге «Сибирь, Сибирь...», вознамерившегося после выравнивания иркутских улиц выправлять течение Иркутта, говорит об объективном взгляде писателя на историческую личность. При этом удивительно, заметил И. Шумейко, что книга «Сибирь, Сибирь...» на пятнадцатом году после выхода последнего выпуска всё ещё не оцифрована, найти же её в бумажном варианте, в чём ему пришлось убедиться, чрезвычайно трудно, а ведь она нужна сегодня.

Судьба книги «Сибирь, Сибирь...» как важнейшей для наших дней части наследия В.Г. Распутина была продолжена **В. Семеновой**. Это яркое художественно-публицистическое полотно с живым изложением истории Сибири и горячим зарядом патриотизма дошло, по мнению критика, до ограниченного круга читателей. Издания 2000-х годов, обильно оснащённые фотоиллюстрациями, малотиражные и дорогие, попали только в библиотеки области. Сегодня есть острая необходимость в издании книги о Сибири для широкого круга читателей в более скромном оформлении и доступной по цене — просветительное и воспитательное её значение трудно переоценить.

Из хроники Юрия Харлашкина (продолжение второго дня)

Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых: две встречи с иркутскими поэтами.

12.00. Мария Артемьева в игровой форме провела встречу с третьеклассниками, знакомя их со стихами из своих детских книг; встречу следующего дня посвятила лирике для взрослых.

16.00. Юбилейный творческий вечер Василия Козлова. Презентация новой книги стихотворений «Гончарный круг».

18.30. Торжественное открытие Дней русской духовности и культуры «Сияние России» в Иркутской областной филармонии: концерт певицы Татьяны Семушиной, выступления писателей.

* * *

Литературно-музыкальный вечер «Душа России» собрал в зале филармонии поклонников двух муз, соединённых в песенном слове. С приветственной речью выступила министр культуры Олеся Полунина, подчеркнув особое значение Дней русской духовности и культуры в нынешние сложные для России времена.

Давно известно, что песня — душа народа, и репертуар певицы, солистки Москонцерта и вокального трио «Лад» Татьяны Семушиной, впервые выступившей в Иркутске, был наполнен песнями, названия которых говорили сами за себя: «Травы луговые», «По бережку», «Я — деревенская», «Комарики», «Гляжу в озёра синие» и т. д. В концерте объединились народные песни и авторские — на слова В. Бокова, Е. Долматовского, К. Ваншенкина, — созвучные народным, и потому были восприняты слушателями с ответной душевностью. Надо отметить гармоничное сочетание в концерте вокала с музыкальным сопровождением — русским оркестром областной филармонии под управлением дирижёра Василия Моисеенко и солистами оркестра — Ольгой Мельник (домра), Александрой Бикбовой (балалайка).

В литературной части программы гости сказали своё слово и прозой и стихами. Аркадий Елфимов рассказал о давних связях Иркутска и Тобольска, возникших благодаря В.Г. Распутину, напомнил, как поддержал в своё время писатель идею создания альманаха «Тобольск и вся Сибирь» и подарил ему название; Игорь Шумейко назвал «одним из бликов «Сияния России»» рождение своей книги «Ближний Дальний Восток», замысел которой также был поддержан В.Г. Распутиным. Автор исторических произведений уделил внимание наиболее значимым событиям послевоенного времени в странах Восточной Азии, прилегающих к России, высказал мысль о необходимости поддерживать Дальний Восток как форпост страны.

Имя Виктора Кирюшина давно известно настоящим ценителям поэзии. Критика отмечает «русскую музыку» его стихов, «классическую стройность, точность, многозначность смысла» (Н. Ягодинцева). И это можно ощутить с первых строк и порадоваться, что такой поэт стал гостем нашего праздника.

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река.
С этой пылающей горькой осиною,
С полем, ещё не остывшим пока.
.....
Мы остаёмся, где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый жалостно-бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаёмся самими собой.

(Мы остаёмся...)

Григорий Вихров поднялся к микрофону со словами: «Я тридцать лет не выступал на иркутской сцене!» Давние поклонники стихов молодого поэта, чей талант восходил в зенит на Иркутской земле, могли узнать его по звучному голосу с оттенком дерзости.

Ты вырос, лорд Фаунтлерой,
Окреп, чистильщик Дик.
Победный марш не за горой,
А Запад так же дик.
Россию — не кошулю съестъ —
Оскома на зубах.
И лезет вам медвежья шерсть
И в глаз, и в рот, и в пах.
.....
Я ваши почитал края
За Байроновский лик.
Вот — печь моя. Вот — речь моя,
А Запад так же дик.

(Высокомерие)

Вместе с москвичами со стихами выступили Юрий Баранов и Владимир Скиф. Вечер завершился премьерой песни на слова и музыку Сергея Григорьева «Сокол», с воодушевлением исполненной Татьяной Семушиной.

Вели концерт музыковед Софья Драбкина и писатель Юрий Баранов.

Из хроники Юрия Харлашкина

ТРЕТИЙ ДЕНЬ, 27 сентября

«Сияние России» — в учебных заведениях и библиотеках. Встречи с писателями в ИрГУПСе, БГУЭПе, Иркутском областном колледже культуры, Иркутском кадетском корпусе им. П.А. Скороходова, ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, Гуманитарном центре-библиотеке им. семьи Полевых.

13.00. Концертное выступление Татьяны Семушиной перед студентами и преподавателями Иркутского театрального училища.

16.00. В Иркутском Доме литераторов им. П.П. Петрова — творческий вечер А.Г. Байбородина «Книги последних лет».

Завершился день концертной программой в ИДЛ «Мой автор», подготовленной Литературно-драматической студией «Слово» и с участием других любительских театральных коллективов.

* * *

Встреча со студентами Иркутского государственного университета путей сообщения проходила под знаком причастности гостей «Сияния России»-2022 к сибирской истории, особенно — к истории железных дорог.

В самом начале прозвучал отрывок из главы «Транссиб» книги В.Г. Распутина «Сибирь, Сибирь...». С чувством прочитанный студенткой Ариной Родиной, он на какое-то время погрузил слушателей в творчество писателя, близкого каждому на земле Иркутской. И было очень кстати в юбилейный год Распутина напомнить о том, что он посвятил строительству сибирской магистрали две из одиннадцати глав этой книги — «Транссиб» и «Кругобайкалка».

Судя по тишине, какая воцарилась в заполненном самом большом зале вуза, можно было видеть, что отрывок текста, в котором соединилась лирика и философия, затронул сердца молодых слушателей. Хотелось бы верить, что найдутся среди будущих железнодорожников желающие прочитать у автора известных каждому «Уроков французского» не только эти две главы о Великом сибирском пути, но и всю книгу, открывающую суровый и прекрасный край от Урала и до Тихого океана.

Аркадий Елфимов, увлечённый историей Сибири и города Тобольска, ставшего родным с юности, обратился к молодёжи с экскурсом в историю России, приводя любопытные факты её величия. Предлагая сравнить демократию западную и российскую, напомнил о традиции новгородского народного вече, когда новгородцы не боялись выразить недоверие даже князю Александру Ярославичу, в будущем святому Александру Невскому. Или, к слову, о невероятной популярности музыки Чайковского. Как было подсчитано, произведения великого русского композитора звучат в мире каждые семь минут! Или новый для многих штрих к

русской классической литературе XIX века: оказывается, она создавалась прежде всего для дворянских детей, чтобы воспитывать их в духе Нагорной проповеди...

Подобные беседы способствуют пробуждению интереса у молодых к славному прошлому страны, желанию задуматься о корнях отечественной культуры.

Разговор естественным образом перешёл к собственному опыту сибирского издателя и общественного деятеля. Помимо разных и важных дел Елфимов увлёкся созданием парка «Ермаково поле», посвящённого истории Тобольска (на пятнадцать гектарах земли!), и отдал этому уже тридцать лет. Он рассказал о своём детище, в котором удалось воплотить традиции парковой дворянской культуры. Парк включает в себя Ботанический сад с многочисленными породами деревьев, посаженных в том числе и гостями города, поляны украшают скульптуры деятелей, чья жизнь связана с Тобольском — художника В.И. Сурикова, композитора А.А. Алябьева, Д.И. Менделеева (бюст).

Прекрасные виды «Ермакова поля» можно найти в интернете, и они впечатляют. Как и в книгах, выпускаемых Фондом «Возрождение Тобольска», в парке видна устремлённость к идеалу.

Деятельность А. Елфимова отражена В.Г. Распутиным в главе «Тобольск» книги «Сибирь, Сибирь...», где перечислены достижения неутомимого энтузиаста, можно сказать, задавшего ход «колесу», вырабатывающему, как электричество, возрождающий свет Тобольску», отчего «дальнейшая его судьба высматривается впереди с надеждой».

Игорю Шумейко, чья историческая проза смыкается с приключенческой и потому востребована широким читательским кругом, близка тема железных дорог — имеется опыт преподавания истории в Московском государственном университете путей сообщения (МИИТ). Писатель в курсе положения железнодорожных дел в стране, считает необходимым развивать высокоскоростное движение, которое есть уже в Узбекистане и Марокко, но нет в России и США. В подтверждение довода о значении железных дорог привёл два факта из истории: во время Крымской войны (1853–1856) англичане сумели в короткий срок построить на полуострове пути, по которым подвозили снаряды, и это предредило поражение России. И, напротив, разный стандарт рельсовой колеи (российский — шире, чем европейский) не позволил во Второй мировой войне осуществить план Барбаросса и победить Советский Союз.

Иркутский писатель **Владимир Максимов** тоже имеет отношение к железнодорожной теме, и с удовольствием вспоминал о том, как свои первые рассказы написал в восемнадцать лет, когда трудился осмотрщиком вагонов. К этому надо добавить, что и позднее писатель на годы связал себя с газетой «Восточно-Сибирский путь», совмещая литературное творчество с должностью корреспондента, работал в пресс-центре начальника ВСЖД Г.П. Комарова.

В. Максимов прочитал будущим путейцам несколько стихотворений, связанных с темой дорог, и небольшую поэму «Попутчица», где его лирический герой предстал уже пассажиром поезда дальнего следования.

Из хроники Юрия Харлашкина

ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ, 28 сентября

Продолжились творческие встречи гостей праздника в вузах и библиотеках. Писатели побывали в Педагогическом институте ИГУ, в ИРНИТУ, авиационном

техникуме, православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а также в библиотеке № 16 им. Д. Сергеева, ЦГБ Усолья-Сибирского и библиотеке № 3 им. Л. Беспрованного в г. Ангарске.

В 18.00 в Иркутском Доме литераторов им. П.П. Петрова прошла презентация нового публицистического двухтомника поэта и публициста Владимира Скифа «Вёрсты памяти» (Вече, 2022), в который вошли статьи о поэтах и прозаиках России (I т.) и рецензии, отзывы о творчестве В. Скифа (II т.). После рассказа В. Скифа о работе над 2-томником прозвучали стихотворения в исполнении автора и участников любительских театральных коллективов.

* * *

Педагогический институт, находящийся ныне в составе Иркутского госуниверситета, в первые годы проведения Дней русской духовности и культуры «Сияние России» был самостоятельным вузом и принимал делегации столичных гостей в актовом зале основного здания на Нижней набережной. Ныне встречи проходят на отделении гуманитарно-эстетического образования ПИ, и писательские десанты значительно сократились.

Осенью 2022 года студентов посетили: поэт, чьё имя хорошо известно в России, как в писательской, так и читательской среде, москвич **Виктор Кирюшин** и сопровождавший его писатель **Владимир Максимов**.

Выступление Кирюшина постепенно перешло в беседу, поскольку слушатели задавали вопросы, и, отвечая на них, выпускник факультета журналистики МГУ, поэт, переводчик, в прошлом главный редактор издательства «Молодая гвардия», имеющий большой литературный и жизненный опыт, коснулся многих тем.

Первое, что услышали студенты от гостя, побывавшего в разных уголках страны, — это впечатление от Иркутска. Наш город был признан красивым. Однако странно выглядят на старинных домах вывески на иностранном языке, заметил Виктор Фёдорович, что не так уж безобидно.

— А ведь это город Распутина и Вампилова, — напомнил он.

Кирюшин отозвался о положении современной России, когда внешние политические события тесно переплетаются с внутренним культурным и историческим опытом народа. В литературе произошёл разрыв поэтической памяти. Такие поэты, как Николай Тряпкин, Владимир Соколов, Леонид Мартынов всё больше удаляются от нас, но ведь их стихи не устаревают. Вне школьных программ остались: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого — книги о мужестве, упорстве, подвигах в труде и на поле боя при защите Отечества.

— Вместо чувства победы нам стали прививать чувство вины за все потрясения в стране и мире. Но единственная страна, которая нанесла атомный удар по мирному населению Японии, — это США...

Не обойдена была и тема Украины.

— То, что сегодня происходит — большая трагедия, — ведь у многих из нас там есть родственники. Мне довелось побывать в Донбассе, в Луганске — страшная картина... Будем надеяться, что это закончится.

В. Кирюшин рассказал о поэтических антологиях под названием «Позывной — Победа!», в подготовке которых принял участие. Их вышло в свет уже несколько, и это новый всплеск патриотической поэзии, рождённый военной реальностью. Он прочитал стихотворение молодой поэтессы, вошедшее в один из сборников.

ИРИНА МАЦИГУРА

Жду

Пришло и к моему гнезду...
Пришло и встало у крылечка.
Я превратилась в слово ЖДУ,
Такое горькое словечко.
На полке замерли часы,
А в доме тихо, как в музее...
А ты у лесополосы
Лежишь в пристрелянной траншее.
Такую лялочку тяну,
Не разорваться бы на части.
Сейчас у мира на кону
Моё заплаканное счастье.
Моя вселенная теперь —
Пустое кресло у торшера,
А эта скрипнувшая дверь —
Моя единственная вера.
Из крана капает вода,
Всю ночь идёт программа «Вести»...
Из разных цифр навсегда
Я запрещаю цифру двести!
Дождусь черёмухи в меду,
Для встречи выберу обнови...
Я превратилась в слово ЖДУ,
Моё молитвенное слово.

19 марта 2022

Прочитал и собственные стихи. В них открылся богатый мир современного лирика, остро чувствующего драматизм времени. Это и «Донбасс 2014», уже услышанный в эти дни иркутянами, и «Звёзд ледяных над городом кочевье», и «Ходишь по краю...», и «Ночью проснулся от крика...» —

Ночью проснулся от крика,
Мучило: был он иль нет?
Лишь перевозданно
И дико
Лунный колышется свет.

Свет неземного накала
В небе, на белой стене.
Ты ли меня окликала,
Или почудилось мне?
.....
Между былым и грядущим
Не отыскать рубежа,
В непостижимом и сущем
Вновь заплутала душа.

Будущие учителя-словесники задавали вопросы о судьбе, о начале поэтического пути, о роли вдохновения, и получили ответы, которые им наверняка запомнятся и пригодятся в жизни.

Темой выступления Владимира Максимова, чьи произведения, как в прозе, так и в поэзии, адресованы молодому читателю, стала роль литературы и место писателя в современном противоречивом мире. Он постарался доказать, что и то и другое всегда влияло и продолжает влиять на мировоззрение и душу человека.

* * *

В Иркутской православной женской гимназии поэта **Григория Вихрова** встретили ученицы средних классов. После того, как он прочитал своё стихотворение «М.Ю. Лермонтову», они с интересом выслушали его рассказ о великом русском поэте, чья судьба начиная с детства была связана с Кавказом, куда бабушка привозила его на целебные воды. Узнали о свойственной ему воинской отваге, влиянии духа Кавказа, воплощённого в образе горного орла.

Говоря о себе, Вихров вспоминал иркутскую юность, учёбу на историческом факультете ИГУ, чтение в ту пору писем Григория Богослова к Василию Великому, знакомство с Валентином Распутиным, когда, будучи комсомольским секретарём лесотехнического техникума, пришёл к нему домой, чтобы пригласить на выступление перед студентами.

Обращаясь к нашим дням, поделился своим видением событий: идёт битва не только за земли, но и за право говорить на русском языке. Хранить родной язык необходимо! «Не говори красиво» — привёл поэт слова И.С. Тургенева и сделал поправку:

— Нет, надо говорить красиво и высоко, когда требует время!

В подтверждение были прочитано стихотворение «Пока в пробитом котелке не порыжел кулеш...», вот отрывок из него:

.....
Сходились раз — сойдёмся два.
Булат сожжёт булат.
И я заплачу на заре о мирном марш-броске.
И снова прадед мне кричит:
— Не покоряйся, брат!
Вся жизнь — на русском языке!
Шелковом волоске!
.....

И ещё один — из «Последнего кузнечика великого лета»:

Последний кузнечик великого лета
Бессленно чудит на груди у поэта.
На сердце возляжет, под локоть прыгнёт.
Последний кузнечик о счастье поёт.
Пусть некому счастья отдать, отрешиться
От жизни безумной!
Лишь можно лишиться
Великого лета, просторной груди...

Кузнечик, под утро меня разбуди.
Сыграй, бедолага, проснись, дорогой!
И с дивною скрипкой пляши под рукой.
Открыта ладонь, и пять пальцев — рабы
Завещанной и бескорыстной судьбы.

.....

Из новых стихов прозвучали: «Мой ангел», «Псалтирь», «Ладанка», «Милый озорник». В завершение поэт ответил на вопросы, волнующие юных слушателей.

* * *

В этот же день писатели побывали в Усолье-Сибирском, откуда пришёл отзыв о прошедших встречах.

«Сияние России» — 2022 на Усольской земле

28 сентября в рамках Дней русской духовности и культуры в Центральной городской библиотеке прошла встреча читателей Усолья-Сибирского с Виктором Кирюшиным — поэтом, переводчиком, эссеистом, членом Союза писателей и Союза журналистов России, лауреатом нескольких литературных премий (Москва).

На встрече присутствовали школьники старших классов, слушатели Высшей народной школы, городские литераторы. Они с интересом знакомились с творчеством талантливого поэта. В своих стихах он пишет о сокровенном:

«Голубые крылышки стрекоз
Мне всех чудес немислимых дороже...»

«Рябины стынущий рубин
Под вьюгой нервною...»

«Как память прихотлива и мудра:
Нам возвращает только то, что хочет...»

Любознательные усольчане спрашивали гостя о многом: о том, как пишутся стихи, кому из российских авторов он отдаёт предпочтение, что думает о современной литературе, семейных ценностях, чтении книг и значении библиотек, о непростом времени, в котором мы живем, и о патриотизме. На каждый вопрос был получен исчерпывающий ответ. Поэт советовал с большой осторожностью относиться к информации из интернета и ТВ, размышлять, отбрасывая ненужное, и заниматься самообразованием. В заключение поделился смешными строчками произведений начинающих поэтов из своей коллекции курьезов и прочел строки стихов, которые запомнятся: *«Я люблю, чтоб небо в синем и чтоб в поле васильки...»*. Они близки сердцу многих.

Встреча в читальном зале библиотеки стала настоящим подарком для любителей литературы нашего города. Большое спасибо Виктору Федоровичу Кирюшину, Иркутскому Дому литераторов и Центральной городской библиотеке за её организацию.

29 сентября «Сияние России» продолжилось приездом в наш город Анатолия Байбородина, российского прозаика, лауреата Большой литературной премии

России, члена Союза писателей России. Встреча с ним прошла в филиале № 6 ЦБС. Были представлены новые книги писателя последних лет: «Русский месяцеслов», «Слово о роде и народе», «Сокровища Сибири», роман «Боже мой», за который автор получил всероссийскую литературную премию имени Н. Лескова, а книги «Слово о роде и народе» и «Сокровища Сибири» выдвинуты в этом году на Губернаторскую премию.

Анатолий Григорьевич рассказал о встречах с Распутиным, Астафьевым и другими писателями, о новых работах, о необходимости бережного отношения к каждому русскому слову для сохранения национальной русской культуры. Слушатели узнали о «Великом сыне России» — генерал-губернаторе Николае Муравьеве-Амурском и о значении его деятельности для Сибири и Дальнего Востока.

Работники библиотеки подготовили инсценировку отрывка из романа «Боже мой». Состоялся и непростой разговор автора книг с читателями. Были подняты темы воспитания патриотизма у молодежи, сохранения русской культуры, православия, судьбы защитников нашей страны. Эта встреча, по слову усольского поэта Елены Щербиной, помогла «яснее понять чуда книжного силу...» Задушевные песни в исполнении Елены Козявиной отлично дополнили общение читателей с талантливым прозаиком.

Большое спасибо организаторам этой встречи! Подобные ей необходимы в наше сложное время.

*Инна Коноплева, руководитель
Усольского городского литобъединения
имени Юрия Аксаментова
Усольская городская газета. 2022. 6 окт. С. 13*

Из хроники Юрия Харлашкина

ПЯТЫЙ ДЕНЬ, 29 сентября

Программа «Сияния России» набирает ход в Иркутске и районах области. Плотный график выступлений — отличительная черта этого года!

8.45. Библиотека с. Пивовариха: выступают поэты Виктор Кирюшин, Григорий Вихров (Москва) и председатель ИРО СПР Юрий Баранов; 10.30 в Гуманитарном центре-библиотеке им. семьи Полевых — Игорь Шумейко (Москва) и Владимир Скиф (Иркутск); 11.00 в Областной юношеской библиотеке им. И. Уткина — Аркадий Елфимов (Тобольск). 13.50 в ЦГБ им. А.В. Потаниной — Григорий Вихров (Москва) и Владимир Скиф (Иркутск); 14.15 в Иркутском филиале ВГИК — Игорь Шумейко (Москва) и Юрий Баранов (Иркутск); 14.30 в «Иннокентьевской библиотеке», филиал № 5 ЦБС — Виктор Кирюшин (Москва) и Юрий Харлашкин (Иркутск); 16.00 в Отделе Иркутского краеведческого музея им. Муравьева-Амурского «Музей В.Г. Распутина» — Аркадий Елфимов (Тобольск).

17.00. Шелеховская межпоселенческая центральная библиотека — прозаики Максим Живетьев и Владимир Максимов (Иркутск), поэт Григорий Вихров (Москва).

18.00–19.00 в Иркутском Доме литераторов им. П.П. Петрова — мастер-класс Виктора Кирюшина (Москва) для молодых иркутских поэтов.

Творческие встречи в дни праздника провели также члены ИРО Союза писателей России Василий Забелло (Иркутский, Слюдянский районы), Виктор Балыков (Ангарск, Иркутск), Василий Скробот (Братск); представители других писательских союзов — Артём Морс, Татьяна Ясникова (Иркутск).

Отзыв из Гуманитарного центра-библиотеки им. семьи Полевых

В последние годы Василий Козлов стал появляться в стенах Гуманитарного центра чаще вместе с собратьями по перу. В нынешние Дни «Сияния России» в центре внимания наконец оказалось исключительно творчество уважаемого писателя, отметившего недавно 75-летие, в течение четверти века возглавлявшего журнал «Сибирь» и давшего «зелёный свет» дебютным изданиям тех, кто делал первые шаги в литературе.

Большой радостью для книголюбов стал выход в свет двух книг В. Козлова — поэтической «Гончарный круг» (2021) и публицистической «Рядом с Распутиным» (2022). В книгу «Гончарный круг» вошли стихи разных лет, многие из которых прозвучали на вечере в авторском исполнении.

— С годами понимаешь, что не такое уж важное само по себе занятие — поэзия, — заметил автор. — Гораздо важнее то чувство, вернее, предчувствие какой-то тайны, какого-то удивительного сочетания слов, рождающих чудо. Я всё-таки поэзию люблю больше. Вообще иркутская поэзия, она не такая богатая. Понятно, почему: вся культура сосредоточена в центре — Санкт-Петербург, Москва, она обогащалась тем, что наши поэты, прозаики уезжали туда, чтобы громче о себе заявить. Валентин Григорьевич не мог без родины, потому что здесь его душа, но не мог и без Москвы, потому что там центр жизни! Из серьёзных авторов, иркутских, мои поэты — это Ростислав Филиппов, Анатолий Горбунов и Татьяна Суровцева... Остальное идёт уже больше начётничество, потому что нет уже той внутренней глубинной сути, которая определяет и Пушкина, и Лермонтова, и Есенина... Из молодых я хотел бы назвать Андрея Антипина — он замечательный прозаик, удивительный лирик, его знают и в нашей стране, и за рубежом, его публикуют журналы, приглашают на книжные ярмарки. Это единственный русский писатель классического наследия, кто сохранил в своём творчестве русский язык не в его этнографической причудливости, а язык народный, которым простой человек говорит!

Член Союза писателей России Марина Яковенко, известная маленьким читателям как Мария Артемьева, собственно, и предстала на двух встречах для разной аудитории в обеих ипостасях. На встречу с третьеклассниками школы № 55 она принесла не меньше десятка новеньких экземпляров книг детских стихов, и, как всегда, раздала их ребятам. Затем был проведён конкурс весёлых разминок и загадок по страницам сборников «Как готовит пчелка мед», «Ай да кошка!», «На завалинке». Некоторые из 3 «г» рассказали, что тоже сочиняют необычные истории, как в своё время ученица хомутовской школы Маша Артемьева.

— Обязательно пишите, — подбодрила Марина Игнатьевна. — Пробуйте! А вдруг вы — писатель настоящий? Лучше, чем кто-либо был до вас?..

У М. Артемьевой на выходе книга для детей «Как растёт хлеб». В планах, вслед за ней, — «Ветер играет на флейте»...

На следующий день писательница встретила со взрослыми читателями. Многие впервые открыли для себя глубину её лирических стихов из книг «Цветы морозом схвачены», «Поклон тебе, родная Русь!», «Молодое вино листопада», «Шафраны».

Во встрече с девятиклассниками иркутской гимназии № 2 приняли участие поэт, секретарь правления Союза писателей России, советник губернатора Иркутской области по культуре Владимир Скиф и известный российский прозаик и публицист Игорь Шумейко. В. Скиф рассказал о своём новом двухтомнике статей и очерков «Вехи времени» и представил московского гостя, начав с того, что И. Шумейко — один из первых отечественных авторов, кто ввёл в оборот слово «перезагрузка»:

— Запомните! Это потом уже оно вошло в обиход, а прозвучало в названии его книги: «Вторая мировая. Перегрузка».

Однако И. Шумейко обратился к другой своей книге — «Ближний Дальний Восток. Предчувствие судьбы» (Вече, 2012), вернувшись к тому времени, когда впервые побывал в Иркутске.

— Как и многое хорошее для людей, импульс к созданию книги мне дал светлой памяти Валентин Григорьевич Распутин, — вспоминал писатель. — В 2010 году я по его приглашению принял участие в «Сиянии России», потом поездом прокатился на Дальний Восток. И наши последующие беседы с Валентином Григорьевичем о роли Сибири и Дальнего Востока в судьбе России составили, в общем-то, содержание книги «Ближний Дальний Восток». Этой темой удалось увлечь известного российского режиссёра Владимира Хотиненко, он снял двухсерийный фильм, который шёл под таким же названием в 2012 по телеканалу «Россия». Эта лента о том, что земли за Уралом — это не просто опора России, это то, что обеспечивает сущность России, нашу евразийскую миссию. Об этом же рассказывает и моя книга.

«Спасибо вам огромное! Отличная, очень интересная встреча. Очень познавательный материал. Для детей актуально!» — такую запись в «Книге отзывов» оставила социальный педагог гимназии № 2 А. Зубкова.

*Оксана Запольская,
сотрудник Гуманитарного центра-
библиотеки им. семьи Полевых*

Из хроники Юрия Харлашкина

ШЕСТОЙ И СЕДЬМОЙ ДНИ 30 сентября — 1 октября

30 сентября состоялись традиционные выезды гостей праздника в Качутский и Усть-Удинский районы.

Качутский район посетили гости «Сияния России», литераторы Виктор Кирюшин и Игорь Шумейко, а также директор Иркутского Дома литераторов Юрий Баранов, писатели Максим Живетьев и Рада Черноусова. В Культурно-просветительском центре им. свт. Иннокентия (Вениаминова), расположенном на родине просветителя в п. Анга, для гостей провели подробную экскурсию, рассказали о его жизни и деятельности. Интересным оказалось и посещение берега р. Лены, в верховьях полноводная река ещё не так могуча. После экскурсии в Доме культу-

ры п. Качуг состоялся концерт, в котором приняли участие местные музыкальные коллективы и приезжие литераторы.

В Усть-Удинский район на малую родину Валентина Григорьевича Распутина отправились гости праздника поэт Григорий Вихров, певица Татьяна Семушина, заместитель директора Иркутского Дома литераторов Светлана Зубакова, прозаик Юрий Харлашкин, директор Иркутского областного краеведческого музея Сергей Ступин и фотохудожник Анатолий Бызов. На паромной переправе гостей встретили хлебом-солью, после чего провели экскурсию по посёлку: показали храм и новую модельную библиотеку. В Доме культуры выступили иркутские поэты и московские гости. Директор Иркутского областного краеведческого музея Сергей Ступин и фотохудожник Анатолий Бызов презентовали фотовыставку музея и фотоальбом «Открытое слово», включающий в себя фрагменты из произведений В.Г. Распутина и его переписки с известным критиком В.Я. Курбатовым, а также интервью писателя. Закончился вечер концертом Татьяны Семушиной, поразившей усть-удинцев своим певческим талантом.

1 октября гости «Сияния России» посетили озеро Байкал, возложили цветы к памятному знаку на месте гибели Александра Вампилова и ознакомились с богатыми экспозициями Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

Завершая хронику событий, Юрий Харлашкин подвёл итог:

— Такого плотного графика у «Сияния России» не было давно — более 150 мероприятий! А запомнились эти осенние дни читателям, зрителям, слушателям, гостям — ощущением тепла и единения, что сегодня особенно всем нам необходимо.

«Услышь мелодию строки» — 2022

Услышь мелодию строки, звучащей тихо или громко,
Где шепот леса, песнь реки, рожок, агуканье ребенка!
Читай и слушай те слова, запрятанные в суть куплетов,
И закружится голова от песен, спетых и не спетых...

Виктория Савина

Таково название литературно-музыкального фестиваля, который 15 октября прошел в нашем городе во второй раз и собрал участников из пяти городов Иркутской области. Его организаторы: Усольское городское литературное объединение имени Юрия Аксаментова, Усольский историко-краеведческий музей и городской Совет ветеранов при поддержке отдела культуры Управления по социально-культурным вопросам Усоляя-Сибирского.

При подготовке среди поэтов литературного объединения был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, в котором обязательно должна была звучать фраза: «Услышь мелодию строки». В нем победила Виктория Савина. Ее стихотворение открыло праздник, объединивший сибирские города Ангарск, Братск, Свирск, Черемхово и Усолье. Он стал завершающим аккордом Дней русской духовности и культуры «Сияние России» в нашем городе. Ведущие Виктория Савина и Анатолий Андреев умело руководили этим ярким калейдоскопом музыкальных композиций, где всё было своим, местным: и стихи, и музыка, и исполнители.

В качестве подарка от Усоляя-Сибирского начало программы ознаменовалось «Песней о родном городе», слова и музыку для которой написала Ираида Полякова, в исполнении Елены Козявиной, выступление хора «Русская душа» (руководитель Валерий Шипицын) и вокальной группы «Рябинушка» (руководитель Владимир Полковников), исполнившие песни на слова и музыку руководителей этих коллективов.

Команду Ангарска представила Надежда Бухарова — поэт, композитор и аранжировщик. Она исполнила несколько песен на свои стихи, стихи Раисы Гавриловой и Инны Коноплевой. Выступление ангарчан продолжила Елена Блинова — поэт, руководитель художественно-литературно-музыкального клуба «Трилистник», с которым усольские литераторы дружат более десяти лет. В ее исполнении прозвучала песня «Незабудки» на стихи Валерия Храмова и песня на стихи Ирины Апарченко из цикла «Имя мое — женщина» в исполнении Надежды Сычевой. С авторской песней про клюкву выступил дуэт из ДК «Современник» Надежды Ёлкиной и Александра Бобылева.

Время для каждой группы было лимитировано, но нашлось несколько минут, чтобы усольский дуэт «Ностальжи» — Татьяна Володина и Анатолий Маринич — исполнил песню «О дружбе», и зрители с удовольствием подпевали: «Давай пожмем друг другу руки...»

Ангарчан сменила литературно-музыкальная группа из Братска. Из-за большого расстояния между нашими городами мы встречаемся редко, хотя иногда попадаем в один переплет городских и областных сборников и альманахов. Общаемся в основном на сайтах Интернета. Нашими друзьями из «Литературного братства» стали Зинаида Мирских, Ольга Кочурова, Александра Фёдорова, Игорь Щелканов.

Романтичный образ был создан Ольгой Кочуровой — автором стихов и музыки, она же — исполнительница музыкальных композиций под аккомпанемент гитары. Прозвучали авторские песни Александры Фёдоровой под аккомпанемент гитары Игоря Щелканова, известного музыканта, композитора и поэта города Братска. Фестивальную тему отлично поддержал «Фестивальный вальс», а песня «Три сестры» в это непростое время для нашей страны задела струны души каждого участника. Невозможно было остаться равнодушными, слушая слова этой песни:

*...Моя Россия. В годы былые
Жизнь разбросала нас по разным местам,
Российские дали. Края родные.
По православным узнаю вас крестам!..*

Александра Федорова и Игорь Щелканов исполнили дуэтом еще несколько песен. Братчане, имеющие множество званий лауреатов, победителей различных конкурсов, отличались высоким профессионализмом исполнения своих произведений.

Небольшую команду из Свирска представила группа «Мозаика» и солисты Анна Горожанкина и Наталья Медведева. Участники, соскучившись по общению с друзьями, радовались каждому исполнителю.

Коллектив из Черемхова был самым многочисленным. Зрители особо выделили Валерию Наумову. Эта хрупкая красивая девушка с сильным голосом, несмотря на недуг, просто околдовала слушателей. По просьбе зрителей Валерия исполнила песню Шамана «Встанем!» — её весь зал слушал стоя. Выступили также вокальная группа в составе — Альбина Шишкина с Еленой и Викторией Нестеровыми, Лариса Беловодченко — исполнительница романсов собственного сочинения, Алла Бумашкина, Ольга Долбышева, Александр Шайфутдинов — под аккомпанемент баяниста Вячеслава Михалева, ученика Валерия Шипицына, руководителя хора «Русская душа».

Закончился фестиваль выступлением хозяев-усольчан — Льва Каргопольцева, Николая Бронникова, Татьяны Володиной, Елены Зябловой — сочинителей текстов и музыки, а также дуэта Елены Козявиной и Анатолия Андреева. Были исполнены песни на слова Лидии Вольнец, Валентины Астапенко, Валерия Туровца, Виктории Савиной, Анатолия Андреева.

В течение всего фестивального действия за музыкальным сопровождением следил Анатолий Маринич.

*Инна Коноплёва, руководитель
Усольского городского литературного объединения
имени Юрия Аксаментова*

*«Услышь мелодию строки...» // Усольская
городская газета. 2022. 29 окт. С. 13 (в сокращении)*

Сибирские дары в Библиотеке Администрации Президента

Три особые книги недавно встали на полки библиотеки, тоже особенной по статусу, уникальному собранию раритетов, образцов книжного искусства.

Единство места и действия

Представляя историю, культуру России разных эпох, эти книги объединены «единством места и действия». Место в широком смысле — Сибирь. В более узком — Тобольск, когда-то столица гигантской губернии от Урала до Аляски. Единство действия — задуманные, исполненные фондом «Возрождение Тобольска», они вышли на уровень шедевра искусства, оставаясь не украшениями, а собственными книгами, объектами захватывающего чтения.

Уникальные по оформлению, качеству полиграфии, самой идее создания, они — важная часть собрания библиотеки. Такие раритеты ещё и престиж, лицо государства. Их дарят, принимают в дар во время визитов, встреч на высших уровнях. Сотрудники библиотеки «по должности» — знатоки этого рода искусства, потому и пригласили к себе на Старую площадь творцов сибирского дара и специалистов: художников Василия Валериуса, Юрия Ноздрина, составителя Евгению Вишневу, президента Ассоциации книгоиздателей Константина Чеченева и главу фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Елфимова.

Пройдя вместе с ними, послушав рассказы сотрудников, я подумал, сколь огромное число издательств хотело бы представить, водрузить свои книги на эти полки, и хорошо представил критерии строгого отбора. Итак, оглядим сибирские раритеты.

Евангелие Достоевского

Это факсимиле личного экземпляра Нового Завета и подробное описание отражений евангельского Слова в текстах Достоевского. Выполнено достоеведами с мировым именем В.Н. Захаровым, Б.Н. Тихомировым и главным хранителем, исследователем книжных сокровищ Российской государственной библиотеки В.Ф. Молчановым.

Трагедия, сравнимая со смертным приговором, отменённым за минуту до исполнения: лишение узника Достоевского возможности записать хоть что-то из громадного потока впечатлений, мыслей, обуревавших его четыре года. Ни карандаша, ни малейшего клочка бумаги! Его дневником, писательской записной книжкой стало Евангелие, подаренное в тобольском остроге жёнами ссыльных декабристов Натальей Фонвизиной и Прасковьей Анненковой. Четыре года он фиксировал мысли, образы, находя схожие в Евангелии, отмечая подчёркиванием ногтя, загибанием уголков страниц.

«В этой книге есть всё!» — выстраданное убеждение подтвердилось у Достоевского буквально. Наталья Фонвизина, жена каторжника, смогла припрятать в переплёте несколько денежных купюр. Так «вымоленное» у зрителя тобольской тюрьмы свидание декабристок с петрашевцем и переданная книга повлияли на историю мировой литературы.

Богатейшие по чувствам, раздумьям годы создали Достоевского, что ныне известен всему миру. В «Дневнике писателя» он вспоминал: «Евангелие, единственная книга, позволенная в остроге, четыре года пролежала под моей подушкой в каторге. Иногда я читал её другим. По ней выучил читать одного каторжного». Строки из хранимой всю жизнь книги Анна Григорьевна читала Фёдору Михайловичу в последний день его жизни.

Вот на какую работу решился фонд «Возрождение Тобольска»: раскрыть миру тайный дневник. Воспроизвести, прокомментировать те отчерки ногтем, загибы, двойные загибы страниц. Их более 1 400!

Президент Международного общества Достоевского Владимир Захаров ещё в советские годы случайно обратил внимание на почти стёртые отметки. Результаты лазерной экспертизы вошли в научную монографию. Художник Василий Валериус придумал, как передать отметки аутентично, но отчётливей, удобней для читателей.

Три тома заключены в деревянный короб — «каторжный вагон», символизируя обстановку душевных страданий, житейской неустроенности писателя на каторге. Зарешёченные окна и щеколда вместо привычной застёжки.

А.П. Чехов. Остров Сахалин

Над «Островом Сахалин» Чехов трудился пять лет, правил газетные, затем книжные гранки. «Сколько было зачёркнуто, ушло в небытие слов, предложений, абзацев!» — на это восклицание литературоведов издание фонда даёт вполне конкретный, точный ответ: «10 процентов». Столько в итоге было вычеркнуто, сокращено автором не только «Сахалина», но и знаменитого афоризма «Краткость — сестра таланта!»

Составитель Евгения Вишневская во вступительной статье перечисляет: «авторские зачёркивания, пометы, угасший текст, следы бытования, последующие подчистки могут в значительной мере обогатить представления о творчестве писателя».

Но получается, это возвращено против авторской воли? Вопрос сложный. Недавно роман Набокова опубликован против его воли, да и «Лолиту» он велел было сжечь.

Тут кажется, ключевое слово «вечность», недаром упомянутое в титуле вводной статьи Молчанова «Путешествие, продолжающееся в вечность». Прикосновение к ней меняет многие жизненные обстоятельства, правила. И булгаковское «рукописи не горят» здесь продолжено «... и не вымарываются!»

Писатель тратит душевные силы (Чехов в этой экспедиции бесповоротно угробил и свои физические) ради результата, но издание тоболяков восстановило ещё и процесс. Просветив (в буквальном смысле новейшими оптико-электронными приборами) рукопись, автора текста превратили в персонаж «гипертекста».

Следующий их шаг: анализ известных и закадровых мотивов, бросивших Антона Павловича в эту физически пагубную экспедицию на раскисшую в семь тысяч вёрст дорогу со «смит-вессоном под кожаным пальто» и в вечно мокрых валенках. Чехов провёл на «острове-каторге» перепись населения, составил десять тысяч статистических карточек, собрал море документального материала о труде, быте сахалинских каторжников, чиновниках. Состояние тюрем, туалетов, карцеров, кухонь, кандалных, практика телесных наказаний, уровень сахалинского сельского хозяйства, угледобыч, рыбных ловель, экономика, санитария и ан-

тисанитария и самое главное — душевный мир людей, всё исследовано с высшей научной и гражданской добросовестностью.

Поездка буквально разорила Чехова, вновь поставив его перед необходимостью тяжёлой литературной подёнщины: «Я истратил на поездку и работу столько денег и времени, сколько не получу назад и в десять лет».

Но... популярное определение: «На Сахалин отправился Антоша Чехонте, а вернулся писатель Антон Чехов». До сахалинской поездки Чехов — автор преимущественно юмористических рассказов, долго и бесплодно мучился над «романом в 1 500 строк», о провале которого писал Суворину: «Кроме изобилия материала и таланта, нужно ещё кое-что, нужно чувство собственной свободы». Чехов после Сахалина — автор «Дуэли», «Палаты № 6» и «чеховских пьес», сделавших его самым популярным драматургом мира: «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишнёвый сад».

Хотя ни в одном из произведений нового, обрётённого уровня нет и следа сахалинской фактуры, каторжников, надсмотрщиков. Не с «острова-тюрьмы» стремятся «в Москву, в Москву!» три сестры... Погружение вглубь народной жизни, страдания — вот что дало Чехову новый импульс душевной работы, вдохновение и свободу. «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки «Крейцера соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой» (из письма Чехова)... Впрочем, к тому периоду и сам Лев Николаевич публично на весь мир аттестовал свою «Крейцерову сонату», а заодно «Войну и мир», «Анну Каренину» если не «бестолковыми» — то потому, что подыскал собственные, гораздо более уничижительные эпитеты... Наши великие словно вглядывались «сквозь магический кристалл» в трагедии предстоящего XX века, и вся либеральная болтовня про «ужасы царизма» вызывала их горькую усмешку.

«Остров Сахалин» немало поспособствовал развитию общественной и государственной жизни на острове. Министерство юстиции командировало на Сахалин своих чиновников. Сахалинский врач Н.С. Лобас: «С лёгкой руки Чехова Сахалин стали посещать русские, иностранные исследователи». Многие журналисты, поехав на Сахалин, выпустили книги: А. Панов («Сахалин как колония»), Влас Дорошевич («Как я попал на Сахалин»), отметил даже француз П. Лаббе («**Остров Сахалин: Путевые впечатления**»). И все начинали работы с признания, что это Чехов пробудил интерес к каторжному острову.

Дорожный чемодан прошлого века, в который уложены два тома «Острова Сахалин», для тобольского издания придумал художник Василий Валериус.

Он, ещё и известный в России театральный художник, оформлявший спектакли во МХАТе, Театре имени Маяковского, Новосибирском театре оперы и балета, а ныне — главный художник Театрального центра «Вишневый сад». Отмечая успех его спектаклей, рецензенты называли его: «архитектор театрального пространства, строитель новых сценических форм». Возможно в этом секрет их многолетнего взаимопонимания с Аркадием Елфимовым: ведь глава фонда «Возрождение Тобольска» — ранее строитель в самом буквальном смысле, создатель жилых кварталов, важнейших зданий современного Тобольска.

«Хорографическая книга Сибири» Семёна Ремезова

...оказалась в Библиотеке Администрации Президента (АП) на самом удивительном вираже истории. Рассказ о сибирском гении Ремезове, в честь которого в 2021 году назвали аэропорт Тобольска, начать следует с одной известной цитаты из Салтыкова-Щедрина:

— Почему всё ж не русские изобрели порох?

— Так ить приказа не было!

В этой усмешке Щедрина, радостно подхваченной фольклором, сидит пружинка: «Но если прикажут, у нас...» Так вот, Семён Ульянович Ремезов (1642 — около 1720) из числа получивших приказ. И если просуммировать все отданные (и успешно исполненные) приказы, получится: ему было велено стать просто русским Леонардо да Винчи, гением десятка направлений. Причём приказывал самый известный наш монарх, держатель мощного средства воздействия (см. «петровская дубинка»).

Википедия, справочники, перечисляя: русский энциклопедист, картограф, архитектор, строитель, историк, художник, писатель, доходят едва до середины его «резюме». Ведь ещё Ремезов — артиллерийский конструктор, налоговый чиновник, геолог, дипломат, военачальник (правда, небольшого ранга). В истории более известен как картограф, составитель уникальных атласов, самых ценных памятников русской картографии: «Чертёжная книга Сибири», «Служебная книга Сибири», «Хорографическая книга Сибири». «Хорография» — греческий термин, означающий описание отдельной страны, местности. Ближайший аналог — страноведение.

Семён Ремезов, сын стрелецкого сотника, начал службу в 1668 году казаком в Ишимском острожке. За усердие в 1682 году получает звание «сына боярского», переводится в Тобольск. Участвовал в отражении набегов «немирных» племён, собирал ясак, основывал новые сёла, переписывал население, в общем, «осваивал Сибирь». Подошло время правильного, каменного строительства — он находит известь, глину, налаживает первое в Сибири кирпичное производство, составляет чертежи каменных укреплений, зданий города, стоящих и поныне: Тобольский кремль, Приказная палата, Гостиный двор, Петропавловская церковь. Перестали быть терпимы вечные городские пожары, и Ремезов разрабатывает типовой образцовый проект каменного дома для частной застройки. Приказано ставить казённый Каменный завод, и он составляет полный его проект, от плотин с водяными колёсами, доменного горна до конструкций (!) производимых на нём артиллерийских орудий и ядер. Отыскивает «селитряные земли» (геолог!), ставит пороховой завод.

А ещё и при участии в военных походах, успешных дипломатических переговорах с тайшами (сибирскими вождями, князьями) Семён Ремезов сам себя считал (ну точно — Леонардо!) — изографом, сиречь иконописцем, художником. Жалованье Ремезова, не считая вознаграждений «за особые службы», семь (к 1697 году поднялось до одиннадцати) рублей, семь четей ржи, семь четей овса и два пуда соли — в год.

Но в этой апологии «Леонардо по приказу» Ремезов имел широкие научные интересы. Наезжая в Москву со своим отцом Ульяном, Ремезов вёл сложные диспуты с Яковом Брюсом, наверно, в знаменитой Сухаревой башне. Запись в «Служебной книге»: «Иаков-звездочет англичанин, что под тою вершиною света собрание вод, островов и земель вкупе, яко, по его слову, опрокинути земля ниц». Речь идёт о важнейшей проблеме астрономии, географии той эпохи, что равномерность вращения Земли, «не опрокидывание» — обеспечено тем, что масса суши Северного полушария уравновешена такой же неизвестной пока сушей Южного полушария...

Шедевр картографического искусства, «Хорографическая книга Сибири», со-

ставлена Семёном Ремезовым в 1697 году, содержит бесценные сведения по этнографии, истории, экономике Сибири. Упорно пополнялась им с сыновьями Леонтием, Семёном, Иваном до 1711-го... Из предисловия: «сия херографская чертежная книга сочинена царским повелением недалече от свободных наук». Одним из первых Ремезов ввёл унифицированные условные обозначения на легендах карт.

Царь Пётр заказал полный Атлас России всё-таки европейским картографам, но ремезовский чертёж любил, можно сказать, эстетически. Камчатная (тканная) копия нескольких ремезовских чертежей была у него под подушкой в буквальном смысле. В метаниях от Лондона, Парижа до Персии он не успел заглянуть в Сибирь, но пиетет пред провинцией — бездонной кладовой, финансировавшей все «петровские реформы», выражал в долгом разглядывании ремезовского чертежа. С «чертежа» снимали копии, в том числе для академика Миллера, всегда подчёркивавшего ценность работ Ремезова. В начале XX века «Хорографическая книга» — в коллекции графа Воронцова-Дашкова, с ней работал историк Л.С. Багров. В Гражданскую войну она исчезла. Постоянная историко-археографическая комиссия АН СССР вела интенсивные поиски. А в 1958 году «Хорографическая книга» вдруг издаётся в Амстердаме. Скорее всего, эмигрируя, её прихватил Багров. Несмотря на низкое полиграфическое качество, часть амстердамского тиража куплена СССР и стала важнейшим источником по истории Сибири, российской картографии.

Фонд «Возрождение Тобольска» счёл делом чести издание на русском языке книги знаменитого земляка. Оригинал, как выяснили, с 1956 года хранится в Гуфтоновской библиотеке (Houghton Library) Гарвардского университета. Двенадцать лет переговоров с Гарвардом. Не помогли ни значительные (для тоболяков) собранные денежные средства, ни ходатайства известного земляка, президента РАН Юрия Осипова. Но случай... Молодой американский историк приехал работать в Тобольский архив и, оценив добрую сибирскую открытость, помощь в работе, вернувшись в США, развил бурную деятельность, познакомил Елфимова с нужными людьми, и сделка, наконец, состоялась. За сумму в эквиваленте более полумиллиона рублей гарвардцы отреставрировали книгу и передали фонду её цифровые копии.

Началась работа учёных Государственного исторического музея, и в 2011 году «Хорографическая книга» была издана, а в 2020 году вместе с «Евангелием Достоевского», «Островом Сахалин» подарена Библиотеке АП.

Руководитель фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов: книга на Руси пользовалась величайшим уважением, её хранили как величайшую ценность, берегли, как самое дорогое, от войн, разорений, пожаров, наводнений, её передавали из поколения в поколение, и точно так же было в Советском Союзе, который, напомним, был самой читающей страной в мире.

Посещение библиотеки

Создатели, наведя свои тобольские шедевры и пользуясь редким случаем, осмотрели ещё и «романовский (царский)» и «советский» залы библиотеки.

В экспозиции к грядущему столетию СССР — экземпляр Проекта Конституции СССР, который выдавали делегатам съезда. Напечатан на языках народов СССР, поля на половину страницы для поправок и дополнений... Первое Собрание сочинений Ленина, ещё с псевдонимом «Н. Ленин». Первое и единственное Собрание сочинений Сталина, оборвавшееся на 13-м томе. Рядом тома 14-й и 15-й —

внешне неотличимы, но на титульной обложке наклейка: «Не выдавать. Макет». Их готовили уже после кончины Иосифа Виссарионовича, но... Хрущёв, доклад «О культуре личности и его последствиях»... понятно.

В стаканчике настольного письменного прибора синий и красный карандаши Сталина, знаменитые по многим историческим резолюциям, пометкам на углах документов. Подтверждая их аутентичность — рядом книга Каменева «Две партии» 1924 года с замечанием, написанным этим карандашом. Четыре строки узнаваемого почерка, подпись «И.Ст.».

Много брошюр внутреннего пользования. «Список старых большевиков» — как раз по ходу его составления в сей важнейший реестр был включён Микоян. Альбомы «Москва на реконструкции» Родченко, рядом стол с табличкой «тов. Суслов М.А.». Зал великолепно передаёт строгую, «мобилизационную» эстетику периода СССР, а его соседство с комнатой, где расставлены тобольские издания, представляющие царскую, императорскую Россию, — рождает чувство единой и великой истории.

2022

МАРГАРИТА КАРАНОВА

Их песни допоят байкальские метели

О книге Т.Г. Бусаргиной,
ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ

Книга воспоминаний и очерков Тамары Георгиевны Бусаргиной «Их песни допоят байкальские метели» — не только эстетическое и животворящее явление высокого художественного уровня о литераторах и художниках Сибири, олицетворяющих ее высочайший уровень культуры. Это еще одно открытие легендарной Сибири, богатой выдающимися талантами. Сколько их! Прочтешь книгу — и как-то легче на душе становится: не оскудеет земля русская талантами, пока у нас есть Сибирь!

Эта книга, пропитанная воздухом Сибири, шелестящая волнами Байкала, волнуется, будит мысль и, расширяя кругозор читателя, влечет его к дополнительному чтению о том, что рассказано в ней. И читается на одном дыхании! Это не только сплав остросюжетного материала, поданного на «великом и могучем» русском

языке. Это еще и умная литература, предлагающая новое знание — о выдающихся или замечательных творениях литературы и искусства, созданных на Сибирской земле, о судьбах творцов, о творчестве вообще.

А какие характеры! Сколько их! Живые люди, удивительные, своеобразные, ни на кого не похожие, нарисованные так искусно, словно Рембрандт водил рукою живописца. Тамара Георгиевна, жена великого писателя Глеба Пакулова, знала этих людей в неформальной обстановке, на природе или дома, — там, где человек раскрывается в самом главном для литератора: в деталях, в подробностях, то есть — в специфике, особенностях своего характера и бытия. И для каждого она находит точные, интересные слова, и из многих известных ей эпизодов выбирает такие, чтобы и человека красно показал, и повествование оживил, о чем никогда не забывает талантливый литератор и искусствовед Тамара Георгиевна. И нет преувеличения в том, что многие художественные тексты признанных классиков бледнеют в сравнении с этим блистательным коллективным портретом литератур-

ной и художественной среды Иркутска 60-х — 70-х годов прошлого века, с этой литературно-художественной энциклопедией Иркутска. Любая наугад открытая страница, любая затронутая тема, любая творческая личность не оставляют читателя равнодушным.

Обжигающие строки Тамары Бусаргиной о великом драматурге второй половины XX века, потомке бурятского ламы, Александре Вампилове — харизматичном, бурном, азартном, подкупающем своей искренностью и честностью, «ловившем эпоху в слове», избравшем, как отмечает Т.Г., «самый трудный жанр, драматургию, где автору «не спрятаться за описаниями природы и за рассуждениями». Он был рискованным, но ведь он был молодым и так привык к рискам жизни в Сибири, на Байкале, что не обращал внимания «на эти мелочи». Его последний бурный день, свидетелем которого была Тамара Бусаргина, рассказан так пронзительно, что холодные волны штормящего Байкала, случайно перевернутая лодка, оставшиеся до берега четыре метра, которые сердце Саши Вампилова не успело дотянуть, чудо спасения Глеба Пакулова, — всё это навеки врежется в душу читателя.

У выдающегося поэта Владимира Скифа, друга Вампилова, есть большой цикл великолепных стихотворений, посвященных Александру:

*«Как верно, как больно, как точно
Увидел ты жизнь и любовь.
Не зря в тебе с кровью восточной
Слилась святорусская кровь».*

Среди многого другого Тамара Георгиевна поведала о том, что знали немногие, — о переживаниях, выпавших на долю Вампилова в Москве за две недели до трагедии. А там произошла встреча со столичными режиссерами, один из которых («кот Матроскин») не постеснялся осрамить самого себя, разговаривая с «провинцией» отборным матом. Вот такой добродушный и очень либеральный кот Матроскин... Да и другие именитые режиссеры вели себя не более достойно. Молодого драматурга, несмотря на огромный успех за пределами столицы «Старшего сына» и «Утиной охоты», официальная Москва признала лишь после байкальской трагедии; один из режиссеров даже извинился. Случайно или как, но через несколько лет в кинематографе появились, как мне кажется, варианты образа Зилова: герой Янковского в фильме «Полеты во сне и наяву» (1981 г.), герой Буркова в фильме «Отставной козы барабанщик». Отрицательный герой (городской человек) стал заявлять о себе все громче. Фильм Шахназарова «Курьер», пожалуй, из той же серии. Но прорыв в художественном отображении такой правды сделал именно Вампилов; он же подарил драматургии немало новых сюжетных линий. И явилась вечно опаздывающая к русским поэтам и писателям всемирная слава, но, увы, «Он не доплыл четыре метра До жизни, славы и любви» (В. Скиф).

Яркие эпизоды, те или иные подробности жизни, особенности характера выдающихся граждан своего Отечества (просто талантливых людей) всегда интересны нашему читателю. О безликих мещанах читать не интересно, но почему-то писатели, начиная с классиков (особенно Бунин), охотно изображали в своих рассказах заурядных персон, возможно, поучая читателя: «Не будь таким!». Почему они не рассказывали о других, чтобы возгласить: «Будь таким!». К счастью, советская художественная литература обратила внимание на личностей сильных, общественно-полезных, героических. И все же, несмотря на «рождение» настоящих героев, интересней узнавать о реально живущих людях — и огромная благодарность ав-

торам, взявшим на себя труд показать богатство характеров в разнообразии ярких моментов бытия не только выдающихся соотечественников, но и их достойных друзей. В одной только книге «Их песни допоят байкальские метели» Тамара Георгиевна рассказывает о многих и многих! Сколько колоритных участников, детство которых прошло в тяжелое военное и послевоенное время, наложившее печать на их жизнь... Геологи-теоретики, таежники-писатели — с их слабостями, оригинальностями, «разными кондициями желчи»! Чечетка на столе, вода из фонтана, которой Валентин Распутин и Глеб Пакулов запивали водочку! Очарованные поэты, с порога начинающие читать свои стихи, дружба-соперничество Распутина–Вампилова, плодотворная для обоих... Калейдоскоп роскошных характеров, рассказанных так вкусно, выразительно, что видишь их живыми и каждого отдельно, сочувствуя тем, кто не читал эти удивительные «Байкальские метели»...

А вот и штрихи к портрету Глеба Пакулова, бывшего геофизика, мечтавшего с детства стать историком и ставшего выдающимся писателем. Потомок старообрядцев, а оно предполагает характер, который лучше других знает, конечно, боевая подруга, Татьяна Георгиевна: Глеб Иосифович упрям, честен, смел, трудолюбив. Трогательная экзотика описания его быта на байкальской даче: мышка Женья, вздохи лесных лошадей, приходивших в гости хрумкать сено... умные вороны, синички... «Ни за что не сорвет большой и красивый гриб, пока я не полюбуюсь им в его родном, природном окружении!». Но вот переход через болото, где болотная крыса укусила собачку, — это очень страшно... но опасность сопровождает байкальцев постоянно: «Часто приходится плыть куда-то на лодке, а волна может налететь неожиданно. Или две волны — и пловцы оказываются в ущелье между двумя высоченными волнами, и неизвестно, что дальше»...

Выдающееся произведение Глеба Пакулова «Гарь» (2006 г.) о религиозном расколе, о протопопе Аввакуме — исключительно важная веха в русской культуре. Реформы Никона и последующий раскол общества — важнейший, ключевой период в истории нашей страны, определивший ее будущее на столетия, и невероятно схожий с тем, что произошло с Россией в 90-е годы прошлого столетия. Скрамность не позволила Тамаре Георгиевне сделать акцент на гениальности великого творения своего супруга, а гениальность несомненна, причем язык, соответствующий эпохе, — главный элемент, фундамент этой гениальности. Идея — не самое трудное, но крайне сложно и далеко не всем под силу ее претворение — тем более, в историческом романе из далекого прошлого, когда русский язык был и таким и не таким... Наверное, поэтому умные, но современным языком написанные романы Мережковского кажутся не убедительными. Чтобы сотворить «Гарь», надобно было не только досконально знать и чувствовать до мелочей историю семнадцатого века, его быт и обычаи. Надо старинным языком овладеть, чтобы воссоздать дух эпохи, а оно труднее, чем английский зубрить, имея и справочники, и учебники, и репетиторов. Но и этого недостаточно. Тамара Георгиевна поведала о том, как Глеб Иосифович искал решение труднейшей задачи данного замысла — «соотношения в тексте корневого языка и современного, искал гармонию между ними». И ведь нашел! Чтение «Гари» — наслаждение, прежде всего, словом, исконным, природным русским языком, который именно протопоп Аввакум впервые сделал фактом высокого искусства. И этот старинный русский язык Глебу Иосифовичу удалось органично вплести в современный. Ну, например: «Таперя в Соборную иттить надо, так уж то велено... Преподобные! убители!.. И ныне в юзах, елико могу, о том молю Бога моего!.. Тот Собор не в Собор, яко есть и несть!»...

Это была победа!

Но ведь не только это! Вся «Гарь» являет собой блестящее единство формы и содержания, незримое присутствие того «бунташного» времени в нынешнем, в котором феноменальная личность великого протопопы Аввакума расплыта между другими личностями, другого масштаба и колорита.

Каждый читатель будет благодарен автору «Байкальских метелей» за повествование об Олеге Слободчикове, авторе исторических романов о Сибири, книги «Первопроходцы» о подвиге «государевых людей» с крепким государственным стержнем, отчасти — авантюристов, отчасти — романтиков, но непременно таящих в себе дух русского беспокойства (пассионарности), «готовых во что бы то ни стало дойти до конца Великого камня, естественных границ державы Российской». Выдающаяся личность романа «Первопроходцы» Михей Стадухин, реальный персонаж (помимо Дежнёва, Хабарова, Беринга), и Тамара Бусаргина, познавшая сибирский характер во всей его глубине и цельности, убеждена: «Сибирь позволила состояться людям особого, стадухинского замеса. Он и стал основой того характера, который стал сибирским».

Не уставая удивлять разными историями, автор озадачивает впечатлением об известном писательском авторитете, Викторе Астафьеве. Неожиданные взгляды Астафьева, оказавшиеся чуждыми его искренним почитателям, некрасивое поведение в лодке на Байкале с Глебом Пакуловым Татьяна Георгиевна пытается оправдать перенесенным инсультом. Это не убедительно, понеже сумма «либеральных» взглядов месье оказалась системной, логичной, в ней не было симптомов патологии, но она противоречила нашему, сформированному в советское время, представлению о талантливом писателе. Причина неожиданной перемены фундаментального (?) мировоззрения, вероятно, таилась в том, что кто-то из либералов намекнул на возможность присуждения Астафьеву Нобелевской премии... и он оказался слаб. А может, и раньше был таким... Это из серии «Гений и злодейство».

А как отрадно ностальгически вспомнить, вообще, о великолепном преподавании в вузах в советское время! И, в частности, познакомиться с высоким уровнем преподавания на филологическом факультете Иркутского университета! Какие преподаватели были в то время! Какая эрудиция, культура... Тамара Георгиевна приводит, для понимания, пример об изучении старославянского языка: при переводе летописей на современный язык теряется аромат эпохи; понимание, что «хотети» звучит для русского слуха не только приятнее, чем «экономное и некрасивое «захотеть», и что в ритме, музыке слова заключена эпоха» — именно то, о чем волновался Глеб Пакулов, создавая свое бессмертное творение.

Читателю любопытно узнать о существовании «странного места», о шахтерском городе Черемхово, родине трех просиявших драматургов — А. Вампилова, М. Варфоломеева и «самого сибирского» В. Гуркина. «Именно там, в Черемхово, где собрались со всей Руси великой люди кручёной-верчёной судьбы и принесли со всех ее весей жемчужины русского слова, и могли состояться эти драматурги», — рассказывает автор «Байкальских метелей». Из пяти черемховских мужиков трое — бывшие ээки, но вместе с тем — «взаимопомощь, неизбежная доброта к детям». Визитная карточка Владимира Гуркина — сценарий «Любовь и голуби». Узнав из книги Т.Г. о Черемхово как о родине Гуркина, понимаешь коробивший эпизод в фильме: топор, который в праведном гневе схватил сын Кузякина. Если бы автор был родом не из Черемхова, такого эпизода ни за что бы не было!

Читатели рады от души поблагодарить Тамару Георгиевну Бусаргину за те открытия, которые подарены им ее литературным талантом, познаниями, наблюдательностью и, конечно же, трудом; за приобщение к насыщенной и высокой духовной атмосфере Иркутска прошлых лет, за яркое знакомство не только с известными писателями и поэтами Иркутска, но и с другими героями, включая скульпторов и художников. Не хочется закрывать книгу, благодаря которой жил в Сибири, чувствовал ее, дышал воздухом Байкала и словно лично общался с сибиряками. А по поводу исключительно интересной и духовно значимой главы «Художники Иркутска», особенно «Живопись — детям», хотелось бы когда-нибудь отдельно поделиться впечатлениями.

Однако тираж 200 экземпляров — слишком обидно для столь захватывающего чтения.

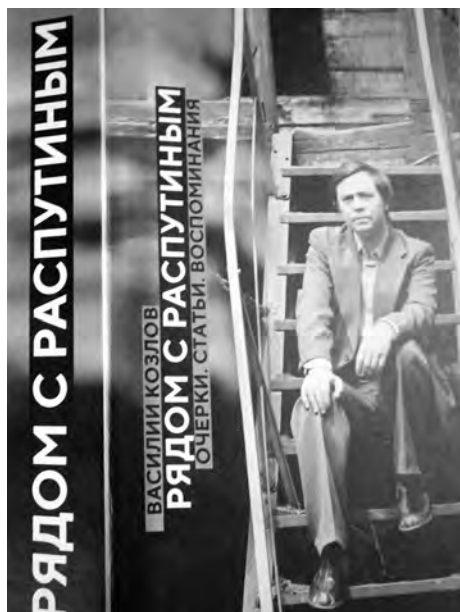
ЭДУАРД АНАШКИН

ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Знамение и знамя

Заметки на полях книги Василия Козлова

«Рядом с Распутиным...»

У каждого из нас свой Распутин. И у читателей, несколько поколений которых выросли на книгах Распутина. И у писателей. А в особенности у писателей-земляков, которые имели счастье общаться с Валентином Григорьевичем лично. Под знаком Распутина целая эпоха... нет, не прошла. А если прошла, то снова пришла, потому что не получается сказать в прошлом времени об эпохе, которая сегодня стала злободневной повседневностью. Смотришь на происходящее, и все чаще приходит на ум великий роман-пророчество «Живи и помни», написанный Валентином Григорьевичем не просто о предателе — это роман о предательстве. Том самом, похоже, неизбежном явлении человеческой цивилизации, на разных этапах

принимавшем различный облик. Вспомним Иуду Искариота, Брута, предавшего Цезаря. И, наконец, Каина и Авеля... Сегодня, во времена специальной военной операции, мы с вами наблюдаем, насколько актуально звучит «Живи и помни», где Распутин беспощадно, но с такой болью сострадания к людям исследует феномен предательства. (Именно роман — по объёму охвата событий и глубине характеров.) Всё происходит на таком высокохудожественном внутреннем накале, что останется навсегда в литературе о войне как пророчество, хотим мы того или нет.

Итак, каждый из нас вправе читать Распутина по-своему, каждый вправе говорить о том, каков «его» Распутин. Уникальность книги современника, земляка, коллеги и друга Распутина — великолепного русского поэта Василия Козлова в том, что эта книга написана с двух ракурсов обзора творчества Валентина Григорьевича. Это как минимум, что видится с первого прочтения. С дальнего расстояния художественного осмысления. И с близкого расстояния дружеских отношений. Какая радость, что эта книга Василия Козлова, новая, еще хранящая на своих страницах запах типографской краски, лежит передо мной. «Рядом с Распутиным. Очерки. Статьи. Воспоминания». Иркутск, 2021. Читается настолько на одном дыхании, страница за страницей, что четко понимаешь — книгу надо будет непременно перечитать.

«Валентин Распутин был знаменитым писателем и в смысле знамения, и в смысле знамени...». С этим утверждением Василия Козлова нельзя не согласиться-

ся! Как и с другим, приведенным в книге, мнением Андрея Антипина: «К Распутину прислушивались, даже когда он молчал...».

Драгоценные свидетельства личных встреч, бесед и впечатления от личности Валентина Распутина обрекают книгу на читательский успех. Тут и воспоминания про истоки творчества классика, как входил он в творческий актив литературного молодежного объединения в Иркутске, которое называлось ТОМ. Тут и упоминания о знаменитом семинаре-совещании молодых писателей в Чите в далеком 1965 году, семинаре, фактически открывшем будущего гения, тогда еще не имевшего ни единой изданной книги. Мне посчастливилось быть на этом семинаре, где мы, собственно, и познакомились с молодым в ту пору Валентином Распутиным... Все это драгоценно, и спасибо Василию Козлову, что донес до читателя не только историю, но и атмосферу вдохновенной приподнятости, которой всегда отмечен приход в литературу значимого писателя-явления...

Это тем более важно, что сам Валентин Григорьевич был скромнен до застенчивости и совсем не любил говорить о себе. Он говорил о спасении Байкала, о недопустимости поворота северных рек, об уничтожении памятников русской истории и старины. О себе говорил мало! А уж его нелюбовь ко всякого рода публичным выступлениям, куда его тем не менее настойчиво и постоянно зывали жаждущие честного писательского слова читатели, и вовсе стала притчей во языцех. Когда после выступления на Братском телевидении в студию звонили читатели и просили к телефону Распутина, он в ответ на слова благодарности отказывался: «За что спасибо? Да я говорить не умею. Язык как деревянный».

Но как удивительно в повестях и очерках Валентина Григорьевича этот «деревянный» язык цвел самоцветьем родного наречия, ласкал и тревожил сердце читателей, щемил душу от светлой и безысходной грусти, наполнял романтическим восторгом при соприкосновении с мощью и красотой сибирской природы... Подумаешь и горько усмехнешься: побольше бы нам таких «деревянных» языков в русской прозе, публицистике, эссеистике!..

Плоть от плоти русской сибирской глубинки, Распутин стал олицетворением истинного патриотизма всей России, и, конечно, работа поневоле обязывала его почаще бывать в Москве. Об отношении Распутина к первопрестольной нашей столице можно узнать из дневниковых воспоминаний Василия Козлова. Там, где он пишет о том, как Валентин Григорьевич пошел провожать приехавших в Москву земляков-писателей, одним из которых был Василий Козлов со товарищи. Идя по Староконюшенному переулку, где у Валентина Григорьевича была скромно обставленная квартира, он признался: «Неделю еще выдерживаю (в Москве — прим. Э.А.), а потом тоска, всяческие приглашения выступить утомляют, хорошо хоть иногда к Шафаревичу сходишь, с Кожиновым поговоришь...». Москва, в отличие от Сибири, не была для Распутина почвой, она скорее давала ему атмосферу общения с людьми, близкими ему по чувству неотвязной боли и тревоги за русскую землю и русский народ...

Не единожды Василию Васильевичу Козлову довелось увидеть, что такое понятие «народный писатель» в действии. А оно в том, что по всей огромной нашей стране народ считал Распутина настолько своим, что подходил, чтобы просто пожать руку, взять автограф... Московские вахтерши помогали найти подъезд, где живет Распутин, с гордостью добавляя, мол, мы Валентина Григорьевича не только знаем, но и любим. Вот молоденькие студентки в столичном аэропорту с просьбой дать автограф, сибирские земляки, здоровающиеся с писателем на улице...

Всех и не упомнить! Не только на сцене, которую не очень-то жаловал писатель, но и в трамвае, на паромной переправе — всюду народ узнавал своего писателя. Отрадно, что очень часто это был совсем юный «народ», опровергающий собою все утверждения о том, что время литературы в России прошло.

Проникнутая дружеским уважением, книга Василия Козлова о Распутине очень живая, потому что напрочь лишена ложного пафоса и показывает нам великого нашего писателя в моментах сугубо земных, даже забавных. С интересом читается дневниковая запись Козлова о случае, имевшем место во время их совместной с Распутиным творческой командировки в Барнауле.

Приехали в Барнаул поздно вечером, и Валентин Григорьевич пригласил Василия Козлова к себе в номер немного подкрепиться-поужинать после трудного перелета. С завтрашнего дня им обоим предстоял весьма напряжённый график выступлений на встречах с читателями. Предоставлю слово Василию Васильевичу, учитывая нестандартность ситуации, хотя поведение Распутина в ней считаю образцом поведения не просто настоящего мужчины, но истинного сибиряка. Ужинают Козлов и Распутин в номере Распутина, на столе нарезан сыр, копченое мясо, хлеб. Все просто, по-сибирски, по-деревенски.

«Звонит телефон. Валентин берет трубку: «Слушаю. Нет. Не надо, спасибо. Я уже не в том возрасте. Нет, не надо!» — сказал спокойно, без раздражения.

— Вот, стоит только войти в номер, и начинаются звонки. И так везде в последнее время. Помню, случай был, в дверь постучали, открываю. Стоит девушка, симпатичная такая. Предлагает себя. Я пригласил ее в номер. Разговорились, оказалось, работать негде, больная мать и дочь на руках. Промышляет этим. Дал ей денег, сколько-то у меня было, немного. Говорю ей, приходите, у меня еще должны появиться деньги, я вам еще дам, но не пришла больше...

Снова звонок. Берет трубку, мягко отнекивается.

— Вася, давай отключим телефон, а то ведь не дадут житья...».

Заметим, что не звучит ни слова раздражения и осуждения, когда Валентин Григорьевич говорит фактически о «падшей женщине», что так беспардонно попыталась проникнуть в его номер. Сочувствие, сострадание — вот отношение Распутина к женской участи в этой непростой ситуации. Иначе и быть не могло, ведь Валентин Григорьевич — писатель, достоверно передавший в своём творчестве состояние, судьбы женщин России и понимание сути женской души. Русские женщины — молодые, постарше и пожилые — предстают со страниц его книг как живые. И воспринимаются читателями как реальные люди, с которыми мы или уже встречались, или непременно встретимся. Потому что они рядом, они не придуманные из головы!

В книге воспоминаний Василий Козлов открывает нам многие грани личности Распутина. И не может обойти вниманием то его качество, которое сделало паренька из сибирской глубинки писателем с такой пронзительной болью за уходящую Россию. Это отношение Распутина к памяти об ушедших.

«...я обратил внимание, что где бы он (Распутин — прим. Э.А.) ни бывал, в Барнауле, в Красноярске, в Москве, обязательно навещал могилы близких ему людей. Как будто прощался, отдавал последний поклон...».

Конечно, «Последний поклон» вряд ли стал бы событием русской литературы XX века, если бы его автор был другим. Думаю, для таланта уровня Распутина

в принципе не может быть ушедших в прошлое, умерших людей, ведь они все, однажды став частью его жизни и судьбы, остаются с ним, пока он жив. А благодаря его произведениям — остаются и с нами. Ведь в той же «уходящей» Матёре жизни и будущего больше, чем в иных современных мегаполисах... В Матёре люди живут движением души, а в мегаполисах телодвижениями в сторону хлеба насущного, — вынуждены так жить...

Негромкая исповедальность и тихая покаянность, характерные для творчества и судьбы Распутина, доходят до читательской души куда быстрее, чем все барабанные призывы и лозунги «жить не по лжи». Валентин Григорьевич, сколько его знаю, а знаю многие десятилетия, ни разу никого не осудил, всегда и во всем начиная с себя, и лично себя считая виновным во всем грустном, что происходит вокруг. И это же качество отметил Василий Козлов, рассказывая об одном случае:

«...говорили о том, что лес вывозят в Китай, все отдаем за бесценнок. Житов вспомнил о книге Солженицына «Двести лет вместе», вопрос о роли евреев в нашей культуре.

Валентин (Распутин — прим. Э.А.) вдруг выпалил:

— Нас расстреливать надо, если мы пятнадцать лет об одном и том же говорим.

Хотя сам ни слова не сказал, но тем не менее «нас»...

Великолепна книга «Рядом с Распутиным» еще и оформлением. Вкладка с цветными фото показывает нам Валентина Григорьевича с разными людьми — коллегами, читателями, артистами... А с обложки, со ступенек лестницы старого дома, на нас внимательно и даже испытующе глядит сам Валентин Григорьевич. Лестница не новодельная, но по всему видать — крепкая, ведь сидит на ней писатель уверенно и даже по-хозяйски. И, несмотря на свой цивильный городской костюм, Распутин смотрится на фоне этого деревенского дома вовсе не гостем!

Узнаем мы и многое забавное из книги Василия Козлова, касаемое писательской повседневности и связанное с Распутиным.

«Предприниматель Терещенко рассказывал мне: *«Валентину Григорьевичу подарил в дорогу водку «Калашников», стеклянный сосуд в форме «калаша» и упакован в зеленый армейский камуфляжный чехол, наподобие настоящего. В Москве его в багаж приняли, а во Франции, когда он получал багаж, чуть ли не за террориста приняли, подошли вооруженные спецназовцы и задержали его вместе с «Калашниковым», если бы не Ястржембский, бывший в группе, вряд ли вернули бы...»*

И еще из писательских приключений:

«20 апреля 2005 года. «Два дня назад Валентин Григорьевич вернулся из Москвы, ехал поездом. Владимир Крупин (по словам Скифа) передал во все писательские организации по пути следования, что едет Распутин... И вот на всех больших станциях днем и ночью делегации писателей поднимались в вагон и приветствовали веселыми возбужденными голосами трезвого Распутина. В Перми встречал, естественно, Анатолий Гребнев. Распутин после этой станции стал сам выходить к встречающим, чтобы не смущать проводниц и пассажиров...»

Удивительный такт и воспитанность по отношению к людям, нежелание обременять своей писательской славой обычных пассажиров поезда. И вправду, чем они-то виноваты, что попали в один вагон со знаменитым Распутиным, который категорически не любил ездить в vip-вагонах? И в то же время понимающее, ува-

жительное отношение Валентина Григорьевича к желанию коллег увидеть его. В этом весь Распутин.

Таким он был и остался в памяти народной — крупнейший писатель XX века, выразивший самые болезненные проблемы своего времени в произведениях кристальной чистоты русского языка и русской нравственности, защитник и печальник России. Герой Социалистического Труда, он с легкой грустинкой признавался коллегам: *«Вы думаете мне дали Героя за «Матёру», за «Живи и помни», за защиту Байкала и борьбу против поворота северных рек, нет. Была русская прослойка в ЦК. Егор Кузьмич Лигачев дал мне Героя».*

А вот тут не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Не соглашусь! Немало мы знаем героев соцтруда, при этом недоумевая, за какие такие заслуги им присуждено это высокое звание. Не будь Распутин автором «Живи и помни», «Прощания с Матерой», гениальных очерков о Сибири и так далее — награда не была бы подкреплена золотым запасом его таланта! Ведь никакая власть не может заставить народы России полюбить творчество писателя любовью, над которой не властно время.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Русский реалист Анатолий Костовский

«...Беда нынешнего российского «искусства» ...грешно величать *русским*, глупо писать «искусство» без кавычек... в том, что на его золоченном престоле четверть века княжит либо *продвинутая халтура* — дурят нашего брата зрителя, либо *розовый реализм* — опять дурят, либо многоликая, сладко искусительная *дьявольщина постмодерна* — ко греху и пороку влекут нашего брата; но истинная трагедия российского «искусства» в том, что выброшено с корабля подлой современности понятие *народности*, согласно которой двадцать веков оценивалось народное творчество, и три века светское искусство, в том числе и живописное¹».

Анатолий Костовский — художник русский, народный, а *русскость, народность* произведения, когда храм на холсте — не памятник зодчества, не живописный образ, но — обитель Божия, где в очистительном страдании, в покаянной молитве спасается грешная душа на пороге Вечности; когда деревенские избы, старгородские ветхие усадьбы — не милый сердцу живописный вид, но — русская судьба, величаявая и печальная, о которой художник мог бы воскликнуть: «Люблю до слез!.. до вечного покоя!..»

Живопись иркутских художников, любимая мною, не грешит демоническим сюрреализмом, чужда мертвотушному «авангардному» абстракционизму, от избретательного и лукавого ума, а в духовной сути — от хитромудрости князя тьмы. Впрочем, истинное реалистическое искусство, — не натурализм, что тоже от лукавого формотворчества, но — любовное осмысление человека, природы и образное символическое воплощение осмысленного на холсте. Отчего в реалистическом поле и мистический символизм живописи Андрея Рубцова, и предельно вольное, образно-стихийное обращение с натурой Анатолия Костовского».

Избранные реалисты Байкальской Сибири, мечущие громы и молнии в дьявольский авангардизм, смехом величаемый в богеме ивангардизмом и абрамгардизмом, горой стоящие за реализм в живописи, порушили привычное и порочное понимание реализма, на горе и беду авангарда изошрённо владея несметными формальными приёмами живописи, с коими авангардисты носились, как с писаной торбой, возглашая их очередными *авангардными направлениями* в изобразительном искусстве.

Вот и Анатолий Костовский — художник выдающегося живописного дарования, стихийно-смелого и неожиданного в образе, отчего порой оторопь берет: в портрете ли, пейзаже, жанровой картине живописец не утопает в подробностях видимой всем реальности, но с отмашистой и вольной силой пишет характер, состояние, идею, что от привычно зримой реальности остаётся эхом лишь отзвук и отсвет. Хотя при сем не рушится человек — подобие Божие, не корежится природа — творение Божие, но воспеваются либо с вешним ликованием, либо осенней грустью.

¹Цитата из моего очерка «Царица искусства».

Однажды в мастерскую к Анатолию Костовскому вместе с моей дочерью Аленой наведались студенты художественного училища, затаённо дерзкие, одержимые бесом крушения реализма, мечтающие на порушенном реализме нагромоздить Содом и Гоморру. А коль лохматых пареньков и стриженных девиц Алена загодя упредила, что гостить им у художника-реалиста, то их уже томила заведомая скука, раздирая рот зевотой. Но... посмотрели и оторопели: да реалист ли Костовский при столь образной, символической живописи?!

Может, у иных слепых котят разлепились веки, отпахнулись глаза на реализм, который у художников, подобных Анатолию Костовскому, — не убогий натурализм, но поэтическое, символическое, образное воплощение на холсте земной реальности, непостижимо таинственной, причудливой, парадоксально сочетающей в себе горний свет и дольний сумрак.

Живопись Анатолия Костовского, колористически многолика, в самых, на мой взгляд, выдающихся произведениях — стихийно-образная, яркая, зоревая и закатоно пылающая, в неожиданных, порой и дерзких сочетаниях цветов. Вспоминаю более спокойные, лирические пейзажи, два из которых («Весна», «Сороки») запечатлели даже не времена года, а — таинственное межсезонье, когда весна исподволь вкрадывается в снежную зиму. Еще укрывают землю глубокие снега, но... уже синевато-теплые, но... уже и сороки в предчувствии весны повеселели, но... уже и хозяйка выпустила на волю кур, истомленных в темных и душных курятниках.

Вглядываясь в этюды — а может, уже и картины — помянул я свое природное детство, описанное в рассказе «Озерное чудо»...

«Кажется, лишь дети, и чаще деревенские да редкие взрослые, милостью Божией в утаенных заводах души уберёгшие детство, могут сладостно и нетерпимо, с щемлящим и певучим счастьем ощущать, потом запальчиво или пронзительно грустно переживать времена года, их сказочные межы. Вот межа по-сентябрьски желтая, с небесной просинью, когда уморенная, огрузло зеленая листва жухнет и облетает, когда душа человечья, уже не сдавленная суетной летней плотью, полегчавшая, по-осеннему сквозна и проглядна, и готова, кажется, вот-вот повеяться к небу; а вот ядрено хрустящая от мороза, синевато-печальная снежная межа, где сугробы, словно чистые и вымороженные холсты твоей души, где рябиново засияют святые письма; а вот межа, обрызганная мелким вешним листом, похожим на ангельский смех малого чада, в ожидании счастья отпахнувшего ясные глаза к Божьему свету. И за всякой межой, чудилось в детстве, нас что-то благостное поджидает, и перемены в небе, в лесу, на озере, в поле и нам сулят дивные, похожие на чудо перемены».

Вот таким пристальным, по-детски восторженным или опечаленным, видением и примечательны «времена года» Анатолия Костовского, поэтически запечатленные на холсте. Если бы художник не назвал картину «Весна», то мы, зрители, скользнув взглядом, приняли бы картину и за теплый зимний пейзаж. Столь еще едва приметны веянья весны.

Суетливые сороки, слетевшие с крученных-верченных, древних рябин, клюющие ягоду на голубоватом снегу; куры-пеструшки на выпасе возле причудливо изогнутых, матерых берез; чайки, кружащие над корявым деревом, что упало с подмытого речного берега, и вверх сучьями, с неопавшей желтоватой листвой, вынеслось из реки в Байкал, — сюжеты эти, по-деревенски песенно запечатленные

на картинах, вольно ли, невольно напоминают природные и народные, деревенские стихи Михаила Трофимова. Не случайно — по творческому созвучию — Анатолий Костовский и написал серию портретов иркутского поэта.

* * *

Анатолий Костовский — мастер пейзажа, о чем писала Татьяна Ли² в большой и вдохновенной статье «Теплый зимний пейзаж»: «Большое видится на расстоянии. И чем протяженнее это расстояние в пространстве и во времени, тем яснее и четче проступает великая значимость окружавшего нас с детства мира — людей, вещей, запахов и звуков, среди которых вырос, и которые в итоге составляют такое грандиозное понятие, как Родина. Берёзки и подмосковные вечера для нас, сибиряков, образы скорее картинные, «киношные». Наша родина — это мощные сосны и кедры, это сиреневые от багульника горы и прозрачные студёные реки, это яркая синь неба и ослепительная белизна снегов, это невероятная пышность осени и робкая пастозность весны. (...) Образы родной сибирской природы, старых городских улочек, близких сердцу земляков в произведениях иркутского художника Анатолия Костовского вызывают смешанное чувство грусти и восторга — настолько они правдоподобны и так эмоционально созвучны нашему собственному восприятию. Его пейзажи, натюрморты и портреты — это протяжённое во времени живописание любимых образов. (...) Зимние пейзажи Костовского пахнут снегом и дымом из печных труб; искрящийся снег скрипит под ногами прохожих; развешанные во дворе простыни застыли, их края глухо стучат на ветру; гуси переминаются на снегу, поджимая лапки, и их гортанный гогот разносится в морозном воздухе по всей деревне (*«Зимний день»*, 1989; *«Крещенские морозы»*, 1993; *«Морозное утро»*, 1991; *«Гуси зимой»*, 2000). Воздух чист и прозрачен, чёткие контуры домов и деревьев уходят вглубь и вверх к высокому небу. Пространство картин объёмно и насыщено. Приземистые дома, придавленные белыми шапками, мощные стволы раскидистых деревьев, часто выступающих на первый план, написаны энергичной, сильной кистью.

Живопись плотная, пастозная. Но палитра богата тончайшими оттенками, ветви деревьев легки и сплетаются в тонкое кружево, силуэты церквей удлинены и устремляются вверх. Оттого картины не кажутся тяжёлыми, они свежи и наполнены воздухом. (...) Удивительно хороши осенние пейзажи Анатолия Георгиевича. Богатые, сочные краски пышной сибирской осени созвучны живописному таланту художника с его ярко выраженной эмоциональностью письма, пристрастием к цветовой насыщенности и столкновению контрастных тонов. Таковую осень, как на полотнах Костовского, можно увидеть только в Сибири — звучные чистые краски, прозрачный прохладный воздух, яркое холодное небо.

Но всё же камернее, ближе сердцу звучат зимние пейзажи художника, как ни странно, более тёплые и домашние. Зима на полотнах Костовского нарядная, праздничная. Старые дома со ставенками и крылечками, укутанные пышным снегом, кажутся особенно уютными и приветливыми. Не случайно пейзажи родного города, который так любит писать художник, в основном зимние (*«Улица Нижнеамурская зимой»*, 1978; *«Дом с колодцем»*, 1988; *«Вечер»*, 1990; *«Двор из окна Союза писателей»*, 1990).

Как человек страстный и неравнодушный, Анатолий Костовский никогда не

---

²Татьяна Ли — псевдоним Татьяны Шитиковой — журналист, искусствовед, в прошлом сотрудница Иркутского художественного музея, ныне — жительница Лондона.

оставался и не остаётся сторонним наблюдателем, — художник в полную душу живёт трудную русскую жизнь и искренне выражает своё отношение к происходящему. В картинах Анатолия Георгиевича — печаль о разрушенных храмах, где гуляет ветер и пасутся лошади («Разрушенный храм», 1979), боль за родной город, затянутый чёрным дымом от уродливых заводских труб, в котором понуро бредут рабочие («Церковь и завод», 1966), ностальгия по исчезающим деревянным теремам («Дом, которого нет», 1975; «Иркутский дворик», 1970) и любовь к уходящим старикам, — ветеранам и жертвам войн, перестроек и революций («Чапаевец», 1970; «День Победы», 1996; «Старик со старухой», 1995; «Дед с подсолнухами», 1995). Социальность творчества Анатолия Костовского, выраженная в некоторых картинах, — не социальный заказ, но зов сердца. («Октябрь», 1980; «Красный май. Последняя демонстрация», 1980; «Остров Аникин», 1980). «Остров Аникин» — созвучен повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Остров на реке Ангаре, угодивший под затопление при строительстве Богучанской ГЭС, на картине, словно корабль деревенской жизни, потерпевший крушение, который вот-вот уйдет под воду. Остров притаился, затих под сумрачно нависшим небом; уродливо торчат полуразрушенные стены с пусто зияющими распахнутыми дверями; избы испуганно прижались к земле; лишь старая церквушка и колокольня возвышаются, яко две свечи на открытом ветру, взывая к небу.(...)

Особое место в портретной галерее Анатолия Костовского занимают образы ветеранов. Некоторые из них при всей их индивидуальности удивительно схожи и достигают эпической обобщённости («Георгиевский кавалер Иван Мартынов», 1965; «Боец Чапаевской дивизии Сусанин Я.И.», 1969; «Портрет ветерана войны Фролова», 1970). Лица героев суровы: резкие морщины, прямой жёсткий взгляд, твердые скулы, плотно сжатые губы. Простота композиции, лаконичность рисунка, угловатость линий, размашистый мазок кисти придают портретам повышенную экспрессивность и напряжённость. От них исходит мощная энергия. В этих работах художника — обобщённый образ русского воина, простого солдата, который, пройдя сквозь боль, страх и ужас войны, сохранил душу и достоинство человека. (...)

Сохраняя традиции русской школы живописи, Анатолий Георгиевич Костовский, коренной иркутянин, — певец суровой, но яркой сибирской природы с её бескрайней тайгой, подпирающими небо горами и величавым Байкалом; певец сибирского деревянного зодчества с витиеватой резьбой и самобытной сибирской культуры. Художник путешествовал по стране, гостил в Монголии, что нашло отражение в его самобытных работах (серия картин «По Монголии», Тобольская, Тунгусская и Енисейская серии).

* * *

Искусствовед Тамара Драница полагает, что Анатолий Костовский, выдающийся представитель реалистической живописи, по дарованию близок классической живописи Пластова, братьев Ткачевых, Андропова, Салахова; а как портретист, созвучен Аркадию Вычугжанину, своему земляку, талантливому русскому художнику.

— Анатолий Костовский — был удивительным мастером колорита... — говорила Тамара Драница. — На первых порах его живопись — дерзкая, глубокая, насыщенная — у начальства вызывала неприятие... Художник остро ощущал все, что происходило в России. Он был патриотом, и в этом мироощущении был

похож на Валентина Распутина. Не случайно, что портрет Распутина кисти Анатолия Костовского — сильный трагический образ. Анатолий Георгиевич по мироощущению был близок Павлу Корину, автору картины «Русь уходящая». Как Павел Корин, как Валентин Распутин, и Анатолий Костовский талантливо воспел Русь сибирскую, уходящую на высокой трагической ноте.

Анатолий Костовский любил русское народное искусство, воплощенное в иконе и божественной литургии, в крестьянских обычаях и обрядах, в народной песне, былине, и сказке, в стихотворном и прозаическом слове, в лаптях и сарафане, в древодельном и живописном искусстве, в деревянном и каменном зодчестве. О том и вспоминал Сергей Селезнёв, прибайкальский уроженец, певец, известный в России и за рубежом:

«...В мастерской было прохладно, художник был в теплом свитере и фартуке. Сразу чувствовалось, что этот физически крепкий человек занимается только делом, но был рад принять в своей мастерской меня и мою жену. Мы сидели за небольшим столиком и пили чай с вкуснейшим вареньем. «Это варенье приготовила моя жена Зоя. Она у меня чудесная хозяйка, мастерица на все руки» (Зоя Костовская, также художница и, мы думаем, его муза и модель, — примечание авторов). Окинув взглядом мастерскую, высоко в центре я увидел небольшой святой уголок.

Во время общения Анатолий Георгиевич шутил, и когда я многожды пытался говорить о нем, художник уклонялся, что было явным проявлением его скромности, при этом в художнике иногда загоралось нечто мальчишеское. И это всегда поражает. Да, лишь высокоодарённые натуры способны сочетать детскую непосредственность и зрелую мудрость. Анатолий Георгиевич сделал с меня два наброска, пока я читал свои стихи. Он рисовал, шутил и улыбался...

Неожиданно он предложил мне надеть русский национальный костюм. Я смотрел на себя в зеркало, и мне хотелось петь русские народные песни. Было такое ощущение, что в мастерской существует машина времени, и художник перенес меня в прекрасное крестьянское прошлое. Хочу подчеркнуть, народность творчества Анатолия Георгиевича выражается в любви ко всему русскому. Когда мы уходили, он сделал нам чудеснейший подарок — небольшая, но очень светлая работа «Первые лучи солнца», написанная в 1989 году...

И когда мы расстались, я смотрел ему вслед и видел, как художник спокойно и уверенно идет вперед... И было ощущение, что художник Костовский и город Иркутск нечто целое, и нельзя представить город без такого человека, как он. Совершенно не желая польстить художнику, у меня возникла мысль — желание назвать одну из улиц Иркутска улицей Костовского...»

* * *

Анатолия Костовского, равно и друга его, живописца Владимира Кузьмина, можно повеличать певцом града Иркутского, в чем Анатолий и признался: «Всем, что есть во мне от художника, я обязан Иркутску. Его старые бревенчатые домишки научили меня видеть цвет во всем богатстве и сложности взаимоотношений. Они подсказали мне и живопись и колорит — тот сибирский и неповторимый колорит, который я не встречал нигде больше. Когда смотришь на старые дома, ворота, и представляешь, сколько веков прошумело над ними. Прошлое всегда помогает понять настоящее. Без него нельзя».

Анатолий Костовский в творчестве не насильственно, натурально сочетал и ликующую романтику «детей солнца», и светлую печаль памятных сынов рус-

ского народа; а посему — истинно русский народный художник, и не по гербовой сказке, лукаво добытой, а по русскому духу и русскому дару.

Архиепископ³ Иркутский и Ангарский Вадим сказал о творчестве Анатолия Костовского:

— Я почувствовал, что в этом человеке заложена мощная добролюбивая энергия... Даже вот движение его рук, его осанка говорят о том, что он полон энергии... В работах Анатолия Костовского поражает многое... Прежде всего палитра красок; казалось бы, как можно их уложить в одном полотне и создать такие цельные произведения? Вглядитесь в лица на портретах, насколько они выражают человеческий дух! Но самое главное — работы Анатолия Костовского светоносны, нравственны и моральны. Они заставляют человека стремиться быть лучше, оптимистичнее, светлее, видеть во всем, прежде всего, прекрасное.

Анатолий Костовский не зарывал живописный дар в землю, но и ради чистого искусства не чурался народной жизни; иные же художники либо по-мышьи таились от мира в норах *чистого* искусства, либо гибли в хмельном богомном чаду, либо, махнув рукой на родной народ и *страну дураков*, палили души и дарования в дьявольской погоне за славой смрадной и богатством тленным. Но рече Господь: «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (*Мф. 19:24*); «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». (*Мф. 6:19-20*) У иных многогрешных деятелей искусства лишь одна слава и была, что не собрали сокровищ на земле, не завели богатого имения, но жаль, что порой завидовали богатым, у коих мамон, распирающий сорочку, нависает на брючным ремнем, у коих в кармане *золотой телец*, а на коленях *золотая телка*.

Русский реалист Анатолий Костовский, в отличие от иных собратьев по кисти, не страдал иссушающим душу честолюбием, не гнался за благом земным, — не послужить разом Христу и мамоне, живя тем, что уж Бог пошлет, не слыл и *чистым художником* — с юных лет жил единой судьбой с родным народом, с единой любовью к родному русскому народу. И, по натуре человек справедливый и прямой ...хлеб ешь, а правду-матку режь... не избегал народных волнений и народных движений, а посему трудно представить иного художника, кто бы столь хлопотливо радел о сбережении памяти, воплощённой в каменном и деревянном зодчестве города Иркутска, о спасении Байкала, да и всей прибайкальской природы, которую он вдохновенно, то с ликующей, то опечаленной любовью воплощал в живописных произведениях.

* * *

Сии заметки создавались при жизни художника, а в середине января нынешнего года Анатолия Костовского схоронили; и мы, сродники, братья, сестры во Христе, будучи в храмах, пишем поминальные записки в алтарь, теплим свечи на поминальном кануне и молимся Богу: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Анатолия и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное».

2018 год

---

³Позже — митрополит Иркутский и Ангарский Вадим.

А. Костовский. Владыка Иркутский и Ангарский Вадим. 1996

А. Костовский, Поэт Миша Трофимов. 1983. Х., м. 90×90

А. Костовский. Август. 1989. Масло, холст. 106×103

А. Костовский. Куклы. 1972. Масло, холст. 90×90

А. Костовский. Алтайские Гоби. 1990. Масло, холст. 102×136

А. Костовский. В гостях. Портрет дочери. 1992. Масло, холст. 80×100

*А. Костовский. Памятники архитектуры.
1965. Картон, масло. 69×85*

А. Костовский. На Байкале. 1980. Холст, масло. 90 × 120

Сумочка к ребру

Пародии

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

(Великий Новгород)

Я вымокла до сокровенных мест...

Я вымокла до сокровенных тайн...

Анна Герасимова

Я вымокла до сокровенных мест,
Когда неслась по Питеру за хлебом.
Гроза метала молнии окрест,
И, как сапожник, материлось небо:

Мол, тайны ты надёжно береги
И не смотри по сторонам открыто,
В дождь надевай такие сапоги,
Чтоб было всё до горлышка прикрыто.

А я как заяц прыгала. Неслась
По лужам, всех прохожих обгоняя.
Бабульки рты открыли. И, крестясь,
Подумали, что я бегу — нагая.

Так платьё влипло в тело. Вот беда,
Как я теперь вернусь в свою квартиру?
С меня текла от разных тайн вода,
Такая вот я показалась миру...

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

(КАЛИНИНГРАД)

Как комсомолка

Мы познакомились в котельной,
Где я служил как истопник,
И труд мой был почти бесцельный —
К такому я давно привык.
Я кланялся своим лопатам,
Крепил выносливость углём
И сочинял отборным матом
Стихи о будущем своём.
А ты, без жалости и страха,
Вошла в мой мир углей и грёз,
Как комсомолка в штаб гестапо,
Как дочь кулацкая в колхоз.

Александр Хабаров

Пять вёрст до нашего посёлка,
И ты тихонько при луне,
Бесстрашная, как комсомолка,
Пришла в котельную ко мне.

На стуле сидя грязноватом,
Вдыхала сажу и тепло.
Мои стихи, с отборным матом,
Тебе услышать повезло.

Я сколько надо нарифмую
(Эх, жизнь котельная моя!),
Тебя на свет, полуживую,
Из кочегарки вынес я.

А утро свежестью дышало,
Я даже молчаливым стал,
И ты бессильно простонала:
«За что ты так меня пытал?».

ВЛАДИМИР СКИФ

Кое-что о поцелуях

... Не надо мне сил,
чтобы мир превозмочь!
Волшебно, как иней на вёдрах
с антоновкой поздней,
сверкают всю ночь,
всю ночь поцелуй
на бёдрах.

Татьяна Реброва

Ах, нежность твоя
всё сжигает вокруг!
Сжигает меня без остатка,
С неделю уже
ощущаю, мой друг,
Твои поцелуи на пятках.

На пятки встаю,
но идти не могу:
Как будто на гвозди ступила...
И вот по квартире
ползу на боку.
Зачем я тебя полюбила?

Знакомой поплакалась я медсестре,
И в больницу звонила
из дома,
Что очень болит
поцелуй на бедре,
А ниже спины — гематома!

Вчера говорила тебе:
— Не балуй!
И надо ж такому случиться!
В итоге
спровадил меня поцелуй
На Черное море —
лечиться!

Примерный муж

...Удивительная дата —
день рождения жены...

...Бесконечная матрёшка.
Сумасшедшая игра.
И у этой тайны трёшку
я выключивал вчера.

Владимир Старшов

На жену смотрю украдкой:
Как игрушечка жена!
Потому что физзарядкой
Занимается она.

За бельём и за капустой
Успевает без такси.
Я кричу ей: — Милый пупсик!
Ты помногу не носи!

А она несёт покупки
И пытит, как паровоз.
Стан её — довольно хрупкий —
Не сгибается в мороз.

Ах, ты жёнушка! Матрёшка!
На тебя с утра молюсь.
У тебя осталась трёшка?
Я пойду опохмелюсь...

Пляжная блажь

...Старый краб, не чуждый блажи,
Занял пост на женском пляже.
Говорят, у них на дне
Девки голые в цене...

Дмитрий Сухарев

Океан приопустился,
Я на пляже примостился,
Чтоб увидеть голых баб.
Тут ко мне подходит краб.

Я его в упор не вижу:
Старых крабов ненавижу!
Я сижу на валуне,
Он с претензией ко мне.

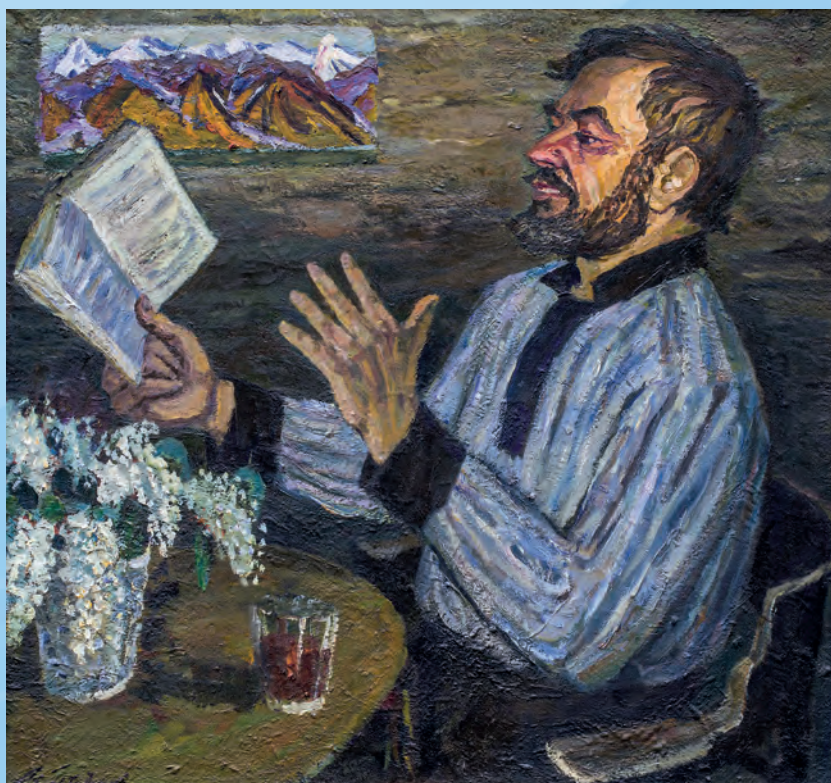
Дескать, он — хозяин пляжа
И его хранитель даже.
Девки, что вокруг лежат,
Все ему принадлежат.

Возмущённый до предела,
Крабу я ответил смело:
— Ни одной не уступлю!
Голых я и сам люблю!

Краб попятился: — Ну, что же?
Мы поэтов любим тоже!
С этих пор у них на дне
Подскачили мы в цене.

*А. Костовский. Портрет комсомолки 20-х гг.
А. М. Драйзенисток. 1969. Х., м. 80×80*

Первая книга. Портрет А.Г. Байбородина. 1999–2008. Холст, масло. 81×86

95 лет

со дня рождения художника
Костовского Анатолия Георгиевича

*Костовский Анатолий Георгиевич,
автопортрет с кистями. 1976. Картон, масло. 72 × 52*